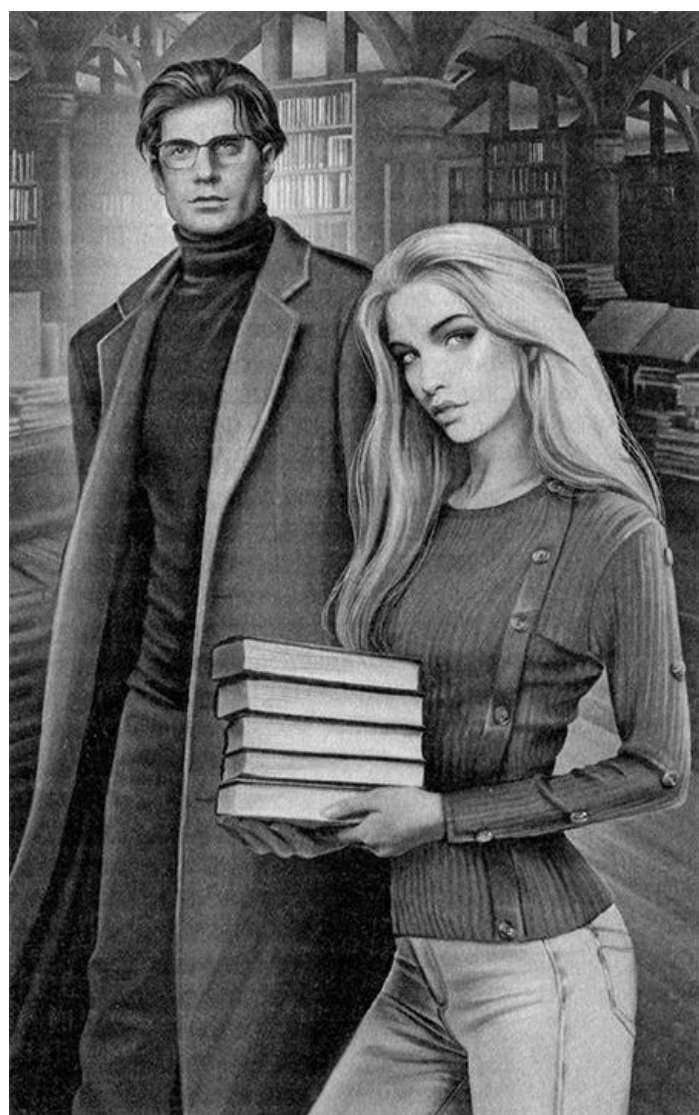

Марина Эльденберт

ЛЮБОВНИЦА ПОНЕВОЛЕ

ПРОЛОГ

Я вытолкнула себя из душной комнаты на пустынную веранду. Стеклопанные створки дверей бесшумно захлопнулись, приглушая звуки музыки и смеха: очередная вечеринка была в самом разгаре, а мне захотелось отдохнуть от этого шума.

Я с наслаждением вдохнула прохладный воздух, завернула за угол и забралась на мраморные перила. Уверена, мало кому сейчас пришло бы в голову сидеть на мраморе и рассматривать увядающий сад. Поздней осенью веранда оставалась не востребоваанной, даже в изящной пепельнице было всего два окурка.

Я не курила. Однажды попыталась, но потом чуть задохнулась и решила, что это не мое. Я вообще гордилась тем, что сразу могу понять, что мое, а что не мое. Вот сидеть на мраморе и рассматривать полную луну вместе со звездами — это мое. Здесь, за городом, они ярче и ближе. А шумные вечеринки до утра — совсем не мое.

Я неправильная студентка. Всем нравятся вечеринки, Дэнвер их очень любит. А я люблю Дэнвера, поэтому и хожу на вечеринки вместе с ним. Хотя по большому счету мне все равно, куда мы отправимся вместе. Когда мы танцуем, когда он прижимает меня к груди или кладет ладонь мне на талию, притягивая к себе, мне плевать абсолютно на все. Какие там вечеринки!

Мы с Дэнвером разные. Я — человек, он — вервольф. Я люблю почитать в одиночестве, он не может существовать без общения. Занятия по физической подготовке мною приравняются к пыткам, и я безумно благодарна маме за ген стройности, а Дэн не начинает свой день без силовых тренировок. Я предпочитаю решать все путем переговоров, Дэнверу только дай с кем-нибудь подраться.

Он будто дополняет меня, а я дополняю его.

Наверное, поэтому я приняла предложение Дэнвера. Я выуживаю цепочку, спрятанную под блузкой, и вытаскиваю кольцо. Камень сияет ярче звезд и в очередной раз заставляет меня им любоваться. Необычайно красиво. Но даже будь оно медным ободком, осталось бы таким же прекрасным. Потому что оно особенное.

Символ нашей любви.

Наша тайная помолвка.

Музыка то громче, то тише, наверное, поэтому я не улавливаю мгновения, когда двери на веранду снова открываются, но сразу осознаю, что уже не одна. Конечно, можно предположить, что кто-то все-таки решил покурить на холоде, но так тихо ходят только верволфы. А я не встречала еще ни одного дымящего вервольфа: для этого у них слишком чувствительное обоняние.

Я почти не сомневаюсь, кто за моей спиной. Здесь меня искать мог только один мужчина. И только один мужчина может подходить ко мне так близко. Я почти касаюсь плечом его пиджака.

— Соскучился? — интересуюсь я.

— Очень, — выдыхает он хрипло, дыханием касаясь моего уха, а меня прошибает холодный пот.

Потому что мужчина за моей спиной совсем не мой жених.

Это Доминик Экрот.

Я вздрагиваю, отшатываюсь и теряю равновесие. Внизу острые ветки облетевших кустов, но рывок вверх возвращает меня на веранду. Правда, я тут же оказываюсь зажата холодным мрамором с одной стороны и лучшим другом Дэнвера с другой. Последний тоже напоминает камень, разве что живой и горячий. Только этот жар нестерпимо обжигает, хочется как можно скорее отодвинуться от него.

— Осторожнее, Шарлин. Иначе я подумаю, что ты при звуках моего голоса готова сразу упасть к моим ногам.

— Нет, это я решила в кусты прыгнуть, от тебя подальше.

В светло-карих глазах появляется заметный даже в полутьме золотистый блеск — готовность перейти в другую ипостась, а тонкие, словно выточенные губы упрямо сжимаются.

Доминик высокий, мощный и красивый. Впрочем, как все верволфы. Разве что большинство из них брюнеты, а его волосы цвета темного меда с вкраплениями золотых прядей. Но не только внешность отличает его от Дэнвера.

Он молчаливый.

Он загадочный.

И пугающий.

— Значит, не стоило тебя спасать? — В голосе Доминика появляются рычащие ноты, будто острыми когтями проводят по шелку.

— Не стоило идти за мной.

— Мне захотелось.

— Не всегда получаешь то, что хочешь.

— Не в моем случае, Шарлин.

Он единственный, кто так произносит мое имя. Будто это самая откровенная и непристойная пошлость.

— Отпусти меня.

— Не хочу.

У меня мурашки по коже, и вовсе не от возбуждения, как это бывает с Дэнвером. Я за секунду почувствовала себя так, будто повстречала на узкой тропе опасного хищника, а помощи ждать неоткуда.

— Доминик, — показываю ему кольцо на цепочке.

Это срабатывает: мужчина от меня резко отстраняется. Правда, загораживает двери, отсекая возможность проскользнуть мимо него обратно в дом.

— Он все-таки сделал предложение?

— Да. Пока это тайна.

— Его родители будут в бешенстве.

Мои тоже не сильно обрадуются. Браки между вервольфами и людьми не запрещены законом, но большая редкость. На то много причин, но ни одна из них не преграда для нас с Дэном.

— Поэтому мы и хотим сначала пожениться, а потом рассказать об этом.

— Это будет ошибкой.

Он говорит это так уверенно, что я сжимаю кулаки.

— Тоже считаешь, что я не пара вервольфу?

— Нет, я считаю, что Дэн тебе не подходит.

— А кто подходит?

— Я.

Такого ответа я даже не ждала. Потому что за те несколько месяцев, что я знакома с Домиником, мы только и делали, что тренировались друг на друге в язвительности. Ни о какой симпатии и речи не шло. Каждый раз, когда он на меня смотрел, я ловила в его взгляде высокомерную снисходительность.

А теперь он говорит, что я ему... Подхожу?

— Я люблю Дэнвера, — произношу четко.

— Разумеется. — Доминик приподнимает брови. — Ты будешь отличной любовницей, Шарлин. Постоянной конечно же.

Если можно оскорбить сильнее, то я даже не представляла как. Мои щеки вспыхивают так, что прохлада осенней ночи ощущается так, будто я прислонилась к льдине.

— Стоит родителям Дэна узнать, что он женился на тебе, они быстро отрубят ему все семейные кормушки. Вы уже не сможет жить с размахом, как раньше, — он кивает на дом, — не будет всех

этих вечеринок. Не будет всех тех подарков, которые ты от него получаешь.

Я не успеваю ответить, что в задницу подарки, Доминик едва уловимым, плавным движением перетекает ко мне.

— Хорошо подумай, Шарлин. Я предлагаю тебе жизнь, похожую на рай. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

— А взамен нужно с тобой трахаться...

Неожиданно его указательный палец прижимается к моим губам.

— Тсс, не груби. Хотя если тебя это заводит, я согласен сделать исключение.

Это прикосновение настолько беспардонное, что я просто задыхаюсь от бешенства. Особенно, когда его ладонь соскальзывает на мою шею.

— Я лучше его, Шарлин. Одна ночь со мной тебе это покажет.

— Я никогда не буду с тобой! — с отвращением выплевываю я. — Ни за деньги, ни просто так!

Я оказываюсь прижата к груди вервольфа раньше, чем успеваю сделать следующий вдох. Он сжимает меня так сильно, что кажется, вот-вот раздавит, уничтожит одним только своим присутствием. Или взглядом, который уже всю горит желтизной, а на гладковыбритом подбородке проступает «волчья щетина». Уверена, если посмотрю на его руки, то увижу когти, но смотреть вниз мне совсем не хочется, и так чувствую, насколько сильно Доминик хочет меня.

— Поосторожнее с обещаниями, Шарлин, — рычит он. — Может случиться так, что ты передумаешь и сама ко мне прибежишь.

— Никогда!

Его рот запечатывает мой грубым поцелуем, и у меня темнеет перед глазами. От недостатка воздуха, от потери свободы. От той тьмы, которая плещется в нем.

Но, прежде чем я успеваю упасть в эту яму, Доминик отстраняется так же быстро, открывая моему взгляду Дэнвера.

— Что это значит?

Я еще ни разу не видела глаза своего жениха настолько яркими, он так сильно зол, что даже я понимаю: он почти сдерживается от трансформации. А вот Доминик, напротив, привычно невозмутим. От его ярости не остается и следа.

— Мы просто разговаривали, — говорит он.

— Я думал, что это называется по-другому.

Я бросаюсь к Дэну, обхватываю его шею руками, и плевать, как это выглядит со стороны.

— Пожалуйста, давай уйдем отсюда, — прошу его.

Теперь уже Доминик не кажется мне пугающим, он кажется мне опасным. Настолько опасным, как бездонные провалы звериных зрачков. Мне становится по-настоящему страшно, потому что исходящую от Дэнвера злость я ощущаю всей кожей. Так же, как ленивое, расслабленное спокойствие, которое излучает Доминик. Спокойствие зверя перед броском.

— Сначала я покажу одному вервольфу, что не нужно разевать пасть на чужую женщину.

Дэн отставляет меня в сторону, сжимая и разжимая кулаки. Но Доминик и бровью не ведет.

— Если ударишь, наша договоренность потеряет силу, — предупреждает он.

Дэнвер будто натывается на невидимую преграду, колеблется лишь секунду, а затем переплетает наши пальцы и, злобно сверкнув взглядом в сторону друга, тянет меня в дом.

— Дэн, о чем он говорил? Что имел в виду?

— Не бери в голову, милая. Это наши общие дела.

— Которые меня не касаются? — выпалила я и ускорила шаг.

Все, хватит с меня вечеринок!

Дэнвер догоняет меня на крыльце, захватив наши пальто. Его уже отпустило, и это снова мой позитивный Дэн.

— Чар, ты все не так поняла. Мы... видимо, оба все не так поняли. Не знаю, что нашло на Доминика, но на него действительно можно положиться. У него есть связи... в особых кругах, он может решить любую проблему. В том числе связанную с нами.

— О чем ты?

— Доминик очень богат, и он не зависит от родителей.

Я холодею, хотя куда уж сильнее.

— Пожалуйста, Дэнвер, не нужно брать у него деньги. Не связывайся с ним. Он очень плохой человек.

— Вервольф, — поправляет он меня.

— Да, вервольф.

Мы молчим по дороге в квартиру Дэна. Он ведет машину, а я вглядываюсь в темный лес по обе стороны от дороги. Как никогда я чувствую пропасть между нами, и впервые мне становится так страшно.

— Вдруг ничего не получится?

— Что? — непонимающе смотрит на меня жених.

— Я про нас.

Видимо, что-то в моем голосе заставляет Дэнвера съехать с обочины и остановить машину.

— Глупости, Чар. Я люблю тебя, а ты меня. Это самое важное. Мои родители терпеть друг друга не могут, и только отравляют жизнь себе и нам с братьями. Я хочу, чтобы у нас все было по-другому. Мне никто не нужен, кроме тебя.

На душе теплеет, и я слабо улыбаюсь.

— И только смерть разлучит нас, — добавляет он шутливо.

— Не говори таких страшных слов, Дэнвер. У меня мурашки по коже.

Мой жених только смеется:

— Чар, это же устойчивое выражение. Литературное, между прочим. Кто из нас учится на филологическом, а?

Мне не смешно. Я принимаю к нему и целую. Так отчаянно, как, пожалуй, никогда еще не целовала. Будто пытаюсь стереть все плохое, что было между нами, а еще забыть и проклятого Доминика с его поцелуем и словами про то, что у нас Дэнвером нет будущего.

— Я не хочу с тобой разлучаться, — шепчу ему.

— Значит, никуда я от тебя не денусь.

— Обещаешь?

— Клянусь!

На этот раз Дэн меня целует, а я крепко прижимаюсь к нему. В эту минуту я действительно верю, что мы не расстанемся никогда.

ГЛАВА 1

Четыре года спустя

— Дэнвер, не порть все то хорошее, что между нами было. А оно было, пусть даже после все пошло под откос. Я говорила, что виноват ты, но это неправда, мы оба накосячили. Я, наверное, слишком многого от тебя требовала, да и от себя тоже... Но сейчас все изменилось, и нас ничего больше не связывает, кроме этих бумаг. Так сделай это, наконец! Тебе даже не нужно возвращаться в Крайтон, просто подпиши документы о разводе, и я от тебя отстану.

Писк в трубке возвестил о том, что положенное время для записи сообщения на автоответчик закончилось, и я в сердцах швырнула трубку на пассажирское сиденье.

Сколько за последний год я оставила таких сообщений? Сотню или больше? Однажды звонила ему каждый день всю неделю, но сейчас отзванивалась по средам по дороге на работу. Сообщения были разными: начиная от спокойных, где я уговаривала Дэна, что так будет лучше для нас двоих, и заканчивая угрозами, когда я обещала лично приехать к нему и оторвать все ненужное, если он не подпишет бесовские бумаги.

Проблема была в том, что я не знала, где сейчас мой муж.

И мне в общем-то было на это плевать, если бы этот драный вервольф дал мне развод. По законам Легории супруги оба должны отказаться от брака: нет двух подписей — продолжайте мучиться! Исключение могут сделать разве что «в случае нанесения телесных повреждений», но, несмотря на все недостатки мужа, на его врожденную агрессию, несмотря на то, что мы раньше ссорились до сорванных голосов, он меня ни разу не ударил, а сейчас это вообще было неактуально. В последний наш телефонный разговор Дэн обещал приехать и разрубить эту веревку, связывающую нас.

Тогда я еще верила его обещаниям.

Я припарковала машину во внутреннем дворе и вошла в магазин через черный вход. Рэбел, моя бессменная помощница, как раз расставляла новые экземпляры и протирала полки.

— Снова не взял трубку? — поинтересовалась Рэбел, лихо спрыгивая на пол. Она не могла похвастаться высоким ростом, но зато благодаря этому не падала ни с одного табурета, балансируя наверху.

— У меня это на лице написано?

— Да. У тебя взгляд становится таким, будто хочешь взять томик Дрэксона и дать кое-кому по морде.

Я не сдерживаю улыбку. Энциклопедия Дрэксона, или «Все о мире вервольфов», пожалуй, самая огромная книга, которая есть в моей лавке, если не сказать самая большая в мире.

— Дрэксон, Рэбел? Он же не выживет!

— Никто после такого не выживет. Но тогда и разводиться не придется.

— Рэбел!

— Ладно, молчу. Но когда вижу тебе такой, сама посматриваю в сторону различных энциклопедий. — Раскосые глаза помощницы сужаются совсем в щелки — верный признак раздражения. — Потом, правда, вспоминаю, что они стоят дороже, чем шкура этой псины.

— Вспоминай об этом почаще. Нельзя швырять в людей или вервольфов редкими изданиями. Во-первых, тебя могут арестовать, во-вторых, ты можешь повредить редкий и дорогой экземпляр.

Рэбел яростно приглаживает темные густые волосы, заплетенные во множество кос.

— Чарли, ты не думала, что можешь нанять детектива? Разыскать этого вервольфа и заставить его все подписать?

— Для того что заставить Дэнвера что-то подписать, нужно нанять двоих-троих головорезов, но я не стану связываться с криминалом.

Хватит того, что в нем погряз мой муж. Этого я не говорю, но Рэбел и так знает всю историю. У нас разница в двадцать лет, тем не менее она мой лучший друг и знает обо мне все.

— Но из-за этой бумажки ты не можешь строить свою личную жизнь!

— Рэбел, вся моя личная жизнь — это вот, — киваю на полки с книгами и вскидываю руку вверх: — Закрыли тему. Не хочу больше о нем. Лучше скажи, что нам вчера прислал прим Томпсон.

Это срабатывает: Рэбел переключается на рабочие дела. Магазин достался мне в наследство от любимой бабушки, родители хотели его продать, считая, что букинистическая лавка в век развития информационных технологий — неперспективно. Но я отказалась и после окончания университета превратила лавку в место, куда приезжали не только из Крайтона, со всех концов Легории. Мы принимали только редкие издания книг, настолько редкие и эксклюзивные, что любители готовы были хорошо платить за них. К тому же мне удалось сохранить атмосферу ушедшего, поэтому все наши клиенты с порога будто попадали в прошлое, погружаясь в ретромир. Как бы ни ворчала Рэбел, я действительно любила то, что делала, и старалась ради собственного дела.

Правда, сегодняшние первые посетители отличаются от тех, кто обычно к нам заходит. Точнее, они ведут себя по-другому: чаще всего новенькие в нашем магазине выглядят так, словно попали в музей, замирают возле клетки с серебристым попугаем или прилипают взглядами к полкам, от пола до самого потолка заставленным книгами. Эти двое сразу направляются к стойке с кассой, то есть ко мне.

— Прима Брайс? — уточняет высокая темноволосая женщина, ее спутник маячит за спиной и скусающе рассматривает все вокруг. Судя по выправке, эти двое из полиции, хотя и без формы. Оба вервольфы.

— Да, это я.

— Сержант Лабрю. — Она указывает на своего напарника: — И сержант Баррет. Уделите нам минутку.

— Да, конечно. Что-то случилось?

— Случилось. Когда вы в последний раз общались со своим мужем?

По спине почему-то пробегает холодок. Интуиция подсказывает, что Дэн влип во что-то.

— Год назад, может, больше. А что?

— Дэнвер Брайс погиб сегодня ночью в автокатастрофе.

Дэн мертв?

Мой муж — мертв?

Новость заставляет ухватиться за край стойки. Пульс стучит в ушах, а я... я оказываюсь где-то в другой реальности. Темноволосая сержант что-то еще говорит, но смысл ее слов ускользает от меня.

— Что? — как в тумане переспрашиваю я и добавляю: — Этого не может быть, он же вервольф.

Серьезные взгляды полицейских сменяются на сочувствующие. Ну да, вервольфы сильнее человека, выносливее, и регенерация у них лучше, но они не бессмертные.

— Эксперты говорят, — приходит на помощь своей напарнице второй сержант, я при всем желании не могу вспомнить его фамилию, — что он получил травму, из-за которой не смог выбраться из автомобиля и сгорел вместе с ним.

Глубокий вздох слева от меня заставляет вздрогнуть: это Рэбел зажимает ладонью рот. В ее глазах ужас и паника. Моя помощница боится огня после того, как сама в детстве едва выбралась из горящего здания. Я это помню. Как помню то, что Дэнвер ничего не боялся. Ни пламени, ни высоких скоростей.

Он вообще любил рисковать.

— Прима Брайс. — Кажется, сержант Лабрю не первый раз окликает меня, и я заставляю себя оттолкнуться от стойки, в которую вцепилась пальцами.

— Да?

— Мы соболезнуем вашей утрате, но нам нужно задать вам пару вопросов, наедине.

Рэбел приходит в себя первой:

— Я схожу за кофе.

Она снимает пальто с вешалки, набрасывает его на плечи и выходит через главный вход. Мне бы не помешал кофе, и пальто тоже не помешало бы, потому что даже теплый свитер не спасает от внутренней дрожи.

— Скажите, у вашего мужа были враги?

Вот теперь я холодею по-настоящему, а во рту пересыхает от волнения.

— Я понятия не имею. — Мой голос звучит так, будто он не мой вовсе. Спокойно, отстраненно, я выключаю эмоции, чтобы не начать кричать или не стечь на пол, забившись в угол между стеной и стойкой. — Как я уже сказала, мы очень давно общались. Я даже подавала заявление в полицию, чтобы вы его разыскали.

— Мы в курсе, — кивнула сержант Лабрю. — То есть вы с ним не связывались больше полугода, не созванивались и искали исключительно для того, чтобы развестись?

— Он не отвечал на мои звонки. Почему вы спрашиваете про врагов?

Сержанты переглянулись, и только затем второй ответил:

— У нас есть предположение, что это не несчастный случай, что авария подстроена.

Не предположение, понимаю по их взглядам. Они уверены, что Дэн убили.

Одной фразой меня насильно втягивает в воспоминания. Тогда я еще верила, что у нас с Дэнвером действительно все может наладиться. Он нашел новую работу, сказал мне, что учит боевым навыкам какого-то богатея. Платили очень хорошо, за несколько месяцев муж купил новую машину, делал подарки, пригласил меня в ресторан отметить годовщину.

После ужина мы с Дэнвером вернулись домой и занимались сексом до утра, несмотря на то что в предыдущие месяцы муж был достаточно холоден. С каждым годом наш брак все сильнее и сильнее испытывало на прочность. Дэн очень переживал, хоть и пытался скрыть то, что не прижился в среде людей, что лишился всех привилегий собственной семьи. А я не могу закрыть эту брешь в его сердце. Я не была волчицей или богатой наследницей, мне принадлежал лишь небольшой счет в банке и магазин. Дэн не хотел быть как все, но рядом со мной у него не получалось по-другому. И это раз за разом становилось причиной наших ссор.

В ту ночь все было как прежде, как тогда, когда мы только-только познакомились. Поэтому меня накрыло эйфорией, я весь день ходила как пьяная и искренне верила, что это новый виток наших отношений.

В каком-то смысле так и было.

Потому что ближе к вечеру мне позвонили.

— Шарлин Брайс? — Женский голос оказался таким высоким и звонким, что поначалу я решила, что незнакомка очень молода.

— Да, это я.

— Хотела узнать, как чувствует себя та, что не дает свободы своему мужу.

Я как раз ставила увесистый том «Истории королей вервольфов» на полку и уронила его себе на ногу, но даже не почувствовала этого. Это напоминало тупой розыгрыш, как на День шута — ежегодный карнавал, проходящий по всей стране.

— Что? В каком смысле?

— В том самом, стерва! Только не делай вид, что ты тут ни при чем! Мне прекрасно известно, что ты не даешь Дэни развод, чтобы мы могли быть вместе.

Нет, это точно казалось шуткой. Очень жестокой и злой. Но первый шок миновал, и я холодно поинтересовалась:

— Вы вообще кто?

— Его единственная любовь, Чар.

Так меня называл только Дэн, поэтому я только сильнее сдвинула телефон с желанием смять его в кулак. К счастью, я не была вервольфом, чтобы сделать это.

— Что молчишь, сучка?! — совсем не по-женски прорычали в трубку. — Дэн говорил, что ты холодная, как льдина, и он давно тебя не трахает. Странно, что вообще трахал: не каждой под силу вынести темперамент чемпиона Волчьего ринга!

Внутри все мелко дрожало, но я ограничилась глубоким вдохом, выдохом:

— Не звоните мне больше.

— Подпиши развод и оставь его в покое!

Я нажала отбой раньше, чем она продолжила.

Внутри меня растекалась тьма, готовая меня поглотить, но снаружи я будто окаменела. Прождала до самой ночи Дэнвера, не ложилась спать, сопоставляла все детали. И в детстве, и в университете я любила детективные романы и всегда подмечала то, что не видели другие. Но почему-то предпочла обманываться, закрывать глаза на очевидные вещи. Например, откуда у обычного тренера деньги на спорткар и брендовую одежду. И почему он возвращается так поздно.

— Чар? — поинтересовался он, застав меня в гостиной. — Почему не спишь?

— Тот же вопрос, Дэн.

— Я работал, милая.

— Что же это за работа, милый, которую приходится делать по ночам?

Дэнвер проходит вперед, но почему-то не снимает пальто.

— Так захотел клиент, — разводит руками муж, улыбаясь. — Днем он занимается делами, поэтому тренируемся мы тогда, когда у него получается.

— По выходным?

— Ну да.

— И чем он занимается?

— Спортом. — Дэн избегал смотреть мне в глаза — верный признак, что я загнала его в угол. — Он вкладывает деньги в игроков. В боксеров.

— Вкладывает в боксеров, но попросил тебя его обучать?

— А что странного? — вспыхнул Дэнвер. — Ты не веришь, что я могу чему-то его научить? Не веришь в меня?

Я приподняла бровь:

— Почему нет? Я всегда тебе безоговорочно верила. Может, сейчас хочу убедиться, что это по-прежнему так. Хочу знать, где ты был на самом деле.

— Чар, ты что, ревнуешь? Милая, я люблю только тебя.

— А трахаешь других.

Его «милая» как когтями по сердцу, но хуже всего взгляд Дэнвера: за напускным удивлением он не успевает спрятать досаду и злость. Особенно, когда я добавляю:

— Сегодня как раз одна звонила, требовала, чтобы я дала тебе развод.

— Кто?

— То есть их много?

Мои слова заставляют Дэнвера выругаться.

— Чар, брось. Это все несерьезно. Не накручивай себя.

Полы пальто распахиваются, но муж, будто опомнившись запахивает его вновь. Лето в самом разгаре, и дома душно даже ночью, а он не снимает проклятое пальто!

— Сними пальто, Дэн.

— Зачем? Это к делу не относится.

— Просто сними пальто.

— Нет.

Я шагаю к нему и где-то на полпути понимаю, что не так. Я не вервольф, но запах от Дэна такой резкий, что его сложно не уловить, и это вовсе не запах нотного тела.

Рывком бросаюсь вперед, распахиваю пальто и вздрагиваю от увиденного. Потому что рукав рубашки и бок разодраны и в крови.

— Ты ранен? — охаю я, забыв про злость. Забыв вообще обо всем.

Осторожно касаюсь его плеча, но он отталкивает меня от себя, легонько для вервольфа, и я падаю на диван.

— Не включай заботливую женушку, Шарлин, — цедит он. — И не лезь не в свое дело!

Его черты искажает едва сдерживаемая трансформация, и впервые за все годы, что я знаю Дэнера, страх холодом пробирает меня.

Меня пугает собственный муж.

— Что это? Что это за тренировки такие, Дэнер? — разрываю я эту тишину. — Откуда у тебя деньги? И что такое Волчий ринг?

— Норма, тварь, чтоб ее... Хочешь знать откуда деньги? Оттуда. А Волчий ринг — бои вервольфов.

— Это законно?

Я понимаю, что нет, сразу, как только успеваю спросить. Даже не по взгляду Дэнера, просто понимаю, что он влез туда, куда не следует, наплевав на все. Наплевав на то, как я к этому отношусь. Наплевав на меня.

— Незаконно, Чар. — Улыбка Дэна настолько издевательская, что напоминает оскал. — Но покажи мне место, где такие деньги можно заработать законно?

— Это плохие деньги, Дэнер. Это...

— Мне плевать на это! — рычит муж. — Это моя стихия. Я — вервольф, а не комнатная собачонка.

— Я никогда не считала тебя...

— Да ладно! Я тебе разве что тапки в зубах не приносил, а что ты? Ты никогда не думала, что я вервольф, который живет жизнью человека. Жизнью неудачника!

Я снова хочу возразить, но он рычит:

— Молчи, Чар! Мне известно, как прекрасно ты можешь впаривать свое мнение под этикеткой заботы. Вот только забота — это поддержка.

— Я тебя поддерживала!

— Ни хрена ты меня не поддерживала! Ты все время говорила мне, что быть неудачником нормально. Тебя устраивало, когда я был таким. Зависимым от тебя. Так вот это ненормально! Тебя вообще ничего не интересует, кроме твоего магазина.

— Мы не умерли с голода благодаря моему магазину.

— Ну да, только с голода и не умерли. Но, знаешь, есть нормальные женщины, для которых я не послушная шавка, а чемпион. Для которых я мужик, интересующий их гораздо больше рассыпающихся от старости книг. Меня достало твое нытье! Достала твоя правильность! Нормальная волчица только бы обрадовалась тому, что у нас появились деньги и что ее волк — лучший боец!

— Я не волчица!

— И в этом твоя проблема!

Я резко поднялась и указала ему на дверь:

— Убирайся!

Глаза Дэнера сверкнули желтым. Он шагнул было ко мне, но я стянула кольцо и швырнула ему под

ноги. То самое кольцо, которое когда-то носила на цепочке. То самое кольцо, которое минуту назад еще обжигало мне палец.

— Уходи, Дэн, — сказала спокойно: так спокойно, как нужно разговаривать со взбесившимся зверем.

Спокойно, ни на минуту не теряя уверенности в себе.

— Уходи, или, клянусь, я вызову полицию и все им расскажу.

Дэнвер замер, словно наткнулся на стену.

— Ты пожалеешь, Шарлин, — прорычал он.

А потом резко развернулся. Кольцо смялось под его ботинком, он вылетел за дверь и хлопнул ею с такой силой, что чудом не сорвал с петель.

В тот вечер я вычеркнула его из своей жизни и с тех пор виделась с ним единственный раз. Мы встретились в кафе «У Барри», что напротив моего магазина. Спустя две недели я смогла спокойно с ним разговаривать и напостила, что мне нужен развод. Дэнвер уговаривал меня подумать и дать нашим отношениям еще один шанс, но я понимала, что шанса у нас нет. О чем сразу и прямо ему сказала.

На следующий день он исчез.

По законам Легории супруги оба должны отказаться от брака: нет двух подписей — продолжайте мучиться! Поэтому следующие месяцы я пыталась до него дозвониться. Поэтому подала заявление в полицию на поиски мужа. А теперь... сегодня узнала, что...

Дэнвер мертв.

— Прима Брайс? — возвращает меня в реальность голос сержанта Лабрю. Только сейчас замечаю, что ее напарник отошел к стеллажам. — Я знаю, что новости у нас плохие, но, вероятно, вы сможете помочь в нашем расследовании.

— Чем я могу помочь?

А главное — зачем?

Дэнвера это уже не вернет.

— Чем прим Брайс занимался до того, как вы расстались? Может, упоминал какие-либо имена? Что-то необычное...

Имена? Нет. Я даже не знала полное имя его любовницы. Был только Волчий ринг, но рассказывать полиции о том, что я знала про подпольные бои, в которых участвовал Дэн, вряд ли разумно. Это вызовет кучу вопросов, и уже не таких вежливых.

— Нет. Я уже говорила, что мы виделись с ним мы очень давно.

Сержанты вновь играют в гляделки, а мне нестерпимо хочется прекратить этот допрос. Потому что у меня ночью умер муж. Потому что я едва держусь, и у меня нет ни сил, ни желания отвечать на их вопросы.

— Вы уверены?

— Да, абсолютно, — киваю.

— Позвоните нам, если вдруг что-то вспомните, — произносит стандартную фразу сержант Лабрю, вручая мне треугольник визитки. — И еще раз примите наши соболезнования.

Моя помощница влетает в магазин сразу же, как только полицейские уходят. Наверняка ждала на крыльце.

— Вот, — она вручает мне кружку с кофе, — пей, пока не остыл.

Я была настолько оглушена произошедшем, что послушно сделала глоток и тут же закашлялась, потому что горло обожгло огнем.

— Рэбел, что это?!

— Кофейный виски.

— Кофе с виски?

— Нет. Кофе с виски — это когда добавляешь в кофе пару ложек горячительного. А кофейный виски, когда в подогретый алкоголь добавляешь немного кофе.

У помощницы настолько серьезный вид, что я начинаю смеяться. Не так, как обычно. Смех вырывается из меня резко, с надрывом, обжигает все внутри не слабее кофейного виски. Перед глазами встает мутная пелена, и вот я уже чувствую, как Рэбел прижимает меня к своей большой груди.

— Поплачь-поплачь, Чарли. От слез всегда легче.

Не легче, я это знаю. Поэтому мотаю головой, задавив в зародыше выглядывающую наружу истерику.

Я сильная.

Я не могу позволить себе слезы.

Я не могу позволить себе слабость.

Особенно сейчас.

— Я должна... Должна рассказать об этом родителям. Рэбел, ты справишься одна до вечера?

Помощница упрямо сжимает губы, но все-таки соглашается:

— Конечно, Чарли. Я закрою магазин.

— Нет. Только до вечера Рэбел. Я вернусь и сама его закрою.

— Но...

— Всё в порядке! — говорю я уверенно. По крайней мере мне хочется, чтобы мой голос так звучал. — Мне хватит этого.

— Хорошо, — кивает помощница. — Хотя быхвати с собой кофе.

Не уверена, что смогу его осилить, но не взять — значит огорчить Рэбел. Так что забираю кружку, выхожу из магазин и пересекаю узкую улицу, которую с недавних пор власти сделали пешеходной.

Мои родители живут в доме напротив.

В том самом доме, в котором располагается «У Барри».

Я прохожу мимо кафе, автоматически отмечая столик, за которым сидела с мужем. С каждым мгновением все больше осознавая, что Дэнвера больше нет. Я никогда больше его не увижу.

Да, мы расстались, но... Но я не могу не думать о том, что между нами было.

Когда-то.

Когда мы были совсем другими... Юными, влюбленными, когда стояли друг за друга горой.

Поэтому, когда мама открывает дверь и меняется в лице, когда с ее губ срывается: «Что случилось, доченька?..» — я шагаю вперед и утыкаюсь лицом ей в плечо.

ГЛАВА 2

К счастью, мама всегда была понятливой. Я еще слова не сказала, а она уже крикнула отцу:

— Гувер, иди в гостиную и захвати с собой тот успокаивающий сбор.

Мама провела меня под руку и усадила на оранжевый диван. Аккурат на мое место. Сейчас я живу в другом районе, более новом, с развитой инфраструктурой, в доме с парковкой, но это — квартира моего детства. Мне все здесь знакомо и дорого: начиная от потертой диванной обивки до белоснежных вязаных занавесок, что достались от бабушки.

Я поставила кофейный виски на журнальный столик, и мама тут же сжала теплой ладонью мои заледеневшие пальцы. Она у меня очень красивая, возраст ее не портит, но любит поворчать. У нее волосы цвета шоколада и ярко-голубые глаза, а я пошла в папу: светловолосая, с зелеными глазами. Разве что очков не ношу, и взгляд у меня жесткий.

Дэн так говорил.

— Что-то с магазином, Чарли? — поинтересовался отец, появляясь в гостиной с подносом, на котором чайник и чашки.

Приходится рассказать им, что я теперь вдова, и с каждым словом мне становится легче, совсем чуть-чуть, но это уменьшает тяжесть, опустившуюся на мои плечи. Правда, решила умолчать про предположение полицейских. Ни к чему родным знать про врагов Дэнвера и про то, что это может быть вовсе не несчастный случай. Не уверена, что мне самой было нужно это знание.

Родители слушали молча и внимательно, даже когда я закончила, долго молчали, пока мама первой не нарушила тишину:

— А я говорила, что он плохо кончит.

— Иви! — сурово посмотрел на нее отец.

Волнуется, раз повысил голос. Папа у меня мягкий и любую ссору может свести на нет. Но настоять на своем тоже может всегда. Хотя мама до сих пор не простила себе, что позволила отцу выбрать имя ребенку. Папа очень хотел сына, хотел назвать его в честь своего деда — Чарльзом. Только родилась я и спутала ему все карты. По словам бабушки, родители еще пару лет после моего рождения спорили насчет этого, но я так и осталась Чарли. Хотя мама с детства называла меня исключительно полным именем — Шарлин.

— Что — Иви? — нахмурилась мама. — Дочка, не стоит он твоих переживаний.

Отец метнул на нее убийственный взгляд:

— Чарли, это ужасная смерть, но... Дэнвер давно не имеет к тебе никакого отношения. Он всегда был сам по себе, даже когда вы были вместе. Он... был другим.

— Вервольфом, — сухо напомнила я.

Не только родители Дэна были против нашего брака. Мои тоже не выразили особой радости, хотя и не отказались от меня и даже пытались если не полюбить, то хотя бы принять моего мужа.

— Дело не в том, что он был вервольфом, Шарлин. Просто себя он любил больше, чем тебя.

Мамино признание — неожиданное. Я всегда яростно отстаивала свой брак, а сейчас больше нечего отстаивать. Потому что мамины слова созвучны с моими мыслями.

— Мне все равно кажется, что это я виновата.

— Это не так, Чарли. — Отец налил крепкий чай и пододвинул ко мне чашку. — Владыка душ сам решает, когда подарить жизнь, а когда забрать.

— Но может быть, если бы я была рядом, ничего этого не случилось бы.

Мама крепче сжимает мою руку:

— Шарлин, Дэнвер сам сделал свой выбор, когда ушел. И я искренне благодарна Владыке, что, когда он забрал его душу, тебя в той машине не было.

Мы еще немного сидим в гостиной, потом родители убегают по своим делам (я настаиваю). Мама подтягивает дочку своей подруги по легорийскому, у папы — встреча шахматного клуба, а я, не морщась, опрокидываю в себя всю кружку остывшего кофейного виски, поднимаюсь в свою комнату

и долго лежу на кровати, свернувшись клубком.

Очнуться мне помогает телефонный звонок: сначала вздрагиваю, потом вижу, что звонит один из постоянных покупателей. За окном уже стемнело, а это значит, что пора возвращаться в реальный мир и на работу. Я не крашусь, поэтому быстро умываюсь и стягиваю спутанные волосы в хвост.

На улице ливень. Несмотря на то что я очень быстро добегаю до магазина, умудряюсь изрядно промокнуть. Правда, в самом магазине тепло и многолюдно. Многолюдно для букинистической лавки конечно же. Две девушки рассматривают полку со старыми учебниками, прим Томпсон пришел за отложенной книгой.

— Привет, червь! — говорит при моем появлении серебристый попугай.

— Червь?! Роджер, откуда ты такое слово узнал?

Передо мной тут же появляется восьмилетний мальчуган, младший сын Рэбел, который строго смотрит на птицу.

— Я учил его словосочетанию «книжный червь», но он отказывается запоминать слово «книжный».

Я мысленно вздыхаю и склоняюсь к мальчику:

— Сайрус, давай договоримся, что ты не будешь учить Роджера словам, на которые наши покупатели могут обидеться.

— А что здесь обидного? Мы все тут книжные черви.

— Не все хотят быть червяками.

— Хорошо, я его переучу, — насупившись, обещает мальчик, но продолжает следовать за мной по пятам. — Чарли, знаешь, что я узнал из истории вервольфов? Что люди и вервольфы целых три столетия были непримиримыми врагами. Все началось с того, что вервольфы даже захватили земли Легории, но люди использовали хитрость. Отправили прекрасных дев в подарок вожакам волчих стай, а те убили их ночью после плотских утех.

Бесы! Не уверена, что Сайрус в курсе, что такое «плотские утехы», но нужно предупредить Рэбел, чтобы следила за тем, что он читает.

— Уверен, что тебе стоит читать такие книги?

— Я все здесь читаю! Все, что есть про вервольфов, — гордо выпячивает грудь Сайрус. — А вот еще...

— Сай, не мешай Чарли! — шипит на него старшая сестра, Лола, помогающая матери. — Ты достал уже со своими вервольфами!

— Все в порядке, Сайрус. — Я хлопаю обиженного мальчика по плечу. — Извини, сегодня и правда тяжелый день. Давай завтра попьем чай, когда ты вернешься из школы, и обсудим историю.

— С пончиками из «Вдохновения»?

— Обязательно.

Я как раз уже у стойки, где Рэбел прощается с примом Томпсоном.

— Какой дождище, а? Так пол-улицы смочет, ни одни резиновые сапоги не спасут, — говорит прим.

— Пожалуйста, не утоните, — смеется помощница. — Кто будет развлекать меня шутками?

Прим Томпсон уходит, и улыбка Рэбел сменяется тревогой в глазах.

— Чарли, ты что здесь забыла? Отправляйся домой.

— Нет, я и так оставила тебя одну на целый день. А у тебя еще много домашних дел.

— Подождут! — отмахнулась подруга. — У тебя причина поважнее.

— Рэбел, я не хочу утонуть в рефлексии и жалости к себе. Тем более что наши с Дэном отношения в прошлом. Все в прошлом.

Рэбел не провести.

— Ты в это веришь?

Я не уверена, во что я верю, так это в то, что мои чувства словно затупились, как давно не точенный нож. Все, что мне сейчас надо, — побыть одной.

— Верю. Иди домой, как подругу прошу. Но могу как начальство.

— Ладно-ладно, — помощница грозит мне пальцем, — я тебе это припомню. Лола, Сайрус, идем домой.

Они уходят, а я обслуживаю девчонок, которые все-таки нашли нужный учебник. На улице действительно льет так, что вряд ли кто-то забредет в магазин в такое время, но, стоит покупательницам выйти за порог, старинный звоночек тренькает вновь.

Я поворачиваюсь, чтобы поприветствовать нового посетителя, и застываю на месте.

В магазин один за одним входят высокие мужчины в кожаных куртках. Их пятеро, и они словно растекаются по всему залу, совсем не интересуясь книгами. Все взгляды устремлены на меня, и каждый горит желтым.

Вервольфы.

Последний вошедший обходит стойку со старинными книгами и медленно, я бы сказала лениво, направляется прямо ко мне. В отличие от других у него растрепанные волосы до плеч, он смазлив по меркам вервольфов, а еще на нем стильное пальто и дружелюбная улыбка. Если, конечно, можно назвать дружелюбным волчий оскал.

— Чудесный вечер, правда?

Все вервольфы разом подбираются, и я выпрямляю спину. Они не выглядят телохранителями, скорее гаранты того, что я не смогу уйти. Слово в подтверждение моих мыслей, один перекрывает собой дверь в подсобку, а второй — черный ход.

— Ошиблись адресом? — спрашиваю спокойно. — Бар дальше по улице.

В моем магазине есть ценные книги, но они ценны своими сведениями, для людей знающих. Грабителям в моем магазине делать нечего, а значит, они здесь не за этим.

Мой вопрос веселит главаря, и его смех ударяет мне по нервам. Предчувствие воет полицейской сиреной, но я сохраняю лицо. По крайней мере мне хочется в это верить.

— Нет, Шарлин, — он выделяет мое имя, и у меня внутри все холодеет, — я думал, ты в курсе, что вервольфы не любят алкоголь. Мы от него не хмелеем. Да и зачем хлестать виски, если у тебя есть множество других способов развлечься?

— В барах много развлечений.

— Убедила, заглянем туда вместе. Только сначала покончим с делами.

С лица главаря слетает улыбка, и он подходит вплотную к стойке, а я медленно тянусь к тревожной кнопке. Мы с Рэбел всегда хранили ее на полке под кассой, но сейчас там почему-то ее не оказывается. Поэтому я беру стопку журналов и выдвигаю ящик стола.

— Хотите купить книги?

Вот она!

Только сохранять лицо и заговаривать им зубы.

Сердце колотится, но я вежливо улыбаюсь. Как улыбаюсь каждому клиенту, зашедшему в мой магазин.

Мое запястье перехватывают раньше, чем я касаюсь черного кругляша, напоминающего ключ-кнопку от машины. Отточенным движением, почти невидимым человеческому взгляду. Но сдавливают так, что я вскрикиваю.

— Так делать не нужно! — Второй рукой он подхватывает кнопку, бросает ее к себе под ноги, и та с хрустом гибнет под мощным ударом ботинка. — Поверь, лишние свидетели тебе ни к чему, Шарлин.

Главарь резко тянет меня на себя, выкручивая руку, и в меня ударяет запах зверя. И собственный страх. Но это чувство дает мне силу. Из-за него я почти не чувствую боли в запястье. Из-за него я перестаю трепыхаться и отвечаю на взгляд вервольфа ненавистью.

— Убрал свои лапы! — цежу ему в лицо, и меня отпускают так же внезапно, как схватили.

— Ух ты, какая горячая штучка! — Глаза главаря загораются восторгом. — И не скажешь, что человек. Волчица! Неудивительно, что Дэни забил из-за тебя на свое наследство.

Значит, все-таки Дэнвер. Стоило сразу догадаться. И во что ты меня втянул, бывший муж?

— Кто ты такой? — спрашиваю. — И что тебе от меня нужно?

— Мои желания тут ни при чем, Шарли. Наверное, так тебя называют близкие?

— Для тебя я прима Брайс.

— Ну-ну, не хами, крошка. Я здесь не ради себя.

Его настроение меняется с той же скоростью, с какой он умеет двигаться: сейчас на его лице проявляется раздражение с оттенком злости.

— А ради кого?

— Ради нашего альфы, разумеется.

Я застываю на месте.

Альфа — не просто слова. Это самый главный в стае вервольфов. Им становится самый сильный волк, победивший всех, кто осмелился бросить ему вызов. Альфа — судья и самый уважаемый вервольф. За неподчинение ему любого вышвырнут из стаи. Но даже самый молодой вервольф может создать собственную стаю, если за ним пойдут другие.

— Видишь ли, Шарли, Дэни одолжил у него крупную сумму и забыл ее вернуть.

— Дэнвер погиб.

И, возможно, убийцы сейчас передо мной. От этой мысли мороз по коже.

— Это нам известно. Погиб, да, с кем не бывает? Но денег как не было, так и нет. Ни на счетах Брайса, ни в его доме. Нашего альфу это очень расстроило, не в его стиле прощать долги. И знаешь что, если денег нет, то он кому-то их отдал. Кому еще, как не любимой жене?

Вервольф снова оскаливается, а мне становится дурно.

— Мы полгода в разводе.

— Не ври, Шарли. Ты была законной женой Дэни, пока тот не сдох.

— Только потому, что он отказался подписать бумаги.

Он демонстративно зевает, будто ему скучно.

— Меня это все не касается. Теперь его долги — твои долги. Заплати — и свободна.

Взгляд вервольфа говорит о том, что от меня не отвяжутся. Долг на мне. А если не заплачу, то отправлюсь следом за Дэнвером. От собственной догадки скручивает внутренности.

— Сколько?

— Десять лямов.

Десять миллионов крайтов?!

Это какой-то страшный сон!

Дурной и не про меня.

Даже если продать магазин и все книги в нем, я соберу не больше трех!

— У меня нет таких денег, — отвечаю едва слышно. Голос сел и не слушается, поэтому приходится повторить: — У меня нет такой суммы.

— Значит, найди, — отрезает вервольф. — Иначе кое-кому не поздоровится. В отличие от Дэнвера, тебе есть кого терять. Например, родителей. Или ту крошку с волчатами, которая на тебя работает. С ними тоже может много всего случиться, а виновата будешь ты.

Они все про меня знают.

Абсолютно!

Тошнота подкатывает к горлу, и мне нечем дышать. Но я собираю все свои силы и вкладываю их в ответ:

— Они здесь ни при чем! Долг только мой.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Люблю понятливых женщин. У тебя сутки на то, чтобы расплатиться.

Так мало?!

— Дайте мне неделю. Чтобы собрать деньги...

— Двадцать четыре часа с этой минуты. — Он указывает на электронные часы на стойке. — Не больше. Хотя...

Вервольф подается ко мне и водит носом, вдыхая мой запах. Мне приходится собрать всю свою волю в кулак, чтобы не отшатнуться от него. Покажу страх — проиграю!

— Ты чудесно пахнешь, — признает оборотень. — Даже очень. Я могу дать тебе неделю, Шарлин, если сможешь хорошо развлечь нас с парнями.

Он снова тянет ко мне свои лапы, но на этот раз перехватываю его руку.

— Нет, — говорю. — От меня ты получишь только деньги.

— А жаль, — тянет вервольф. — Может, все-таки передумаешь?

— Вы сказали, что у меня есть сутки. Так что прошу покинуть мой магазин.

Он бросает на меня злой взгляд, но кивает, и все его головорезы тянутся к выходу.

— Увидимся, Шарли, — обещает вервольф. — Я приду завтра, и тогда мы с тобой поиграем.

— Даже не надейся!

Он усмехается, но тоже уходит, а я считаю про себя до десяти и сползаю на пол.

Я пообещала этому волчаре десять миллионов.

Десять миллионов, которых у меня нет.

Но если я их не достану, то достанется не только мне. Папе, мама и даже Рэбел с детьми. Всем, кого я люблю. Всем, кто под моей защитой.

Это моя стая.

Думай, Чарли! Думай.

Я растираю запястье, на котором синим растекается кровоподтек.

Я не могу найти деньги, я не могу договориться с их альфой, но...

«Не знаю, что нашло на Доминика, но на него действительно можно положиться. У него есть связи... в особых кругах, он может решить любую проблему», — слова Дэнвера всплывают в памяти.

Возможно, я знаю того, кто может.

Мне приходится приложить все усилия, чтобы смириться с этой мыслью. И даже несмотря на это, я все равно продолжаю сидеть на холодном полу, глядя в одну точку и думая о том, что я могу воспользоваться оставленной Лабрю визиткой. Не могу. Не могу, потому что раньше, чем этому делу будет дан ход, если он вообще будет дан (я не настолько наивна, чтобы считать, что полиция может что-то противопоставить вервольфу, способному дать в долг десять миллионов), могут пострадать мои родители. Рэбел и ее дети.

Я сижу и думаю, думаю, думаю.

Но в голове крутится только одно имя.

Доминик Экрот.

Магазин приходится закрыть раньше положенного времени, но я сомневаюсь, что в такой дождь ко

мне кто-нибудь еще заглянет. За исключением кредиторов Дэнвера.

Хватает пяти минут, чтобы узнать адрес Доминика. Одна из самых богатых персон Крайтона и Легории живет в Мантон-Бэй, в районе, где за десять миллионов можно купить разве что гараж. В Сети даже есть фото его дома — роскошного особняка на берегу Серебряного залива. Дом мечты, но не моей.

Я включаю сигнализацию, и тут меня осеняет. Камера! Единственная камера в моем магазине направлена на торговый зал, чтобы ловить книжных воришек на горячем, но, к сожалению, стойку с кассой она не захватывает. Я возвращаюсь и просматриваю видео. На нем не видно, как вервольф выкручивает мне запястье и как давит тревожную кнопку, но в «кадр» попадает морда мерзавца, который угрожал мне!

Сохраняю видео на телефон, все закрываю и бегу сквозь стену дождя к машине. От кофейного виски в моем организме, кажется, не осталось и следа — все смыла бешеная доза адреналина. Мои пальцы слегка подрагивают, когда я выруливаю на автостраду до Мантон-Бэй. Он находится в другой стороне от центра Крайтона, так что я выбираю окружную дорогу, чтобы избежать пробок, и навигатор выдает расчетное время прибытия — час сорок.

Я будто впала в некое подобие транса, когда есть цель, а всего остального не существует. Знала, что нужно хотя бы продумать, о чем с ним говорить. Но проблема была в том, что я не слишком хорошо знала Доминика, пусть даже Дэн называл его своим лучшим другом. Правда, лучшим другом он был до случая на веранде, когда предлагал мне стать его любовницей. С тех пор как я вышла замуж за Дэнвера, с Экротом я ни разу не пересекалась, он даже не появился на нашей свадьбе.

Да что говорить о Доминике! Я, оказывается, даже толком не знала своего мужа, который спустил десять лямов непонятно на что и повесил долг на меня! А у меня даже доказательств никаких нет, что этот долг вообще существует!

И главное, тем парням они не нужны.

Они придут за мной завтра и потребуют деньги.

Поэтому мне нужен тот, кто поможет во всем разобраться.

На этой мысли я вжала педаль газа до упора, выжимая из своей машинки все силы.

О том, что дома Доминика может не оказаться, я всю дорогу старалась не думать. А вот сбавить скорость все-таки пришлось, потому что, казалось, сама мать-природа была против моей поездки в Мантон-Бэй — дворники едва справлялись с дождем. Поэтому, когда навигатор пропищал, что до моей цели всего триста метров, я поблагодарила всех, кого только можно, что добралась.

Все хорошо.

Меня не смыло в залив.

Я не перевернулась на скользкой автостраде.

Осталось только преодолеть четырехметровый забор и попасть в особняк, просматриваемый сквозь решетки. Подсветка двора и яркий свет в окнах давали надежду на то, что кто-то все-таки есть дома.

Закрывая голову курткой (я не додумалась взять зонт), я добежала до ворот и вдавила палец в звонок. И едва не подпрыгнула, когда из динамиков неожиданно раздался женский и, судя по интонации, веселый голос:

— Кто?

Вот что бывает, когда бесы на нервах играют! Начинаю дергаться от всего на свете.

— Мне нужен Доминик Экрот.

— А кто его спрашивает?

— Шарлин Мэдисон. — Я решила представиться своей Девичьей фамилией, тем более что Доминик знал меня под ней. — Мы друзья.

— Тогда это меняет дело! Сейчас открою ворота.

Широкие ворота действительно начинают мягко отъезжать в стороны, поэтому я спешу к своей машине. Неужели мне повезло?

И кто мне открыл? Экономка?

В таком доме наверняка содержат штат слуг.

Но в огромном холле с широкой лестницей, уходящей на второй этаж, ни души. Только приглушенный свет бра отражается на паркете. Здесь вообще очень много дерева: резные перила, рамы картин, высокий столик в центре с изящной вазой. И совершенно ничего лишнего!

Дверь мягко захлопывается за моей спиной, и я чувствую себя крайне неудобно. Правда, с появлением в холле девушки градус моей неудобности только увеличивается. Я в промокшем насквозь свитере и джинсах, мои волосы липнут к лицу, а вот незнакомка в коротком платье в мерцающих пайетках, на высоких каблуках и со струящимися по плечам шоколадными локонами. Да, на экономку она совсем не похожа!

— Привет! — Девушка подбегает ко мне, подхватывает меня за локоть и увлекает за собой. — Как я рада, что этот скучный ужин разбавило твое появление!

— Мое?

— Ну не мое же! — смеется она. — Доминик будет рад, что ты приехала.

Так...

Я адресом не ошиблась? Может, это какой-то другой Экрот? Или...

От этого «или» все внутри холодеет. Вдруг загадочный альфа, которому Дэнвер должен десять миллионов, и есть Доминик? И это все заранее спланировано?!

— Он меня ждет? — спрашиваю, высвободив локоть.

— Тебе лучше знать. Кстати, я — Джинджер, но можешь звать меня Джин.

Кто она такая? У Доминика нет жены, я знаю это из новостей. В смысле, если бы он женился, об этом кричали бы даже унитазы. Но это не значит, что у него нет такой Джинджер. У Дэна их было множество.

— Хорошо, Джин. Ведите меня к Доминику.

— А мы уже пришли!

Мы заворачиваем за угол, и Джинджер буквально вталкивает меня в большую, нет, просто огромную зеленую гостиную. С окном во всю стену, с причудливо изогнутыми диванами и с мерцающей всеми гранями хрусталя люстрой. Но главное, с хозяином дома, который резко поворачивает голову в мою сторону.

Наши взгляды встречаются, и в глазах Экрота на долю мгновения вспыхивает желтое пламя. Вспыхивает и тут же гаснет. Хотя его поза (он сидит в кресле, расположенном в середине комнаты) остается такой же расслабленной. А вот меня пробирает до кончиков пальцев. До мурашек по коже.

Я уже и забыла, какое пугающее впечатление он производит. Он давит своей аурой, своей животной сутью, а нас разделяют несколько метров! Но я стряхиваю это ощущение, как стряхнула капли дождя с куртки, повесив ее на руку.

Я знала, на что шла. К тому же я уже здесь.

Делаю шаг вперед, не отпуская его взгляда, поэтому не сразу замечаю остальных присутствующих. На диване по левую сторону от Доминика сидит пара в летах, а вот в кресле справа разместилась утонченная девушка с волосами, как у Джинджер, и изумлением на лице, как у всех.

— Смотрите, кого я привела! — восклицает громко Джин, привлекая всеобщее внимание. — Это подруга Доминика. Да-да, та самая подруга, которая есть у каждого уважающего себя вервольфа до свадьбы. А у некоторых и после свадьбы.

Эффект неожиданности лопается, как пузырь, и второй мужчина поднимается.

— Ты сказал, что будет семейный ужин, Доминик! Зачем пригласил эту женщину, когда сегодня мы обсуждаем вашу с Одри помолвку?

Помолвку?!

Бесы!

Джин кусает нижнюю губу, изо всех сил сдерживая смех, и я понимаю, что меня развели и для нее это такой вид развлечений. Вот дрянь! Только она не знает, что у меня сегодня очень плохой день.

— Меня не приглашали, — отвечаю холодно, мысленно просверлив дырку во лбу Доминика, — и я не подруга прима Экрота. Но я приехала к нему для серьезного частного разговора, который не терпит отлагательств.

— Какая наглость, — заявляет дама и поджигает губы. Очевидно, мама невесты.

А я стою посреди комнаты, смахивая с себя тяжесть волчьего взгляда.

— Или мы можем поговорить здесь? — предлагаю я.

Скрежет отодвигаемого кресла режет слух. Доминик наконец-то поднимается, вырастая над окружающими, и направляется ко мне, на ходу бросив:

— Начинайте без меня.

— Доминик, это неуважение к моей семье, — бросает мужчина.

— И чем же я вас не уважил, прим Конелл? — Готова отдать ногу на съедение волкам, мужчина даже приседает, когда Экрот к нему поворачивается. — Тем, что занимаюсь делами? Ни вас, ни Одри они не касаются, мы договорились об этом сразу. Начинайте без меня. Заодно напомните дочери, что ложь всегда наказуема.

Джинджер перестает смеяться, ойкает и обходит Доминика по дуге, а ему, судя по всему, на нее плевать. Он смотрит только на меня. Приходится собрать всю волю в кулак, чтобы не моргнуть и не сделать шаг назад.

Но когда мы оказываемся за дверью, его пальцы смыкаются на моих запястьях, притягивая к себе, а глаза загораются желтым.

— Что ты здесь делаешь, Шарлин?

— Я думала, тебе это известно, — отвечаю я тем же холодным тоном, что и минуту назад в гостиной. Кажется, этот день меня окончательно доконал, если даже близость Доминика не вызывает во мне желание сбежать. А вот биться за себя до последнего — вполне. — Джин сказала, что ты меня ждешь.

Вервольф притягивает меня ближе, практически заставляет встать на носки, многострадальное запястье пульсирует болью, а мне в ноздри ударяет запах мускуса с какими-то древесными нотами. Его запах.

— Джин любит... приукрасить. А вот я не люблю угадывать. Так что к делу.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь прочесть на нем, правду говорит или нет. Но по Экроту сложно понять, что он чувствует. Играет или удивлен моим приездом?

Бес с ним!

— Будем разговаривать в коридоре? — интересуюсь я.

Он отпустил меня так резко, что я качнулась на пятки. Хорошо хоть не потеряла равновесие.

— Идем, — приказывает Экрот и уходит в ту сторону, откуда пришли мы с Джин.

Мне ничего не остается, как идти за ним.

Кабинет напоминает гостиную, только в уменьшенном формате: дерево, темно-зеленая обивка дивана и кресел, длинный письменный стол, шкафы с книгами. Последние особенно привлекают мое внимание — профессиональная Деформация. Но я здесь не ради книг.

К сожалению.

Экрот включает лампу на столе и кивает мне на кресло, а сам отходит к панорамному окну, за которым шторм бушует над заливом. Там такая тьма, что мы отражаемся в стекле, будто в зеркале, и я осознаю, что вид у меня совсем непрезентабельный. Волосы растрепались, губы синие от холода, а глаза огромные от всего пережитого. Самый ужас, что свитер промок так, что прилип к коже, показывая все, что можно показать, поэтому я поспешно складываю руки на груди и ловлю очередной нечитаемый взгляд Доминика, от которого не ускользает мой жест.

Я возвращаю ему взгляд, сдвигая брови. Когда твоей семье угрожает неизвестный альфа, не до презентабельности.

— В кабинете тебя устроит? — интересуется он. — Или выберем другую комнату для нашего

разговора? У меня их много. Кухня. Ванная. Мансарда. Спальня.

— Устроит!

Доминик смотрит на меня выжидающе, а у меня начинают подрагивать пальцы, в кабинете ощутимо прохладнее, чем в гостиной. Делаю глубокий вдох и такой же выдох.

— Дэнвер мертв.

Я столько раз за сегодня произносила эту фразу, что кажется, будто прошел не день, а год. Но все равно до сих пор не могу поверить в этот факт. Тем неожиданней слышать в ответ:

— Я в курсе.

— Откуда? — Я вскидываю брови.

— Полиция обязана сообщать о таком альфе, чтобы я передал прискорбную новость родителям.

Логично, что они сообщили родителям.

Вот только нелогично, что долг пришли требовать с меня. В то время, как стая Экрота — одна из самых богатых и процветающих в Крайтоне. Особенно с тех пор, как два года назад Доминик стал альфой. Узнав об этом, Дэн весь месяц раздражался по этому поводу, говорил, что это было его место.

Хотя посмотрела бы я на того, кто будет вытряхивать чужой долг из Доминика! Он даже выглядит пугающе, не говоря, что может задавить своей энергетикой или раздавить силой.

Я стряхиваю это чувство и перехожу к делу:

— Сегодня в мой магазин ворвалась банда вервольфов и потребовала выплатить долг Дэна. Их главарь сказал, что он должен какому-то альфе слишком большую сумму.

— И ты подумала, что альфа — это я?

— Нет. — Я покачала головой, но под пожелтевшим взглядом вервольфа все-таки призналась: — Но эта мысль тоже приходила мне в голову.

Доминик развернулся ко мне, и теперь мы смотрели друг на друга прямо, а не через отражение.

— Дэнвер не получил от меня ни крайта, с тех пор как моя стая от него отвернулась.

Вот как!

— Ты хотел сказать с тех пор, как он на мне женился.

— Одно связано с другим. Тебя это задевает?

— Меня это никогда не задевало! Мы любили друг друга.

Но может быть, Дэн был бы счастлив и его жизнь не закончилась бы так рано, не потеряй он связь с семьей. А может, и нет.

Я так увлекаюсь этими мыслями, что упускаю момент, когда Доминик подошел к столу и присел на его край.

— Что ж, это очень мило. — Его губ касается саркастическая улыбка. — Надеюсь, ты не жалеешь о своем выборе.

— О чем ты?

— О том, что ты выбрала Дэна. Хотя могла бы сделать другой выбор.

Сдалась я ему! У него же наверняка столько было и будет женщин, что я, когда сюда ехала, не была уверена, что Экрот меня вспомнит. Но, видимо, тогда своим «нет» я проехала по его мужской гордости.

— Я любила его.

— А сейчас? Любишь? Говорят, истинная любовь бессмертна.

— Ты знаешь, что такое любовь?

Его ноздри раздулись, он резко втянул воздух, а потом оттолкнулся от стола и оказался рядом, нависая надо мной.

— Почему ты пришла ко мне, Шарлин?

Всё! Сейчас не до шуток.

— Дэн взял огромную сумму в долг и куда-то дел деньги. Теперь якобы должна я, как его вдова.

— Ты хочешь одолжить у меня денег?

На его лице ни капли удивления. Тем приятнее ответить:

— Нет.

Вот теперь Доминик сдвигает светлые брови.

— Я хочу попросить тебя о помощи. Дэн однажды сказал, что ты можешь все. Или по крайней мере многое. Во-первых, я хочу узнать, существует ли этот долг вообще. Во-вторых — кто этот альфа, и для чего Дэнверу понадобились такие деньги.

Я роюсь в карманах пальто и наконец-то нахожу телефон.

— У меня есть видео с камеры в магазине, на ней вервольфы, которые приходили ко мне...

Доминик молчит, я всей кожей чувствую его взгляд, поэтому снова поднимаю на него глаза:

— Что?

— Зачем мне тебе помогать, Шарлин?

Этого вопроса стоило ждать.

— Потому что вы с Дэном были друзьями.

— С Дэном, но не с тобой.

— Это не мой долг, — напоминаю я.

— Не моей стаи тоже.

Ага, его стая прогнала Дэнвера из-за женитьбы на мне. Они Дэну не помогали, а на меня им тем более плевать. Но мне совсем не плевать на своих близких!

— Я не прошу у тебя денег. Только разобраться. Ты вервольф, знаешь ваши законы... — Мой голос срывается на последнем слове.

Потому что во взгляде Доминика больше не вспыхивают желтые искры, в них нет даже вежливого интереса. И вот от осознания, что ему по-настоящему все равно, что будет со мной и с этим бесовым долгом, мне действительно становится страшно. За папу с мамой, за Рэбел с детьми, за себя, в конце концов. Потому что сама я за сутки не успею ничего.

Потому что запасного плана у меня нет!

Я все поставила на встречу с Домиником.

— Ты же можешь мне помочь! — говорю я. Или уже кричу. Я сжимаю и разжимаю кулаки, чтобы не начать кусать губы — старая привычка, от которой я избавилась еще в университете. Считала, что избавилась!

— Я много чего могу, Шарлин, если мне это интересно.

В могучести и могуществе Экрота я не сомневаюсь. Именно поэтому я здесь, а не где-то еще. И я, конечно, не настолько наивна, чтобы верить, что мне станут помогать по доброте душевной даже в память об ушедшем приятеле детства и юности.

— Я заплачу сколько нужно, — уверяю его без колебаний. — У меня нет десяти миллионов, но есть сбережения, и я...

— Деньги меня не интересуют.

Я замираю, давно позабыв про телефон и видео на нем.

Он сейчас издевается надо мной?

— А что интересует?

Тихий смех Доминика ударяет по моим нервам, но, прежде чем я успеваю ответить, его пальцы ложатся на мой подбородок. Так и замираю с открытым ртом. Кожа Экрота — горячая, поэтому обжигает на контрасте, и я непроизвольно вздрагиваю.

— Ты действительно настолько наивна, Шарлин?

Его пальцы соскальзывают вниз: едва уловимо касаясь шеи и обнаженной ключицы. А вот взгляд его красноречиво сползает еще ниже.

— Обычно мне не приходится объяснять подобные вещи моим женщинам. Когда ты заявила ко мне в таком виде, что еще я мог подумать?

Бес! Забыла про свитер!

Ну и бес с ним.

— Ну конечно! Я специально полчаса мокла под дождем, чтобы выглядеть настолько сексуально. На прическу убила два часа и душ последний раз принимала только утром. Все ради того, чтобы тебя соблазнить!

Меня несло, я это понимала. Но сарказм помогал не сдаться, пережить этот день.

— Зато твой запах теперь острее.

— Запах?!

— Твой запах, Шарлин. Для вервольфов важен аромат того, с кем собираешься заняться сексом.

Вот теперь я от него отшатнулась, рассматривая широко раскрытыми глазами. Шаг, еще один.

— Ты издеваешься надо мной? — спросила прямо. — Нет, правда? Или это такая месть? За то, что отказала тебе в прошлый раз. Хочешь посмотреть на мое унижение?

Стоило прикусить губу. Что я и делаю, но поздно.

Теперь взгляд Доминика будто пробивает меня насквозь. Глаза за секунду наливаются желтым, черты заостряются, лицо темнеет, а светлая рубашка, кажется, вот-вот разлетится на лоскуты от начавшейся трансформации. Экрот шагает ко мне, и все во мне кричит: «Беги!» Ведь мы здесь одни, и он сильнее меня! Гораздо сильнее.

— Унижение? — От его животного рыка во мне все стынет, я будто выросла пол. — Что же с тобой делал Дэн, если ты считаешь секс унижением? Или ты считаешь унижением секс со мной?

— Я...

— Унижение можешь оставить себе. А я хочу посмотреть на тебя без этих тряпок. Хочу услышать, как ты будешь стонать подо мной. Хочу поиметь тебя. Прямо здесь и сейчас.

Нет, это не унижение. Это просто абзац! Мое лицо вспыхивает, и вовсе не от стыда. Мне за себя не стыдно. Кровь приливает к щекам и шее от злости на эту провокацию. Будь я вервольфом, точно бы превратилась в волчицу и вцепилась Доминику в горло!

Какого хрена?

Ему что, мало женщин?

Даже невеста в наличии.

— Знаешь, что меня больше всего достало? — Он снова опережает меня с вопросом. — Скука. А твоё предложение внесло некое разнообразие в мою размеренную жизнь.

— Я ничего не предлагала!

— Так предложи.

Доминик медленно подходит к дивану и опускается на него, расположившись с максимальным комфортом. Его ноги раздвинуты, грудь размеренно поднимается и опускается, руки лежат на спинке дивана, а взгляд снова насмешливый, если не сказать предвкушающий.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Потому что мне тошно от всего этого.

Потому что я не стану расплачиваться с ним собой! Своим телом.

— Стоять, — приказывает он так, что я едва не спотыкаюсь. — Переступишь порог, и я больше не приму ни одного твоего предложения, Шарлин.

Тем сильнее мне хочется это сделать!

Уйти не оглядываясь.

Ну или оглянуться, чтобы увидеть, как изменится его лицо, когда я все-таки переступлю порог.

Но...

Это бесовское «но» величиной в десять миллионов и сутками, чтобы их достать!

Будь я одна, будь у меня больше времени...

Поэтому я застываю перед этим проклятым порогом.

Может, мое имя наложило отпечаток на мой характер, но я всегда все проблемы решала сама. Даже Дэнвера лишний раз ни о чем не просила. Я, именно я, всегда заботилась о своей семье. Я всегда принимала удар на себя.

Так что изменилось сейчас, Чарли?

В конце концов, унизить можно только того, кто желает быть униженным.

Я медленно поворачиваюсь и складываю руки на груди.

— Что именно ты хочешь?

Деловой тон «включается» сам по себе, но мне проще представить, что я провожу очередную сделку.

Сделку за безопасность и неприкосновенность моей семьи!

— Я это уже озвучил.

— Чтобы я стонала под тобой?

Он на время прикрывает глаза, но когда распахивает вновь, мне сложно понять, о чем Экрот думает.

— И это тоже.

— От чего? От боли или от удовольствия?

— Зависит от твоих предпочтений, Шарлин.

Меня всю внутри передергивает.

— Откуда уверенность, что я вообще буду стонать? Может, в постели я бревно.

Вервольф смеется:

— Предлагаешь сначала проверить? Я не против.

Искры смеха растворяются во взгляде Экрота так же быстро, как появились. Теперь я явственно читаю в его глазах голод.

Он похлопывает себя по колену:

— Иди сюда.

— Сначала гарантии!

— Дай свой телефон.

Для того чтобы его отдать, мне нужно подойти к Доминику, что я и делаю на негнущихся ногах. Вервольф забирает протянутый разблокированный телефон, слегка касаясь пальцами моих, и я,

пожалуй, слишком поспешно отдергиваю руку, что, естественно, от него не укрывается. Но он включает видеозапись и говорит:

— Я, Доминик Экрот, и я обещаю помочь Шарлин Мэдисон в деле с долгом ее покойного мужа. Теперь она под защитой, моей и моей стай...

— И моя стая тоже под твоей защитой!

Доминик смотрит на меня чуть более пристально, чем прежде, но все-таки интересуется:

— Твоя стая?

— Мои близкие. Люди, за которых я отвечаю. Родители, моя помощница и ее дети.

Я выдерживаю этот взгляд. Если Экрот откажется, меня здесь ничего не держит!

— И твоя стая тоже под моей защитой. При полном и неукоснительном соблюдении договоренности между нами и выполнении всех моих условий. Клятва альфы.

Я не лгала, когда сказала, что не разбираюсь в законах вервольфов. Знала только то, что рассказывал Дэнвер. Но об этом от него слышала. Для людей последняя фраза ничего не значит, но для вервольфов клятва альфы — не пустой звук. Они все договоренности скрепляют подобными клятвами, ими просто так не разбрасываются и их не нарушают. Предъяви я эту клятву в мире людей, все только плечами пожмут. Но если я предъявлю ее тем ублюдкам, которые мне угрожали...

— Сроки? — Мой голос глухой, хриплый.

— До разрешения ситуации в твою пользу.

— Что это значит?

— Что я буду защищать тебя и твою семью столько, сколько потребуется, пока вопрос с долгом не будет решен.

— Я согласна.

Он выключает запись и возвращает мне телефон. А мои пальцы даже почти не дрожат, хотя внутри меня всю потряхивает, когда я просматриваю видео, на котором Доминик, действительно обещает позаботиться о моей семье и Рэбел с детьми. Это даже больше, чем нужная мне неделя. О таком подарке в мире вервольфов можно только мечтать.

Но мне такие подарки не нужны! Тем более от него.

— Мне не нужно твое покровительство, Доминик, — провожу между нами черту, игнорируя желтые вспышки в глазах вервольфа. — Помоги узнать, кому должен Дэн и сколько. И выиграть время, если долг действительно существует. Дальше я разберусь сама.

Доминик снова указывает на свои колени:

— Садись.

Мой пульс ускоряется, а во рту мгновенно пересыхает. Потому что одно дело — представлять, что это просто обычная сделка, совсем другое — осознавать, чем нужно расплатиться.

— Сначала ты выполни свою часть сделки.

— Шарлин, — мое имя вервольф произносит настолько мягко, что лучше бы рычал, — ты получила свои гарантии, теперь я хочу получить свои. Садись.

Меня так бесит его самоуверенность, что я сажусь, но не к нему на колени, а рядом, на диван. Села же!

Но вервольф бросает на меня еще один испытывающий взгляд и вдруг поднимается со словами:

— Наша договоренность отменяется.

Бесы!

— Нет, Доминик, подожди! — Я подаюсь вперед и хватаю его за предплечье. — Так нам будет удобнее.

Что я несу? Особенно учитывая, что мое лицо оказывается аккурат напротив ширилки на его

брюках и выпирающего бугра. Настолько внушительного, что я на мгновение зависаю.

— Неплохая мысль, — соглашается вервольф, и до меня доходит, что я только что сама подала ему идею. — И хорошие гарантии.

Он смотрит на меня выжидающе, а у меня к горлу подкатывает тошнота, с приступом которой я успешно справляюсь.

К бесам!

Это всего лишь сделка.

Такая же, как все.

Просто у нее такое странное условие. Если буду строить из себя жертву, то сразу же проиграю!

Мне просто нужно это сделать.

Сделать так, чтобы этот гад остался доволен.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю, а потом кладу руки на бедра Доминика. Щелкает ремень, пуговица поддается непослушным пальцам, замочек молнии скользит вниз, а следом за ним брюки и нижнее белье.

Его кожа огненная под моими пальцами, у вервольфов температура тела выше, а еще они дьявольски красивы. Плоский живот, литые мышцы бедер. Доминик не исключение из правила о звериной красоте. Я цепляюсь за эту мысль, чтобы не думать о том, что делаю, смотря на себя будто со стороны. Все это происходит будто не со мной.

Пuls стучит в ушах. Дыхание сбивается. У меня давно не было секса: я забила на отношения после того, как Дэн ушел. Но это и не секс.

Это сделка.

И мои обязательства перед Домиником.

Один оргазм для делового партнера, и я свободна!

Тем более вервольфа настолько возбуждаю я или сама ситуация, что до меня доносится сдавленный выдох сквозь зубы, когда я обхватываю двумя ладонями его член. Провожу сверху вниз по бархатистой коже, растирая влагу по всему стволу.

— Смотри на меня, — приказывает он, и я вскидываю голову, сталкиваясь с его глазами, радужка которых залита желтым.

— Это обязательно? — холодно интересуюсь я.

— Да, — выдыхает он.

— Не отпускаешь контроль даже в таких ситуациях?

Вервольф усмехается и проводит большим пальцем по моей щеке.

— Просто нравится этот ракурс.

Вот значит как?

Хочешь увидеть меня побежденной? Не дождешься!

Я сбрасываю его руку и повторяю движение — быстро, если не сказать жестко. И едва не подскакиваю, когда Доминик сжимает в кулаке мои волосы и оттягивает назад, заставляя запрокинуть голову. Не больно, но жутко неудобно: теперь мне при всем желании не отвести взгляда, разве что закрыть глаза.

— Запомни на будущее, Шарлин, — говорит он вкрадчиво, — здесь я решаю, как лучше.

— Пусти, — говорю я. — Или лысые женщины твой фетиш?

Он бросает на меня злой взгляд, но хватку ослабляет. А я ускоряю темп.

То, что я делаю, делаю интуитивно, и именно Доминику сейчас приходится подстраиваться под заданный мною ритм. Но тот, кто «здесь все решает», не жалуется.

Никто не говорил, как именно я должна его ласкать. И мне бы, наверное, нужно стараться закончить поскорее, но в меня будто вселился мстительный бес, потому что я то довожу его до пика, то останавливаюсь. Я не закрываю глаз, а вот веки Доминика прикрыты и подрагивают от сдерживаемого внутри напряжения. На одном движении член под моими ладонями пульсирует, а вервольф вздрагивает, издавая протяжный стон.

Который не успевает стихнуть, когда мир перед глазами переворачивается: вервольф подтягивает меня вверх. И, прежде чем успеваю слово сказать, впивается в мои губы властным поцелуем. Коротким и жестким.

Его рука сжимает мою грудь, скользит вниз по животу, а внутри меня все сжимается от напряжения. Сердце ухает вниз, потому что завершение дня станет совсем «прекрасным», если он решит продолжить, но Доминик отстраняется так же резко.

— Зачем? — выдыхаю я. Хотя все во мне продолжает подрагивать.

— Чтобы скрепить сделку.

Я должна чувствовать облегчение оттого, что добилась своей цели, или, наоборот, отчаяние, а, кажется, не чувствую ничего. Этот день выпил меня досуха.

Доминик выпил меня досуха.

— Сегодня я занят, — с сожалением произносит он, приводя себя в порядок. — Но мы продолжим завтра.

Я вскидываю голову:

— Завтра ко мне вернутся те головорезы.

— Об этом можешь не беспокоиться. Дай руки.

На автомате протягиваю ему ладони, и Доминик вытирает их платком. Такая забота больше напоминает издевательство, чувство такое, что меня обманули.

— И это все? — спрашиваю я, отталкивая платок. — Я могу не беспокоиться?

— Да.

— Я приеду, когда появятся какие-то новости.

— Завтра, — повторяет он, отходя к письменному столу. — Мы увидимся с тобой завтра, Шарлин.

— Катись к бесам!

Наверное, у меня окончательно сдают нервы, потому что я бросаю Экроту это в лицо и вылетаю за двери.

Наверное, он мог бы меня догнать, но не делает этого. Я сбегаю по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и выбегаю под дождь, но даже не чувствую его холодных злых капель.

Завожу мотор и благодарю того, кто придумал автоматические ворота, выпускающие меня из западни.

Меня колотит, а в пальцах до сих пор отзывается тепло кожи вервольфа.

Может, все это было зря. И нужно идти в полицию с тем видео.

Но только спустя несколько миль я понимаю, что забыла телефон в кабинете Доминика.

ГЛАВА 3

Сказать, что я ругала себя страшными словами, — ничего не сказать.

Если видео из магазина можно было восстановить, то клятва альфы осталась у Экрота. Я проиграла! Потому что бежала оттуда так быстро, будто за мной волки гнались. Впрочем, сегодня грозил мне только один волк, и он как раз за мной не бросился. А заставить себя вернуться в его дом я просто не смогла. Хотя надо было! Надо было забрать телефон, но я струсил.

Позорно струсил!

Приехала домой и стояла под горячим душем, пока кожа не стала пунцовой. Вода смыла дождь и пот, но отказывалась вымывать воспоминания, как я касалась Доминика и на что вообще согласилась.

На что, собственно?

Секс с одним вервольфом взамен безопасности своей семьи. Я давно не девочка, чтобы падать в обморок от таких условий, но сам факт, что приходится расплачиваться собой, выворачивал меня наизнанку. Это, а еще то, что приходится зависеть от Доминика.

Я рухнула на кровать и всю ночь просыпалась оттого, что мне казалось, что под моими окнами воют волки. А когда все-таки проваливалась в сон, то мне снились желтые пугающие глаза вервольфа.

Неудивительно, что на следующий день я чувствовала себя отвратительно и выглядела примерно так же: бледность еще больше подчеркивала синяки под глазами. Поэтому, когда вошла в магазин позже обычного, поймала сочувствующий взгляд Рэбел.

— Может, тебе взять отпуск, Чарли? — предлагает помощница. — На недельку.

Я застываю, так и не дотянувшись до почты, которую мы складывали в коробку на стойке.

— Рэбел, ты же знаешь, сколько у нас сейчас работы. Какая неделька?

— Но у тебя личные обстоятельства. Дэнвер...

— Туда ему и дорога.

— Чарли!

Может, это было неправильно, но больше всего сегодня я злилась на Дэнвера. Потому что он умудрялся доставлять мне проблемы даже с того света. Хотя нет, больше всего я злилась на себя! Потому что однажды связалась с вервольфом и решила, что у нас с ним любовь до гроба! А теперь вынуждена платить по счетам.

Я заглядываю в коробку с почтой и натываюсь на продолговатую коробочку, обитую черным бархатом и перевязанную алой лентой. На белоснежной карточке только мое имя.

— Что это? — интересуюсь у Рэбел. — Бомба?

— Надеюсь, что нет, — хохочет помощница.

— Жаль, бомба решила бы все мои проблемы.

— Больше похоже на подарок от поклонника.

Это заставляет меня поперхнуться воздухом, а вот подруга нетерпеливо топчется возле стойки и сверлит глазами коробочку.

— Рэбел, давай работать, — говорю я, за что получаю недовольный взгляд.

Когда же она наконец-то отходит, я быстро стягиваю ленту с коробки. На кроваво-красном, как и лента, атласе лежит мой телефон, внутри тоже карточка, и на ней написано от руки:

Твои гарантии.

У Доминика размашистый, но твердый почерк. Я отмечаю это, поспешно открывая галерею. Только наличие видео с клятвой альфы меня ничуть не успокаивает, наоборот, когда в наушниках звучит его уверенный голос, я едва не роняю телефон на пол.

Потому что это значит, что наша с ним сделка остается в силе. Обратного пути нет.

Сегодня у нас назначена встреча.

Когда и где — в послании не сказано. Эта неопределенность портит день, и лишь работа помогает избавиться от мыслей о Доминике. Я нагружаю себя так, что то и дело ловлю беспокойные взгляды помощницы.

— Со мной все в порядке, Рэбел.

— Не в порядке, Чарли.

— В порядке!

— Ты только что поставила «Баллады черных степей» в раздел с медицинской литературой.

Бесы! Этой книге действительно здесь не место.

— Что тебя волнует? — спрашивает она. — Дело не только в Дэнвере?

Я могу ей рассказать, более того — хочу рассказать. Но чем меньше Рэбел и ее семья замешаны в этом, тем лучше. Сегодня, а может завтра, у меня будет информация о долге Дэнвера. Экрот подтвердит или опровергнет слова про десять миллионов, но уже сейчас лучше перестраховаться.

Этот звонок — на случай, если долг существует.

— Прим Лоран? Это Шарлин Брайс. Вы по-прежнему заинтересованы в приобретении моего магазина?

С этим типом мы впервые столкнулись год назад, когда о моем магазине написали в «Прайме», популярном журнале Крайтона о городской жизни. Его называли культовым, ламповым и донельзя атмосферным, и это стало лучшей рекламой. К нам повалили толпы, но не только клиентов, а желающих приобрести мой бизнес. На самом деле тогда я получила десятки предложений, но услышав «нет», все тут же отставали. Прим Лоран был настойчивым: он говорил, что влюбился в магазин с первого взгляда и с завидной регулярностью интересовался, не передумала ли я. Я конечно же не передумывала, потому что книги были моей отдушиной, если не смыслом жизни.

До вчерашнего дня я не собиралась с ним расставаться.

— Прима Брайс, какие хорошие новости! Мы можем обсудить все за чашкой кофе. Например, завтра за обедом. Вас устроит?

Я соглашаюсь: завтра так завтра. И ловлю напряженный взгляд Рэбел, которую от меня отвлекло появление клиентов. К счастью, она не слышит мой разговор с Лораном, иначе бы наверняка вышла из себя. Рэбел и ее семья — еще одна причина, по которой я не хочу расставаться с магазином. Продать его — значит лишиться подругу работы.

Да и не собираюсь я его продавать! Но услышать, во сколько Лоран оценивает его сейчас, нужно.

— Не увиливай от ответа, Чарли!

Помощница подкрадывается ко мне так внезапно, что я чуть не роняю на нее толстенную книгу с описанием моды во времена первых цивилизаций. Остается только вздохнуть и ответить:

— Дело не в Дэне, это касается меня. Пока не могу ничего рассказать.

— У тебя кто-то появился?

У меня появился Доминик. Но лучше бы никогда не появлялся.

— Нет, — отвечаю поспешно. — У меня никого нет. Я слишком занята...

— Магазином, — заканчивает за меня Рэбел. — А нужно хотя бы немного заниматься собой. Найти мужчину.

Я передергиваю плечами:

— От мужчин одни проблемы.

— Не все мужики такие, как Дэнвер, Чарли.

В голове почему-то снова нарисовался Экрот, который за помощь потребовал то, что потребовал. Нет, он не такой как Дэн. Он хуже!

— Покажешь хоть одного нормального, отпущу в трехнедельный отпуск.

— Три недели? — приподняла бровь Рэбел. — Ты без меня и три дня не продержишься!

Я фыркаю, но стоит помощнице отойти, снова мысленно возвращаюсь к Экроту. Доминик сказал, что мы увидимся сегодня, только я понятия не имела, как это произойдет. Поэтому воображение рисовало, что за мной присылают большую черную машину, в которую меня запикивают вервольфы и везут куда-то без объяснений. Хотя вероятнее всего, он просто позвонит и скажет, куда я должна приехать.

Вторая половина дня пролетает быстрее, чем мне хотелось бы. Заказываю новую тревожную кнопку, договариваюсь с поставщиками, переносу попугая в подсобку, потому что он называет всех посетителей червяками. Рэбел от меня отстает, зато мама активизируется, и снова приходится уверять, что со мной все просто отлично. В итоге я сама начинаю в это верить, поэтому, когда отпускаю помощницу домой и остаюсь в магазине одна, даже больше не вздрагиваю от шорохов и не вскидываю голову всякий раз, как звонит колокольчик, сообщающий о новом покупателе. Сегодня их было особенно много.

— Помню, ты хотела писать свои книги, а не продавать чужие.

Хорошо, вздрагиваю. Даже подпрыгиваю, оступаю и едва не падаю с лестницы. Доминик перехватывает меня раньше, чем я успеваю набить себе шишку, и ставит на пол. Но не отпускает, продолжая удерживать в кольце своих рук.

А моего спокойствия как не было, потому что воспоминания о вчерашнем захлестывают целиком. В магазине больше книжных стеллажей, чем свободного пространства, но Экрот умудряется занять его целиком. Своей аурой. Своей силой.

Его слишком много для меня.

— Тебе не плевать, чего я хотела?

Я сбрасываю его руки и отшатываюсь назад, чтобы тут же оказаться впечатанной в шкаф мощным телом Доминика. С вскинутыми вверх руками и надежно зафиксированными запястьями.

— Неправильный ответ, Шарлин, — почти рычит он. — Пока мы с тобой деловые партнеры, мне интересно все, что касается тебя.

Поза более чем неудобная: Доминик слишком близко от меня, но я не могу даже пошевелиться. Только говорить. И здравый смысл так не в тему подсказывает, что, если я его пошлю, лучше не станет.

— Моя личная жизнь не касается нашей сделки.

Сегодня он одет более официально: в темно-серый костюм, светлую рубашку и синий галстук с серебристой вязью. Но под налетом классической сдержанности даже не пытается скрываться зверь: я вижу блеск в его взгляде и чувствую себя так, будто на мне нет одежды. Будто я полностью раскрыта перед ним.

— Что это? — хмурится он, сосредоточиваясь на моем предплечье. И я вспоминаю, что там красуется отпечаток ладони вервольфа, что раздавил мою тревожную кнопку. Но Доминику об этом знать не обязательно: он же тоже хватал меня за руку.

— Кто-то вчера перестарался, — говорю я.

— А у тебя нежная кожа, — он поглаживает большим пальцем синяк на запястье — неожиданно нежно, и резко отпускает меня. — Я запомню.

Я отступаю на несколько шагов, пока не чувствую себя в относительной безопасности, и только после интересуюсь:

— Зачем ты здесь?

— Если я скажу, что сильно соскучился, поверишь?

Я складываю руки на груди и качаю головой, и взгляд Доминика мгновенно становится жестким.

— Выполняю свою часть сделки, Шарлин. Сначала я, потом ты.

Я цепляюсь за его первое предложение и пока стараюсь игнорировать второе. Как и не желающий замедляться в присутствии Экрота пульс.

— Тебе удалось что-то узнать?

— Видео, которое ты сохранила, ускорило процесс. — Доминик переходит на деловой тон так естественно, будто не он только что зажимал меня у книжных полок. Достает свой смартфон и показывает фото вервольфа, угрожавшего мне. — Твоего визитера зовут Мэверик Халл и. Уроженец Пирайских пустошей. Двадцать девять лет. Уже подростком грабил магазины, занимался рэккетом, состоял в вервольфских бандах, пока не создал свою.

Информация от Доминика более чем исчерпывающая, и вряд ли что-то подобное я смогла бы найти сама. Тем более так быстро.

— Ты узнал, кто его альфа?

— У него нет альфы.

— Как — нет?!

Последнее просто не укладывается в голове. О том, что вервольфы могут существовать вне стаи, как Дэн, мне известно, но этот Халли точно сказал: «Мой альфа».

— Он сказал, что Дэнвер должен его альфе.

Доминик опирается плечом о книжный шкаф и лениво рассматривает магазин.

— Альфой может стать любой сильный и достаточно самоуверенный вервольф.

— Как ты? — не удерживаюсь от шпильки.

— Как я, — кивает он. — Можно бросить вызов альфе своей стаи, честно выиграть поединок и занять его место официально со всеми привилегиями, а можно провозгласить себя альфой, окружить себя изгоями и каждый день принимать нападки от таких же зарвавшихся вервольфов. Как ты понимаешь, ни о какой официальности здесь речи не идет, а бои за сомнительный титул ведутся до самой смерти.

Меня всю передергивает, но Экрот не закончил.

— Подобная стая всего лишь шайка бандитов.

— Шайка бандитов, для которых десять миллионов — пустяк?

— Не пустяк, но любой уважающий себя альфа — настоящий альфа — не станет давать в долг такие суммы без гарантий даже родственникам и тем более угрожать вдове. Для теневых альф это норма жизни. Угрозы, вымогательство, насилие. Ты правильно сделала, что сразу пришла ко мне.

Я прищуриваюсь: если Доминик думает, что стану бросаться ему в ноги и слезно благодарить, то ошибается. Можно подумать, он сам белый и пушистый.

— Откуда у тебя эта информация? — интересуюсь.

— Из надежного источника, которому можно доверять.

— То есть альфа Халли может быть кем угодно?

— Да, — кивает Доминик. — И я здесь для того, чтобы спросить, кто он.

Задать новый вопрос я не успеваю: снова оживает колокольчик на входе, и мне приходится отвлечься на нашу постоянную клиентку. Пока собираю ее заказ, упаковываю книги и пробиваю чек, слежу за Домиником. Он легко отталкивается от стеллажа и бродит между шкафов, рассматривая корешки. Стоит мне попрощаться с покупательницей, в магазин заглядывают две девушки, которые ищут подарок для своего отца. Приходится узнавать, какие книги он любит и в какую сумму они планируют уложиться. В какой-то момент я теряю вервольфа из вида, но потом нахожу его, устроившимся в кресле с томиком по истории.

— И что теперь со всем этим делать? — спрашиваю, когда дверь за девушками закрывается.

Доминик отрывается от чтения и вздергивает бровь.

— С бандой Халли, — уточняю я, подходя ближе и останавливаясь рядом с креслом.

— Тебе — ничего. С ними буду говорить я.

— И они так просто тебе ответят? Вчера они приходили сюда впятером.

Вервольф прищуривается:

— Тебя волнует, справлюсь ли я с ними?

— Меня волнует исключительно безопасность моей семьи.

Экрот оказывается на ногах раньше, чем я успеваю моргнуть.

— Будь ты членом моей стаи, Шарлин, то понесла бы наказание за подобное оскорбление. — Его тон спокойный, но по моей коже пробегает холодок, и хочется обхватить себя руками, чтобы немного согреться. — Но я сделаю скидку на то, что ты человек. В силе и клятве альфы не сомневаются.

Он не касается меня, только смотрит, но мне начинает не хватать воздуха в легких, будто Доминик перекрыл мне кислород. Внутри все дрожит от напряжения, но я все равно нахожу в себе силы ответить:

— Хорошо, что я не член твоей стаи.

Экрот темнеет лицом, а его глаза вспыхивают желтым.

— Ты моя, Шарлин. Поэтому воздержись от подобных высказываний. Как и от вмешательства в мужской разговор.

Ответить я не успеваю и чуть ли не рычу от досады, когда раздается звон колокольчика, только повернувшись к дверям, холодею.

Халли и остальные «мальчики» наконец-то пришли за долгом.

— Привет, Шарли, — выступает вперед Мэверик и скалит зубы: — Вижу, сегодняшний вечер не такой прекрасный. Ты не одна.

Я открываю рот... И тут же закрываю, натолкнувшись на предупреждающий взгляд Доминика.

Мужской разговор.

Волчий разговор.

Бесы его забирай!

Он выступает вперед, и теперь я не могу видеть его лицо, но зато вижу, как исчезает улыбка Халли, как напрягаются и отступают вервольфы. Воздух вокруг наэлектризован так, что волосы становятся дыбом.

— Альфа, — цедит Мэверик.

— Доминик Экрот.

Он не протягивает руки, не двигается вовсе, вервольфы будто застывают, каждый на своем месте.

— Я знаю, кто ты. Ты — альфа, но не мой.

— Это не дает тебе права нарушать закон. Это моя территория и моя женщина.

Халли бросает на меня злой взгляд, но делает это исподтишка. Насколько самоуверенный он был вчера и насколько разительно отличается сегодня: даже голову в плечи втянул.

— Вчера она не упоминала твоего имени. Но если ты отвечаешь за нее, значит, тебе выплачивать ее долг.

— И кому я должен?

— Кампале. Альфе Северного округа.

— Впервые слышу о таком.

Халли перекашивает от подобного заявления, но он быстро справляется со своей яростью.

— Странно, потому что о нем говорит весь Крайтон. Он владелец Волчьих боев.

Волчьи бои!

В которых участвовал Дэн.

Надо расспросить этого Мэверика про них! Я даже делаю шаг вперед, но Доминик неожиданно кладет руку на мою талию и притягивает к себе. Нет, не просто притягивает! Его ладонь тут же

скользит ниже — на мои ягодицы, и только важность переговоров не позволяет мне вывернуться из его хватки.

— Я отдам долг, если твой альфа предоставит доказательства того, что Дэнвер Брайс действительно его должник.

Халли кивнул:

— Я передам твои слова альфе и принесу доказательства.

— С твоим альфой я буду общаться лично.

— Это невозможно. Он не любит публичность.

— Для меня сделает исключение.

Вскинув голову, я вижу только профиль Доминика, но этого достаточно, чтобы заметить блеск в глазах вервольфа. Один взгляд — и Халли едва не пригибается к полу. А потом, пожелав хорошего вечера альфе и его женщине, спешно покидает мой магазин, забирая с собой своих головорезов.

Только когда колокольчик возвещает о том, что мы снова одни, я осознаю, что меня трясет, а еще что ладонь Доминика по-прежнему на моей заднице.

— Для меня это слишком, — говорю, отталкивая его. — Эти бандиты! Угрозы. Самопровозглашенные альфы... И я не твоя женщина.

Его будто все это не волнует, потому что Экрот спокоен, словно только что не головорезам условия выставлял, а читал интересную книжку.

— На время сделки — моя. Тем более что такой статус дает тебе больше возможностей.

К бесам такие возможности!

— Как ты собираешься обеспечить безопасность моих близких? — Это все, что меня интересует.

— Приставлю к ним своих вервольфов. На время, пока Кампала не выйдет из тени. Или же пока не признает, что никакого долга не существует.

— А если этот долг все-таки существует?

— Значит, я его выплачу.

— И буду должна тебе?! Благодарю, — ядом в моей фразе, наверное, можно отравиться, — но я еще прошлый долг не отдала. Я сама...

— Твоя самостоятельность закончилась, когда ты пришла ко мне, Шарлин. — Доминик протягивает мне руку, черты лица заостряются, напоминая о его хищной природе. — Пойдем. Обсудим твой долг за ужином.

Я сжала кулаки, но погасила поднимающееся внутри раздражение и первый порыв отказаться. Тем более что нам с Домиником есть что обсудить, и ужин для этого действительно подойдет.

— Я закрою магазин. — Проигнорировав его ладонь, ту самую, что недавно лапала меня, я иду к стойке. Под пристальным взглядом вервольфа закрываю кассу, пишу записку для Рэбел и только после, накинув куртку на плечи, возвращаюсь к нему.

Доминик никак не комментирует то, что ему приходится ждать, но стоит мне с ним поравняться, перехватывает меня за талию, на мгновение прижимая к себе и заставляя задохнуться от неожиданности.

— Продолжай провоцировать меня, Шарлин. Это очень заводит.

Вот бесы! Заводить его совсем не входило в мои планы. Хотя я прекрасно понимала, что в дальнейшем мы с ним собираемся не в шахматы играть, но и форсировать выплату своего долга не планировала.

Поэтому я заставила себя стоять смирно и предпочла рассматривать узор на его галстук.

— Ты что-то говорил про ужин.

— Да, — с сожалением произносит он. — Сначала ужин и разговоры.

Доминику приходится подождать еще немного, пока я выключу вывеску и включу сигнализацию, но

на этот раз я делаю все быстро. И даже слова не говорю, когда водитель в форменном костюме открывает перед нами двери черного лимузина. Внутри просторно, сиденья из молочной кожи и приглушенный свет.

Эта роскошь будто сдавливает меня со всех сторон, не позволяя расслабиться. Для такой машины больше подошло бы вечернее платье, но на мне любимые серые джинсы, вязаный свитер и кроссовки. Поэтому в своей обычной и комфортной одежде я чувствую себя нелепо. А может, все дело в мужчине на соседнем сиденье? Всякий раз, как мы остаемся наедине, он будто обнажает мои нервы, заставляя быть начеку.

— Думала, ты предпочитаешь все контролировать. — Я кивнула на затемненную перегородку, которую водитель поднял, стоило машине тронуться с места.

— Правда. Но у меня есть водитель для таких случаев, как этот.

— Как этот?

— Когда не хочется терять ни минуты. Сними куртку и иди ко мне.

Я поперхнулась воздухом, поэтому голос прозвучал сдавленно:

— А как же ужин?

— У нас до него минут двадцать-тридцать. Как повезет с пробками.

Город в такое время стоит, поэтому я облизала пересохшие от волнения губы и медленно придвинулась к бедру Доминика. Я наивно полагала, что у меня будет передышка, но нужно наконец-то усвоить, что последовательность и Экрот — вещи несовместимые.

— Садись на мои колени, Шарлин, — приказывает он. — Боком.

— Мы еще ничего не обсудили, — напоминаю я.

— Обсудим за ужином. А это... считай авансом.

То есть вчера был не аванс?!

Сжав зубы и памятуя о том, что провокация только сильнее его возбуждает, я делаю то, что он говорит. В отличие от мягкого сиденья Доминик словно выточен из камня. Нагретого на летнем солнце камня, потому что жар его тела передается даже через одежду. Теперь мы лицом друг к другу, и его ладонь гладит меня по спине. К счастью, пока только по спине.

— Распусти волосы, — новый приказ, и я стягиваю резинку с хвоста. — Так лучше.

Он зарывается пальцами в мои волосы. Я сосредотачиваюсь на его галстук, только чтобы не смотреть в глаза Доминику. Я получила то, что хотела, — он обеспечивает защиту моим близким, теперь мне нужно просто потерпеть.

Переступить через это и идти дальше.

Но я все равно вздрагиваю, когда он ныряет ладонью под свитер и сдавливает сосок через тонкую ткань бюстгальтера. Получается неожиданно остро, и я будто деревенею в объятиях Доминика. Но он не повторяется: мягко поглаживает мой живот, скользит вниз по бедрам, стягивает с меня кроссовки, отбрасывая их в сторону.

— Скажи, что тебе нравится, Шарлин.

— Нравится? — Я с радостью отвлекаюсь на разговор, в то время как Доминик поглаживает мои ступни.

— В сексе. Что ты любишь?

Это был бы нормальный вопрос, если бы не обстоятельства нашего «свидания».

— Это не важно.

Для меня это действительно не имеет значения. Я готова выполнять часть своей сделки, стонать под ним, кричать под ним, если потребуется, но я здесь не по собственной воле.

— То есть ты готова вытерпеть все, что я захочу с тобой сделать? И все ради безопасности своих родителей? — В голос Доминика добавляются рычащие ноты. Злитесь? С чего бы? Я же послушная.

— Да.

Вервольф резко разворачивает меня к себе спиной и откидывается на сиденье, так что оказываюсь полулежащей на нем. Распластанной по его большому, сильному телу. Не видящей его, но чувствующей всего и полностью. От горячего дыхания, скользящего по затылку, меня бросает из жара в холод и обратно.

Проверка?

Я дергаюсь, когда он расстегивает ширинку на моих джинсах, но тут же заставляю себя лежать спокойно, только вонзаю ногти в ладони и пытаюсь дышать глубоко.

Хочется ему меня лапать? Имеет право.

Одной ладонью он скользит мне в трусики, а второй забирается под свитер, сжимая грудь. Дыхание сбивается, с моих губ срывается вздох, за который я готова сожрать себя с потрохами. А вот рычание вервольфа подо мной теперь можно определить как довольное.

Мне приходится сдерживаться, чтобы не пытаться сдвинуть колени или, что еще хуже, прогнуться в пояснице, подаваясь вперед, когда Доминик без труда находит заветную точку на моем теле. Я до боли прикусываю губу, когда он повторяет движение и одновременно с этим щипает сосок. Заставляю себя смотреть в потолок, маячащий над головой. Потому что, если закрою глаза, станет только хуже.

У меня слишком давно не было секса. Только так можно объяснить, что от действий Доминика меня ведет. Физиология, чтоб ее бесы побрали!

— Не сдерживай себя, Шарлин, — шепчет этот... деловой партнер. — Я же знаю, что тебе сейчас очень хорошо. Я чувствую это по твоему изменившемуся аромату.

— Тебе не кажется, — говорю быстро, хотя мой голос выдает меня с головой, — что в твоих условиях было, что я должна стонать под тобой, а не над?

Его тихий смех ударяет по нервам, а я почти готова сдаться, потому что мое тело горит. Еще несколько движений, и я у черты. И плевать, что подвел меня к ней Экрот!

Плевать на все.

Все прекращается быстрее, чем начиналось: Доминик убирает руки и просто пересаживает меня с колен на соседнее сиденье. Возбужденную. Неудовлетворенную. Ничего не понимающую. С горящими щеками и беспорядком в одежде.

А вот Доминик холоден и спокоен, будто не он только что откровенно касался меня.

— В следующий раз так и будет, — обещает он. — Мы приехали.

Что?

Только сейчас до меня доходит, что лимузин больше не движется. Как давно?

Хотя какая разница, если можно сбежать отсюда!

Из места, где я только что... Только что...

Хочется надавать себе по пылающим щекам! Не за то, что я позволила ему. За то, что позволила себе!

Я спешно поправляю одежду: застегиваю молнию, одергиваю свитер и ищу второй кроссовок, улетевший в противоположную сторону. В последний момент хватаюсь за резинку для волос, но Доминик перехватывает мою руку и качает головой.

Ладно, пусть будет по-твоему!

Экрот выходит из машины и подает мне руку, а я, оказавшись на тротуаре, застываю. Потому что мы стоим перед входом в отель «Кингтон». Белоснежное здание в двенадцать этажей, занимающее весь квартал и сияющее сотней огней, мраморные колонны и тяжелые крайтонские флаги, изображающие солнце и луну. Утонченная классика и внимание к деталям. Но жемчужина «Кингтона» — ресторан «Фавель», в который я мечтала попасть со времен студенчества. В те годы я могла позволить себе здесь разве что чай, а после не видела смысла спускать целое состояние на ужин, каким бы божественным он ни оказался. Но Дэнвер считал иначе.

Мы с мужем ужинали в «Фавеле» в ту ночь, когда отмечали его успех.

Когда я еще верила, что у нас все получится.

Воспоминания об этом мгновенно накрывают меня горечью.

— Что-то не так? — Голос Доминика выдергивает меня в реальность. — Не нравится место?

— Главное, чтобы тебе нравилось, — пожимаю я плечами.

Мне действительно все равно. У воспоминаний о Дэне есть плюс — возбуждение, что сжигало меня в лимузине, развеивается, и я больше не хочу секса. Не хочу Доминика. Не хочу этого ужина.

Экрот сжимает губы и направляется в «Кингтон», а мне приходится подстраиваться под его широкий шаг. Внутри отель именно такой, как в моих воспоминаниях. Красивый, белоснежный, утонченный. С небольшим фонтаном в центре холла, с темно-синими с серебром коврами дорожками и широкими, изогнутыми диванами. И вышколенным персоналом.

В прошлый мой визит сюда я надела новое платье и черные лодочки, сделала прическу и вечерний макияж, поэтому чувствовала себя блистательной и счастливой. Я была счастлива. Сейчас же ловлю собственное отражение в большом зеркале и понимаю, что мой вид не спасет даже расческа и до счастья мне далеко.

— Не уверена, что меня пропустят в таком виде, — делюсь я своими мыслями с Домиником.

— Со мной пропустят.

Действительно все перед ним расступаются, кивают или улыбаются, а вот по мне скользят заинтересованными взглядами мужчины, и изучающе-непонимающими женщины. Я же расправляю плечи и иду вперед, заминаюсь только однажды, когда мы сворачиваем не в сторону «Фавеля», а к лифтам. Но быстро справляюсь с удивлением. Лифт привозит нас на верхний этаж, на котором лишь одна дверь и один номер — королевский люкс. Я знаю об этом, потому что видела рекламные фото на страницах «Прайма». Но реальность превосходит все ожидания: одна только гостиная номера больше спортивного зала, не считая распахнутых дверей в остальные комнаты. В номере тоже все белое с синим и серебром, начиная от диванов и заканчивая стенами.

Мой взгляд притягивает огромный камин — настоящий, с танцующим в нем пламенем, накрытый на двоих столик и застывший рядом с ним официант.

— Здесь нам никто не помешает, — отвечает Доминик на мой вопросительный взгляд.

Бесы! Снова без передышек.

Экрот помогает мне разместиться за столом, но когда официант хочет вручить мне меню, говорит:

— Не нужно. Я сделаю выбор сам.

Вот ведь... Мстительное животное!

Ладно. Я не уверена, что вообще смогу что-то съесть.

Впрочем, когда Доминик делает заказ и приносят закуски, я уже не так уверена в том, что не смогу. Небольшие тосты с паштетом, мясное ассорти и ягоды к нему выглядят словно произведение искусства, но мне снова не позволяют сделать выбор: кладут на мою тарелку только то, на что указывает Экрот.

— Не боишься, что у меня может быть пищевая аллергия?

— Нужно было раньше об этом думать, Шарлин, — спокойно отвечает он, салютуя бокалом с вином. Которое конечно же тоже выбрал он.

Я пробую мясо, чтобы не ткнуть вилкой в своего «спасителя», и понимаю, что на самом деле голодна. Поэтому позволяю себе насладиться кусочком, наплевав на нервы и вервольфа рядом.

— Ты говорил, что мы обсудим условия выплаты моего долга.

— Говорил.

— И?

— Мне не нравится обсуждать дела за ужином. Так что обсудим это после. В процессе.

Я, наверное, дошла до какой-то точки невозврата, сожгла внутренний предохранитель, потому что во мне вспыхивает яростное желание сделать все назло. Переиграть Доминика.

— Хорошо, — говорю я, медленно поднимаясь. Официанта нет поблизости, его вызывают с помощью

электронного звоночка на столе. Но даже если бы и был, не уверена, что сейчас бы это меня остановило. — Тогда давай обсуждать. Терпеть не могу неизвестность.

Я делаю шаг от стола и одним движением стягиваю свитер через голову. Следом идут кроссовки, которые я пинаю в сторону, туда же летят стянутые джинсы и нижнее белье.

— Ты хотел посмотреть на меня без тряпок? Так пожалуйста!

Я не стесняюсь своего тела: у меня небольшая грудь, но тонкая талия и стройные ноги. Вот только почему-то от горящего желтым взглядом Доминика хочется чем-то прикрыться. Настолько тот жадный. И злой.

Что-то идет не по твоему плану, волк?

— Дальше по списку, — продолжаю я, сжимая кулаки, чтобы не выдать мелкую дрожь, которая, кажется, охватывает меня целиком, прокатывается по телу от макушки до босых ног. — Ты хотел, чтобы я стонала под тобой. Мне под стол залезть или на стол? В общем, я должна как-то оказаться под...

Доминик оказывается на ногах раньше, чем я успеваю закончить фразу, перехватывает меня за горло, фиксируя шею и притягивая к себе.

— Хочешь, чтобы это поскорее закончилось?

Прикосновение кожа к коже опалает меня, злость в глазах вервольфа заставляет мой пульс ускориться, а дыхание сбиться, но, кажется, мой инстинкт самосохранения покинул меня в тот вечер, когда я решила к прийти Экроту. Когда не переступила тот бесов порог!

— Очень, — выдыхаю я и охаю, когда он перехватывает меня и, будто я ничего не вешу, буквально тащит в сторону одной из боковых комнат.

Вырываться бессмысленно, но я все равно дергаюсь в его руках. Недолго, потому что Доминик легко толкает меня: я лечу и падаю спиной на кровать. Королевского размера, как и положено в подобных номерах, на такой постели можно потеряться. Но сама обстановка спальни смазывается для меня в сплошное безликое пятно, потому что все мое внимание приковано к Доминику, расстегивающему ремень на брюках.

Наши взгляды встречаются, и я будто отчетливо осознаю, что разбудила и разозлила зверя.

— Ты права, — рычит он. — Не будем терять время.

В отличие от меня он даже не раздевается, просто стягивает брюки и наваливается на меня сверху. Тяжесть его тела выбивает воздух из груди, но я и так задыхаюсь.

Это все неправильно.

Неправильно.

Только мысль о спасение родных отрезвляет, я делаю это ради них. Но сейчас почему-то даже она не приносит успокоения. Не помогает расслабиться, когда жесткие губы находят мой рот и терзают так долго, что это сливается в бесконечность.

Хотя сейчас лучше расслабиться.

Если я не могу получать от этого удовольствие, то хотя бы не превращать это в ад. Сжать зубы и... Бесы!

Когда Экрот толкается в меня, хочется не стонать, а вскрикнуть, но я закусываю щеку изнутри до привкуса крови на языке. Все равно дергаюсь, потому что он большой, а у меня давно никого не было. И все это для меня слишком.

Я жду нового раза, но Доминик отстраняется и буквально рычит:

— Давай договоримся, Шарлин, что, когда я спрашиваю, нравится тебе что-то или нет, ты отвечаешь. Правду. А не изображаешь мученицу, готовую скорее умереть, чем признаться в том, что ей нравится происходящее.

— Хочешь правду? — выдыхаю я. — Мне не нравишься ты.

— Придется это исправить!

Я не успеваю спросить, как он собирается это делать, потому что Доминик перекатывается на бок, одной рукой перехватывает мои кисти над головой и второй ладонью скользит между моих бедер. На контрасте с грубостью прикосновения губ к моим губам обманчиво мягкое, затягивающее, словно водоворот. Шероховатые пальцы раздвигают складки, нащупывают чувствительный бугорок клитора, и я дергаюсь, чтобы уйти от этого прикосновения.

— Не нужно! — рычу я.

— Не нужно тебя трахать? Это есть в моих условиях.

— Не нужно пытаться мне угодить.

— Вот так?

Он вводит в меня сразу два пальца, и я дергаюсь снова, но на этот раз от прошившей все мое тело молнии. Доминик довольно усмехается и повторяет движение под тем же углом, задевая точку, от которой растекается жар внизу живота и хочется выгнуться дугой. Насадиться на пальцы.

Именно этого он и добивается! Сказал же, что хочет, чтобы я стонала. Но отпустить себя — значит ему поддаться, а это выше моих сил!

Он трахает меня пальцами отнюдь не нежно, то замедляя, то ускоряя ритм, но, когда выскальзывает из меня, я готовастонать от досады и чувства неудовлетворенности. Потому что по всем законам мое тело не должно реагировать так на близость с этим вервольфом.

Не должно, но, бесы с ним, реагирует оно именно так!

С моих губ все-таки срывается предательский стон, когда он одним плавным движением снова входит в меня. Заполняя целиком. Но не позволяя даже привыкнуть к этому ощущению, выходит и толкается снова, сразу срываясь на бешеный ритм. Глаза у Доминика тоже бешеные, будто он наконец-то дорвался до чего-то очень сильно желанного. Мощные толчки сотрясают мое тело, и мне остается лишь откинуться на одеяла и отпустить себя.

Внизу живота скручивается тугая спираль, готовая выпрямиться и принести море блаженства, но Экрот рычит и кончает раньше, чем я успеваю достичь черты. Сотрясаясь всей своей мощью, он расслабляется и прижимает меня собой к упругому матрасу. Мое же тело по-прежнему горит, и я готова наброситься на него с кулаками. Потому что, судя по тому, как Доминик расчетливо меня разогревал, он может доставить удовольствие женщине. Но в моем случае попросту, бесы его сожрите, не захотел!

Я пытаюсь отползти, но он притягивает меня спиной к своей груди, поглаживая грудь и пощипывая донельзя чувствительный сосок.

— Попроси, — говорит он, подтверждая все мои догадки.

Поэтому я вырываюсь и разворачиваюсь к нему лицом.

— Это входит в условия нашей сделки? — интересуюсь холодно, за что получаю очередной злой взгляд.

— Нет, — цедит он, поднимаясь с кровати и приводя себя в порядок. — Твое удовольствие зависит только от моего желания. Но не волнуйся, я умею быть терпеливым и готов подождать до следующего раза.

— Следующего раза?!

— Конечно, Шарлин. Ты же не рассчитывала, что это будет один раз? В конце концов, я буду заниматься твоими делами не одну неделю. Так что ты будешь моей все это время.

До конца не веря в происходящее, я сажусь на постели и всматриваюсь в лицо принявшего деловой вид Доминика.

— Что значит — буду твоей?

— Я буду брать тебя на встречи и ужины, будешь приезжать ко мне, когда прикажу.

— И как долго это будет длиться?

— До тех пор, пока я не разберусь с альфой Северного округа.

Я смотрю на него, не в силах поверить в услышанное. А потом подхватываю подушку и запускаю в него.

ГЛАВА 4

Я стояла под душем и пыталась представить, что это водопад.

На первом курсе я попала на занятия по медитации, там как раз было упражнение для обретения душевного равновесия. Но то ли я давно его не делала, то ли сейчас просто никакое равновесие мне не светило, но меня продолжало всю колотить. Даже когда я сделала воду погорячее, внутренняя дрожь никуда не исчезла.

Не представляю, сколько времени прошло. Полчаса? Может больше. Оказавшись в своей квартире, я прямо с порога начала стягивать с себя одежду и терять ее по пути в ванную, хотя обычно аккуратно складывала на стуле или сбрасывала в бельевую корзину.

Я принимала душ в «Кингтоне», но мне показалось этого мало.

Я хотела смыть невидимый след на своем теле от прикосновений Доминика и делала это снова, и снова.

Но конечно же получалось примерно как с водопадом.

Фигово получалось.

Бросив эту затею, я прислонилась лбом к прохладному кафелю, прокручивая в голове прошедший вечер и новость, что сама продала себя в рабство на неопределенный срок.

Точнее, сроки мы конечно же обговорили. После того как Экрот перехватил массивную подушку с таким видом, словно я швырнула в него воробьиным перышком или носком, и заявил:

— Мне нравится твоя страстность, Шарлин. Но учти, что стоит показывать ее, только когда мы наедине. Когда мы на людях, лучше прячь свой характер. Иначе я буду вынужден пересмотреть условия нашей сделки.

Бесов шантажист!

После такого мне захотелось бросить в него тяжелым светильником с прикроватной тумбочки, но сдержалась. Владыка, не представляю, как я сдержалась, но завернулась в покрывало (хоть какую-то замену одежды) и процедила:

— Сроки. Нам нужно обговорить более конкретные сроки.

— Конкретных не будет. Ни для меня, ни для тебя. Когда Кампала перестанет прятаться и придет ко мне, — его глаза сверкнули в полутьме спальни, — тогда все и решится.

— А если не придет?

— Придет. Самое страшное оскорбление для альфы — объявить себя трусом, а он считает себя альфой.

— Я должна присутствовать на этой встрече, — выдвинула я условие раньше, чем успела его обдумать.

— Хорошо. Только если будешь молчать.

— Хорошо, — повторила я эхом. — Нужно еще обсудить, что будет входить в мои обязанности как твоей игрушки.

— Моей любовницы, Шарлин, — поправил меня Доминик. — Не стоит занижать свой статус.

— Избавь меня от этого! Мне нужен конкретный список.

Вервольф пожимает плечами:

— Секс, когда я захочу. Где я захочу. Как я захочу.

Чего-то подобного я ждала.

— У меня есть работа, которую я не всегда могу оставить...

— Придется, если ты мне понадобишься.

— Я не стану участвовать в оргиях или в чем-то подобном. Это только между нами!

Глаза Доминика снова вспыхнули злым огнем, он в одно движение оказался рядом со мной.

— Как мало ты знаешь о вервольфах, Шарлин, — прорычал он мне в лицо. — Я не собираюсь ни с кем тебя делить. Учитывай это тоже.

На это я едва не рассмеялась. Потому что последнее, о чем я стану сейчас заботиться, — поиск мужчины.

Было еще много всего.

Как любовница я должна была принимать его подарки и сопровождать его везде, где могла понадобиться Доминику. И, в общем, если наступить на горло своей гордости, со всем этим можно смириться.

Как ни странно, после всех обсуждений и ужина Экрот отпустил меня домой.

Что делать с моим долгом, было понятно, а вот что делать с моим влечением к вервольфам — нет.

Дэнвер не был моим первым мужчиной: до него у меня были отношения с партнерами. Я лишилась девственности в старших классах со своим одноклассником. Мы встречались целый месяц, а у всех моих подруг уже был опыт. Но такой опыт, честно, хотелось забыть, потому что спустя пять минут его пыхтения все закончилось, а я так и не получила удовольствия. Второго партнера я выбирала тщательнее. Его звали Рой, с ним я познакомилась в университете, мы вместе посещали курс по западной литературе. Рой потрясающе за мной ухаживал, дарил подарки без повода, ходил со мной на все концерты и выставки, зависал со мной в библиотеке и разделял мою страсть к детективам. Когда дело дошло до секса, он сделал все как надо: был нежен и осторожен. Но этого оказалось мало.

Я не возбуждалась от прикосновений или поцелуев и в какой-то определенный момент решила, что со мной что-то не так. Существуют же женщины, которые не ловят кайф от секса! Но на одной из вечеринок, куда меня затащила подруга, я встретила Дэна, и меня повело. Я хотела его так, что у меня горело все тело. Мы тогда еле добрались до отеля и чудом дошли до кровати, настолько хотелось разорвать друг на друге одежду, только чтобы быть ближе. Секс был таким, что я кричала от наслаждения, извиваясь под Дэнвером. Он после еще повторял, что у него тоже никогда такого не было.

Тогда я подумала, что это судьба. Полное совпадение.

После вечера с Домиником я поняла, что дело было не в Дэне. Во мне.

Точнее, дело в том, что меня по какой-то причине возбуждают только вервольфы.

Озарение наступило, когда я уже проваливалась в сон, возможно, поэтому скорее успокоило меня, чем снова взвинтило нервы. Значит, секс с Домиником заводит меня, потому что он вервольф.

В эту ночь я спала настолько крепко, что разбудил меня только световой будильник, разливший яркий солнечный свет по всей комнате. Осенью и зимой солнце в Крайтоне встает часов в десять-одиннадцать, а садится в три-четыре, так что это было одно из моих лучших приобретений. Плотно позавтракав, я надела темные брюки с блузкой цвета стали и вспомнила, что моя машина осталась возле магазина. Пришлось вызывать такси и торопиться, чтобы успеть открыть его раньше, чем это сделает Рэбел. Мне и так пришлось вчера придумывать историю, будто я сама случайно уронила тревожную кнопку, а потом, не заметив, на нее наступила. Новых странностей помощница мне не простит: прижмет к стенке и не слезет, пока все не расскажу.

Расчет вышел верным, и я успела на работу первой. Включила вывеску, пробила первый чек и открыла главный вход. Странно, но вчерашний визит вервольфов сейчас воспринимался как нечто далекое и будто произошел не здесь, а в другом месте. Магия моего магазина, не иначе!

Колокольчик на двери звякнул раньше, чем я успела дойти до стойки. Порог перешагнул высокий мужчина, сразу рассматривая полки сквозь стекла очков в тонкой оправе. Такую реакцию я видела по десять раз на дню: он выдавал тех, кто оказывался в моем магазине впервые.

— Узнаю этот взгляд. — Я решила привлечь к себе внимание. — Ищите что-то особенное?

— Я бы купил весь магазин! — восхищенно произнес он.

— Я его слишком люблю, чтобы продавать.

Сказала — и осознала, что ни капли не покривила душой. Мой букинистический магазин — моя единственная любовь.

Комплекцией мужчина не уступал ни одному вервольфу — широкие плечи, сильные руки, но явно был человеком: стоило ему подойти ближе, я уловила легкий запах сигарет. Видимо, он курил перед тем, как войти в магазин.

Вервольфы не курят — не выносят резких запахов, и зрение у них как у хищников.

Впрочем, я тут же обо всем забыла, когда посмотрела в глаза незнакомцу. Они у него были разного цвета: карий и светло-голубой. В сочетании со строгими мужскими чертами смотрелось необычно.

— Вы владелица этой сказки?

Поняв, что тупо пялюсь на него, я поспешила ответить:

— Да, это мой магазин.

От его улыбки мое сердце екнуло. Хотя посмотрела бы я на женщину, у которой ничего не екнуло после такой улыбки — широкой, открытой, сражающей наповал.

— А я ваш будущий поклонник!

— Поклонник?

— Вашего магазина конечно же. Здесь лучше, чем я думал. — Он протянул руку. — Хантер Бичэм.

— Чарли Мэдисон.

У него горячая ладонь и твердое рукопожатие.

— Как получилось, что вы у нас впервые?

— Я недавно в Крайтоне. Перевелся из Асерского университета в Крайтонский исторический.

Исторический институт — одно из самых крутых и востребованных учебных заведений в столице, и я его выпускница. Сколько же Хантеру лет? По ощущениям около тридцати, хотя что тут удивительного? В Крайтонском учатся студенты всех возрастов.

— Учитесь?

— Преподаю. Но считаю, что учиться можно и нужно всю жизнь. Поэтому, Чарли, я пришел в ваш магазин. Мне нужно очень много книг, а на вашем сайте сказано, что вы можете достать любую.

— Давайте список!

— С чего вы решили, что у меня есть список?

Я прищурилась:

— Не поверю, что его у вас нет.

— Вы меня раскусили. — Он снова улыбнулся, достал из кармана сложенный листок бумаги и протянул мне.

Я ловко развернула список и пробежалась по нему глазами.

— Что же... Он действительно большой! Дайте мне минутку.

— Хоть пять.

Я вернулась к компьютеру и стала вбивать названия книг, которые ему требовались, а Хантер прилип к стеллажам, посвященным разделу по истории вервольфов.

— «Крайтонская новая история» у нас есть, — обрадовала его я. — Все четыре тома. «Лузские тайны» и «Легенды о Багровой ночи» тоже. А вот Даниэля Хилла придется подождать, он пока едет к нам из Норфилда. Насчет «Сказаний о морских чудовищах» ничего не могу обещать, по-моему, она давно разошлась по частным коллекциям. Редкая жемчужина, стоимостью в мотоцикл.

— Я могу себе это позволить. — Оказывается, Хантер подошел к стойке совершенно бесшумно и внимательно на меня смотрит своими фантастическими глазами, но почему-то мне не становится неловко. Мы будто давно знакомы.

— Не уверена, что ее можно найти даже в Интернете.

— Я предпочитаю бумажные книги. Они обладают особой магией.

— Совершенно с вами согласна. Именно поэтому я продолжаю дело своей бабушки.

— Семейный бизнес? — снова улыбается он. — Какое совпадение. Моя мама тоже преподавала.

Я не выдерживаю и улыбаюсь в ответ, наверное, впервые за эти дни, когда у меня наступила черная полоса.

— Я сейчас соберу вам все, что есть, и оставлю запрос. Как только получим Хилла или какую-то другую книгу из вашего списка, я или моя помощница вас наберем. — Кладу перед ним чистый листок бланка. — Вот, напишите номер своего телефона. Обещаю не спамить, это нужно только для связи.

— Вам можно и спамить, Чарли, — совершенно серьезно признается он и размашисто вписывает в форму свой телефон. — Но, чтобы было все честно, хочу взамен получить ваш.

— Телефон магазина есть на визитке.

— Я не про магазин. Про ваш личный номер. Это возможно?

Я зависаю, потому что обычно отказываю. Поначалу мой номер тоже был на визитке, но клиенты начинали звонить по ночам, и я заказала новый. Но здесь мне хочется согласиться. Может, дело в его улыбке?

— Доброе утро! — здоровается Рэбел, заходя в магазин с черного входа и нарушая затянувшуюся паузу.

— Доброе утро, — отвечаю я. — Ты вовремя, нужно быстро собрать заказ для прима Бичэма.

— Я не тороплюсь. — Хантер посылает помощнице свою улыбку, и я прямо вижу, как Рэбел столбенеет, попав под его очарование.

Пока мы собираем книги, он выбирает еще несколько, из того, что у нас есть, и расплатившись, уходит. Кажется, его ничуть не задело то, что он не получил моего номера, но второй раз он спрашивать не стал.

— Какой красавчик! — восклицает Рэбел, стоит двери закрыться. — И весь твой!

— Мой?

— Твой-твой! Сразу видно, на тебя запал. Глаз не сводил. Владыка, какие у него глаза! Это какая-то аномалия. Как-то даже называется.

— Гетерохромия.

— Точно!

— Его больше интересуют книги, — говорю я.

— Книги, как же. Чарли, я работаю в книжном магазине, тут каждого первого интересуют книги, но этот парень смотрел на тебя. Почему ты не дала ему свой номер?

— Подслушивать нехорошо!

— Да что там было подслушивать!

Я возвращаюсь к работе, тем более что в магазин входит еще один мужчина.

— Ты знаешь мое мнение на этот счет, — сообщаю ей шепотом, а Рэбел в ответ закатывает глаза.

— Ты самая занудная начальница из всех, на кого я работала.

Я шикаю на нее и поворачиваюсь к посетителю:

— Здравствуйте. Чем могу помочь?

— Посылка для Шарлин Мэдисон, — сообщает он, ставя на стойку два объемных пакета и вручая мне стильно-черный конверт, а мое сердце снова екает, только на этот раз не от радости.

Потому что я подозреваю, от кого посылочка. Не подозреваю — знаю точно.

И записка в конверте только подтверждает мою догадку.

Побеждаем сегодня. Заеду за тобой в 13.00.

Надень то, что я прислал.

Пообедаем?

Я не хочу с ним обедать! И вообще, у меня встреча с примом Лораном!

— Опять тайный поклонник?

Рэбел явно не собирается приступать к своим обязанностям и косится на пакеты с коробками. А я даже не представляю, что может в них оказаться. Наряд горничной? С Доминика станется устроить мне подобное. Одно знаю точно — я не собираюсь это ей показывать. По крайней мере до тех пор, пока сама не увижу, что там.

— Может, хватит о поклонниках? — отвечаю резче, чем следовало.

— Хватит так хватит. — Помощница расправляет плечи и широко улыбается девушке, вошедшей в магазин. — Иди, разбирай посылку, а я поработаю.

Бесы! Обиделась.

И что теперь делать?

— Рэбел...

— Потом, Чарли, — отрезает она.

Ну и ладно!

Мне сейчас не до ее обид. Со своими бы проблемами разобраться.

Я сгребла пакеты со стойки и отправилась в подсобку, которая была что-то вроде склада и кухни. Обычно она почти полностью заставлена книгами, которые мы еще не разобрали и не рассортировали, поэтому кофе мы с Рэбел пили в общем зале. Но так как новая партия книг должна приехать завтра, здесь даже стулья оказались свободными. На них я пакеты и сгрузила.

И тут же набрала номер своего личного беса.

Пришлось ждать несколько звонков, прежде чем Доминик поднял трубку, но я готова была звонить даже два часа.

— Я тебя слушаю, Шарлин.

— Я не могу сегодня с тобой пообедать. У меня назначена встреча.

— С кем?

— Это не важно.

— Важно, если ты предпочитаешь эту встречу обеду со мной.

Я мысленно выругалась. Потому что не собиралась рассказывать Экроту про Лорана и про то, что хочу продать магазин. Чутье подсказывало мне, что не нужно ему это знать. Но и послать его куда подальше я тоже не могу.

— Это связано с моей работой. Один клиент хочет купить очень дорогую и редкую книгу, — придумала я на ходу.

— Чем его не устраивает покупка книги в магазине?

— Он не хочет, чтобы ему кто-то мешал.

— Отправь свою помощницу.

Вот гад!

— Это моя работа, — процедила я.

— Твое время, Шарлин, — в голосе Доминика прозвенела сталь, — теперь принадлежит мне. Поэтому я буду у тебя в час. Не забудь надеть мои подарки.

— Чем тебя не устраивает моя одежда?

— Она мне не нравится, — бросил Доминик и отключился.

Взял и отключился!

Я подавила желание выбросить пакеты в мусорный контейнер, досчитала до десяти, прикрыла дверь на щеколду (не потому, что не доверяла помощнице, просто мне почему-то так было спокойнее) и достала коробки. Их было три: большая, поменьше и совсем маленькая, наподобие той, в которой Доминик вернул мне телефон. С нее я и решила начать.

Внутри оказался тонкий браслет из белого и желтого золота. Плетение напоминало корабельные канаты, а застежка имитировала морской узел. Не ошейник, но мне почему-то показалось, что этот браслет будто знак принадлежности Доминику. Будто он недостаточно меня себе присвоил!

На двух других коробках переливался серебристый логотип бренда «Олли», сети безумно дорогих бутиков, известных на всю Легорию. В средней коробке оказались песочного цвета лодочки из замши, а в большой — золотистая пышная юбка, длиной три четверти, молочного цвета блузка, жакет и крохотная сумочка. Ко всему этому прилагалась упаковка чулок с кружевной резинкой. Трусов не было, и на том спасибо!

Все красивое и стильное, не стану врать, сама бы примерила эту юбку, если бы увидела ее в магазине. Правда, ценник с нее предусмотрительно срезали. Но сам факт того, что меня заставляют переодеваться, будто я какая-то бродяжка! Или кукла, которую можно украсить по собственному вкусу.

Еще бы заставил душ принимать перед обедом!

Я сжала кулаки.

Обойдется! На обед я пойду, но шмотки брать не стану. Вручу подарки Доминику, такого пункта в нашем договоре нет.

Сложив все обратно в коробки, я подхватила пакеты и вылетела из подсобки. Чтобы натолкнуться на Сая, который тащил Рэбел за руку к окну. Кажется, сегодня у него был свободный день в школе, поэтому Сайрус обычно проводил его в магазине.

— Мам, смотри! По улице бродит стая собак.

— Стая? — нахмурилась помощница. — Такого не может быть.

Меня тоже это заинтересовало, потому что в Крайтоне не было бездомных собак. А тех одиночек, которые все же появлялись, тут же отлавливали. Но чтобы стая!

Поэтому я тоже подошла к окну, немного отодвинула занавески и осмотрела улицу. По ней действительно рассредоточились огромные серебристые звери, отдаленно напоминающие псов. Вот только псами они не были.

— Это не собаки, Сайрус, — озвучила мои мысли Рэбел. — Это волки.

— Волки? Вервольфы! — пришел в восторг мальчишка.

В отличие от подруги, которая продолжила хмуриться.

— Впервые вижу столько вервольфов в звериных ипостасях. Что они здесь забыли?

Меня.

Доминик сдержал свое слово. Вервольфы охраняли меня.

А я не могу надеть одну несчастную юбку!

Меня кольнуло чувство вины. Не перед Экротом, нет, перед Рэбел и Сайрусом. Вервольфы Доминика защищают меня, я защищаю своих близких.

Я отнесла пакеты назад в подсобку, позвонила приму Лорану и отменила нашу встречу. Естественно, он не обрадовался, но я объяснила, что мы сможем состыковаться чуть позже. В конце концов, не думаю, что Доминик захочет обедать со мной каждый день.

Рэбел со мной по-прежнему не разговаривала, поэтому, если бы не загруженность работой, я бы, наверное, пошла к ней мириться. А так приняла решение, что обязательно ей все объясню, только чуть позже.

Ближе к назначенному сроку я вернулась в подсобку и переделалась в присланные Экротом вещи. Все подошло идеально, будто вчерашней ночью Доминик не трахал меня, а изучал мое тело до сантиметра. Разве что туфли слегка жали, но это было скорее потому, что я привыкла носить

крюссовки. Я застегнула браслет на запястье и, подумав, распустила волосы, как нравилось Доминику.

Он говорил, что его возбуждает, когда я ему сопротивляюсь.

Так может, ему быстро надоеет, когда я стану послушной.

Когда я вышла из подсобки, брови Рэбел поползли вверх, а большие глаза Сайруса стали просто огромными. На мою удачу, помощница была занята покупателями, поэтому бросила на меня красноречивый взгляд, который лучше прочего сказал, что меня ждет допрос с пристрастием. А вот Сай сопровождал меня до дверей.

— Чарли, ты такая красивая.

Вот что юбка с человеком делает!

— Спасибо, Сайрус. Передай маме, что я иду на ланч и вернусь через час.

— Ты на свидание?

— Да, но это тайна, договорились?

Он мне подмигнул и убежал к своему любимому креслу, где обычно читал книги, а я глубоко вздохнула и вышла из магазина через парадный ход. Врать ребенку нехорошо, но что еще я могла сказать? По версии Доминика это, наверное, и было свидание.

Черный лимузин уже ждал меня на той стороне улицы, я сжала клатч, как оружие, и направилась к нему. Мой план был простым: стать послушной, скучной, настолько, что Доминику надоеет. У него много женщин, а я интересна только тем, что зависима от него и бешусь от этого. Как только перестану беситься, интерес сразу же упадет. И не только интерес!

Клятва альфы не позволит ему нарушить обещание — мои близкие останутся под защитой, а остальные проблемы буду решать по порядку.

До машины оставалось метров пять, как я услышала за спиной:

— Шарлин?

— Мама?

Я так увлеклась своим планом, что совершенно не заметила маму, покупавшую газеты на лотке с прессой. А вот она меня заметила и рассматривала с интересом и с чисто женским восхищением.

— Какая ты нарядная! И наконец-то в юбке. У тебя все в порядке?

Я невольно усмехнулась. Чарли в юбке — значит, ударились головой.

— Да, мам, все хорошо. Я иду на деловую встречу.

Мама посмотрела за мою спину, и, оглянувшись, я увидела, что Доминик вышел из машины и теперь наблюдает за нами.

— Ну-ну, — покачала головой мама. — Снова вервольф?

— Это не то, что ты думаешь.

— Ты сама строишь свою жизнь. Главное, будь осторожна.

— Хорошо, — поспешно кивнула я и поцеловала ее в щеку. — Передавай привет папе.

Я не собиралась знакомить их с Домиником, опасалась, что мама все поймет, что я случайно себя выдам. Поэтому быстро направилась к нему. Впрочем, он снова все испортил, когда галантно поцеловал мою руку. Ведь явно сделал это напоказ! Но настигшее меня раздражение я давя тут же.

— Здравствуй, — говорит он.

— Здравствуй, — отвечаю я, садясь в машину. В юбке это делать неудобно, но как есть. — Благодарю за подарки.

Доминик приподнимает бровь:

— И все?

— Спасибо, что позволил оставить нижнее белье.

— Предполагалось, что ты будешь без него.

Я поперхнулась воздухом, но выдавила из себя улыбку. Надеюсь, она получилась милой и благодарной, а не волчьим оскалом.

Кто бы знал, как сложно быть милой рядом с Домиником!

— Без белья мне некомфортно, так что хотелось бы остаться в нижнем белье.

— Хорошо, сегодня вечером выберем тебе его.

Что, значит, выберем?

— Я привыкла делать это сама.

— Теперь привыкай делать все со мной.

Вот и поговорили.

Как можно быть милой с вервольфом, который отказывает тебе в самостоятельном выборе трусов?

Дорога оказалась короткой. Мы остановились возле ресторана «Бейлиз», который располагался через несколько кварталов от моего магазина. Не такой роскошный, как «Фавель», но достаточно популярный. Я здесь обедала несколько раз, в основном назначала деловые встречи. Но сейчас уютная обстановка в светло-зеленых тонах, тихая музыка и вышколенные официанты будто проходили мимо меня.

Я шла к столику возле окна и раз за разом повторяла, что могу быть благодарной.

Быть благодарной за одежду и разрешение оставить трусы не получалось, тогда я снова попыталась представить водопад и сосредоточиться на хорошем. А оно было.

— Спасибо за то, что прислал вервольфов. Я помню про обещание альфы, но для меня это важно.

Доминик бросил на меня нечитаемый взгляд. Думала, что ответит что-то в своем насмешливом стиле, но он просто кивнул:

— Пожалуйста, Шарлин.

Мы одновременно развернули меню, и я поинтересовалась:

— Снова выберешь за меня? Я люблю мясо, но равнодушна к морепродуктам.

— Я тоже люблю мясо, — заявил Доминик. — На нем и остановимся.

Сработает мой план или нет, но, может, у нас получится нормально? Как деловым партнерам.

— Какая встреча! — воскликнули откуда-то сбоку.

Доминик сдвинул брови, а я оглянулась и увидела направляющуюся к нам Джинджер. Следом за ней шла ее сестра.

Невеста Доминика.

Как ее зовут, я забыла напрочь: имя девушки улетучилось из моей памяти, потому что в тот вечер мне было не до нее. В тот вечер мне вообще ни до чего было! Но сейчас я смогла рассмотреть, что с Джинджер их объединяли лишь длинные шоколадные локоны, слегка раскосые глаза и форма носа. В остальном невеста Доминика была слегка полнее своей сестры, но это только добавляло ей женственной мягкости и шарма. Рот чуть великоват, с полными губами, тонкие брови и упрямый взгляд из-под длинных пушистых ресниц, который сейчас был направлен на меня.

— Мы с Одри как раз решили заглянуть в «Бейлис» на ланч, а тут ты и Чарли, — затараторила Джинджер, остановившись возле нашего столика.

Одри.

Точно.

Одри остановилась за спиной сестры и не стесняясь рассматривала меня. Оценивающе так рассматривала, будто решала: стоит беспокоиться или нет. Мы с ней столкнулись взглядами, и она поджала губы.

— Может, мы присоединимся к вам? — тем временем поинтересовалась Джинджер. — В ресторане почти не осталось свободных столиков.

Учитывая, что «Бейлис» сейчас был наполовину пустым, ложь была настолько откровенной, что я приподняла брови и посмотрела на Доминика.

— Нет, — ответил он, удостоив собственную невесту предостерегающим взглядом, а на Джинджер едва посмотрев. — Вы можете выбрать любой ресторан поблизости.

— Нам не нужен любой. Одри нравится этот, а мы почти семья, и у вас есть два свободных стула.

В подтверждение своих слов она ухватила за спинку.

Взгляд Доминика стал совсем хищным, черты вмиг заострились, наглая волчица осеклась и шарахнулась в сторону. Это длилось всего секунду, зрачок Экрота расширился, а в глазах Джинджер мелькнула паника: она рухнула на колени прямо возле нашего столика.

— Прости! — всхлипнула, глядя затравленно и прикрывая лицо, будто Доминик занес над ней руку для удара, хотя он даже не двинулся с места, и лишь воздух пропитался напряжением, от которого молоденькая волчица задрожала всем телом.

— Хватит, — прервала эту сцену Одри, храбро выступив вперед. Она подхватила сестру и помогла ей подняться. — Пойдем, Джинджер. Доминик занят. Может, в следующий раз пообедаем вместе.

Она склонила голову перед альфой, а потом бросила короткий взгляд на меня.

— Прошу прощения за то, что прервали ваш разговор.

Сестры покинули зал так же быстро, как и появились, а я поняла, что ворот блузки сдавливает горло. И что я просто задохнусь, если не возьму хоть какую-то передышку. Как же я забыла, что имею дело с нечеловеком, с вервольфом. И что этот мир мне чужд.

— Мне нужно в дамскую комнату, — предупредила я, не глядя в глаза Доминика, и поднялась, с грохотом отодвинув стул.

Я пролетела через весь зал, чтобы оказаться в туалете. Перед глазами все еще стояла некрасивая сцена с волчицей, посмевавшейся указывать альфе.

Я крутанула кран с холодной водой и ополоснула лицо.

А когда поднялась, в отражении за своей спиной увидела Одри.

Ее взгляд вонзился в меня, и добрым его назвать было трудно. Она смотрела на меня, как на насекомое, которое хочется раздавить и в то же время брезгуешь к нему прикасаться.

Поэтому я выпрямилась и потянулась за белоснежным полотенцем, молча промокнув капли воды на лице. Привычка обходиться без макияжа второй раз сыграла мне на руку, если бы Джинджер решила повторить этот трюк за мной, то размазала бы всю косметику по лицу. Но ее здесь не было, зато была ее недружелюбно настроенная сестра.

Я сбросила полотенце в корзину и попыталась пройти мимо нее, но мне ожидаемо преградили выход. Мы с Одри оказались одного роста и могли смотреть друг другу в лицо. Правда, уверена, что у волчицы сил побольше, чем у меня. Все-таки она вервольф, а я человек. Но мне не нужны проблемы.

Поэтому я призвала всю свою дипломатичность:

— Позволь пройти.

— Не раньше, чем мы поговорим.

— Нам не о чем разговаривать.

Экрот сказал, что я буду исполнять все его интимные фантазии и сопровождать, куда он пожелает, но не давал никаких инструкций, как обращаться с его невестой и что ей говорить. Хотя будь я на ее месте, закатила бы ему громкий скандал. За то, что оставил любовницу, а будущую жену отправил погулять.

— Отнюдь, — прорычала Одри. Буквально. Ее голос изменился на долю секунды до звериной хрипоты, а в глазах сверкнуло желтое золото.

Я осталась на месте только исключительно потому, что будто выросла в пол. По спине пробежал

холодок, а ладони вспотели. Я не хотела показывать, что опасаясь ее, но, кажется, Одри это уловила своим чутьем, потому что ее губы изогнулись в самодовольной улыбке.

Бесы!

Она приблизилась ко мне, но спросила словно обращаясь в пустоту:

— Что в тебе такого особенного? Что его в тебе привлекло? Красотой похвастаться не можешь. Манерами тоже. Даже твой запах... — Одри принялась и поморщилась. — Отвратительный.

Отвратительный? Это такой вервольфовский аналог: «Ты, кажется, набрала пару килограмм»?

— У тебя с манерами тоже не все гладко.

— Привыкла говорить прямо, когда это нужно.

— Я тоже.

— Тогда утоли мое любопытство. Почему ты? Почему из всех шлюх, вьющихся рядом с ним, он выбрал тебя?

Оскорбление резануло, но, собрав все внутреннее спокойствие, я демонстративно пожала плечами:

— Понятия не имею. По-моему, тебе стоит обсудить этот момент с ним.

— А ты забавная. Я бы поверила, что он выбрал тебя из-за чувства юмора, если бы ты так не раздражала. Надеюсь, ты не думаешь, что его к тебе интерес — это надолго?

— Ты говоришь это всем женщинам, которые обедают с Домиником?

Взгляд волчицы снова вспыхивает желтым свечением, она делает едва уловимый глазу шаг, и красивые тонкие пальцы почти нежно обхватывают мою шею. Почти, потому что длинные ногти или, вернее сказать, когти вонзаются в кожу аккуратно возле яремной вены.

— Сейчас я говорю это тебе. В нашем обществе считается нормальным заводить таких постельных заек, но мне это не подходит. После того как мы с Домиником поженимся, для него будет существовать только одна женщина.

— Ты? — хрипло уточняю я, не двигаясь и не отводя глаз. Судя по отношению Экрота к невесте и ее сестре, плевать он хотел на будущих родственников.

— Я. И я не потерплю рядом со своим альфой никаких человеческих женщин.

— Насколько мне известно, в семьях вервольфов все решают мужья.

— Как много ты знаешь о вервольфах? После свадьбы между нами появится такая связь, что на других ему станет плевать.

— Связь?

— Волка с волчицей. Он будет есть из моих рук. Я буду управлять своим альфой, а заодно и всей стаей.

Мне не понять феодальных вервольфовских замашек, но статус жены альфы бесспорно велик. Если ты можешь выдержать постоянный прогиб под мужа или задавить его своим характером. Владыка, она даже не скрывает, что Доминик нужен ей для престижа и власти! А вот в том, что Экрот после свадьбы не станет белым и пушистым, я не сомневаюсь.

— Не боишься, что я все это расскажу ему?

Вот теперь со стервы слетает ее уверенность и самодовольство, и она сильнее сжимает пальцы. Знаю, что, если пошевелюсь, получу «подарочек» от злобной волчицы, а мне этого не хочется.

— Что именно? — Она усмехается. — Что тебе угрожала его невеста? Вперед! Я посмотрю, как долго он будет смеяться. Посмеюсь вместе с ним.

Она отпускает меня так резко, что я с шумом выдыхаю и хватаюсь за столик раковины, чтобы удержать равновесие.

— Отвяжись от Доминика, и с твоим здоровьем и твоей шеей все будет хорошо. Мы поняли друг друга?

Одри вылетает из туалета раньше, чем я успеваю ответить.

Взгляд в зеркало только позволяет еще раз убедиться, что вервольфы замечательно контролирует свою силу: на коже ни следа. Но эта демонстрация всего лишь предупреждение! В следующий раз Одри не станет тратить время на разговоры. И не объяснишь ведь, что Доминик мне нужен исключительно для защиты семьи и встречи с загадочным альфой. В последнее время мне хватает врагов, чтобы приобретать новых. Особенно таких девочек, больше похожих на чудовищ.

Я сжимаю подрагивающие пальцы и делаю глубокий вдох, чтобы прийти в себя. Для меня это перебор, и где-то внутри себя мне хочется орать, но я вновь ополаскиваю руки и возвращаюсь к Экроту.

— Тебя можно поздравить со счастливым событием? — интересуюсь у вервольфа, вернувшись за столик. — Когда свадьба?

Его взгляд более чем красноречив — от него мурашки по коже. Будь я волчицей, наверное, уже бы валялась на полу, но, к счастью, я человек, и на меня подобное не действует. Ну почти.

— Тебя это не касается, Шарлин. Нашему договору это не мешает.

— То есть наши... отношения продолжатся и после того, как ты женишься?

— Именно так.

Хм, почему же тогда Одри считает иначе?

— Я рассчитываю на то, что мы покончим с этим гораздо раньше, — призналась честно. Я не собиралась врать: ни ему, ни себе самой. — Потому что не хочу становиться частью мира, где отношение к женщине как к живому товару.

Судя по потемневшему лицу Доминика, ему мой ответ не понравился, но мне было плевать. Остатки моих сил ушли на то, чтобы выдержать этот обед. Я даже толком не запомнила, о чем мы говорили, не чувствовала вкуса еды. Захват Одри по-прежнему ощущался на моей шее, перед глазами стояла Джинджер на коленях, а во мне самой подрагивало напряжение. Настолько сильное, что я даже не отпрянула, когда в машине Доминик притянул меня к себе и уткнулся носом мне в шею.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — поинтересовался он, поймав мой взгляд.

— А должна?

Взгляд я выдержала. Как и глубокий поцелуй в губы, ток от которого ударил по моим и без того натянутым нервам.

— Увидимся вечером, — сказал Доминик, когда проводил меня до дверей магазина, а я шагнула внутрь не оборачиваясь.

Вечером.

Вечером!

Вечером...

Все заново.

Я поняла, что если не поделюсь с кем-то, не расскажу об этом всем, то меня либо разорвет на части, либо я просто свихнусь.

Как назло, Рэбел нигде не было видно, за стойкой стояла ее дочь.

— Чарли, привет! Ты такая красивая! Но немного напуганная... Что-то случилось?

Много всего случилось. Я узнала, что у меня умер муж, что я должна много денег какому-то хмырю, о существовании которого даже не подозревала, продалась в рабство, а еще мне угрожали расправой дважды за три дня. Такая простая арифметика круглой жопы!

— Лола, где мама?

— В курьерской компании. Они что-то намудрили с заказом, а тебя не было. Но не волнуйся, я со всем справляюсь.

— Знаю, — бросила сухо. Нужно было похвалить девочку, но на это меня уже не хватило. — А когда она вернется?

— Не знаю, вы с ней чуть-чуть разминувшись.

Значит, нескоро. Я падаю в кресло для посетителей, нужно подняться, переодеться и жить дальше. До вечера.

«Увидимся вечером».

— Чарли, я тебе соболезную, — тихо говорит девочка, касаясь моего плеча: я и не заметила, что она подошла ко мне.

— Спасибо, Лола.

— Правда. Когда умер папа, я долго не могла в это поверить. Даже на похоронах казалось, что это не он там — в земле. Что не может быть такого, что его больше нет...

— Похоронах? — цепляюсь я за ее фразу и вскакиваю с кресла. — Прости, Лола, мне нужно позвонить. И, спасибо за то, что рассказала мне об этом. Это очень важно.

Девчушка нахмурилась, будто сомневалась в моей адекватности.

— Надеюсь.

Я же убежала в другой конец магазина, отыскивала визитку, оставленную полицейскими, и набрала номер:

— Сержант Лабрю? Это Шарлин Брайс.

— Да, прима Брайс, я вас слушаю.

— Вы сказали, что мой муж погиб, но ничего не сказали насчет тела. Я должна была его опознать или забрать.

— Прошу прощения, прима, но у вас вряд ли бы получилось его опознать... От тела мало что осталось.

Меня всю перетряхнуло, стоило снова представить ужасную гибель Дэнвера. Пришлось выдержать паузу, чтобы собраться силами для следующего вопроса:

— А что случилось с тем, что осталось? По законам Легории, людей и вервольфов должны хоронить.

— Так и есть. Но этим занимаются родственники или, в случае вервольфов, альфы рода. Мы передали тело его родным. Насколько мне известно, похороны состоялись сегодня утром.

Сегодня?!

И Доминик мне об этом ничего не сказал! Знал, и ничего не сказал.

— Вы знаете, где его могила?

Возможно, это был странный вопрос от вдовы, но мне уже было плевать.

— Дэнвер Брайс похоронен на Лурском кладбище.

Там, где хоронили весь род Брайсов. Какая честь для отвергнутого наследника! После смерти он наконец-то со своей семьей.

Я поблагодарила офицера, подхватила ключи от машины и бросила на ходу Лоле, что она снова за старшую.

Дорога до Лура смазалась, стерлась, вымаралась из моей памяти. Я осознала себя у кладбищенских ворот, которые даже в солнечный день смотрелись зловеще, а сейчас вовсе казались дверью в потусторонний мир. Я знала, где похоронены все Брайсы и Экроты. Мы с Дэном были здесь однажды, на похоронах его деда. Кажется, тогда он хотел помириться с матерью, но лишь поскандалил с родней. Он всегда со всеми скандалил. Считал, что все ему должны.

Когда я отыскивала свежую могилу с именем «Дэнвер Брайс» на надгробном камне, уже начало темнеть, но мне было плевать. Я стояла и смотрела на этот камень. На имя. На дату. А потом во мне что-то треснуло и надломилось, раскололось на части. Может это я раскололась. Колени будто подогнулись, и я с воем упала на свежую землю.

— Урод! Мерзавец! Ты во всем виноват!

Я билась и редела, загребала землю руками, ударяла по ней кулаками.

— Тебе всегда было на меня наплевать! На то, что я старалась для нас двоих. Ты меня бросил на

растерзание волку!

Я орала до тех пор, пока перед глазами не потемнело. А потом просто рухнула на холодную землю с диким желанием умереть.

Чтобы всего этого не было.

Не было в моей жизни ни одного вервольфа.

Я очнулась, только когда почувствовала дикий холод, а еще чей-то взгляд. Подняла голову, вглядываясь в темноту, но моего человеческого зрения не хватило, чтобы рассмотреть в сумерках, одна я здесь или нет. По телу прокатилась волна страха: глубинного, первобытного, стирающего все грани разумного. Воображение нарисовало не самые приятные картинки криминальных хроник, и я сжала кулаки, загребая пальцами сырую землю и напоминая себе, что от переутомления и не такое бывает.

Я здесь одна.

Кому вообще придет в голову прийти на кладбище ночью? Кроме меня, конечно же. Если кто-то и следит за мной, прячась среди надгробных камней, то выдавать себя не собирается. По крайней мере, пока.

По дурной традиции последних дней начал накрапывать дождь, поэтому я поднялась на ноги и запахнула пиджак, который совсем не спасал от холода в груди. Пронизывающий ветер крайтонской осенней ночи ни шел с ним ни в какое сравнение. Страх на мгновение выдернул меня в реальность, но теперь я снова почувствовала себя скорее духом, чем живой. Усталость каменной плитой навалилась на плечи, и я дошла до автомобиля, едва переставляя ноги.

Просмотрев оставленный на пассажирском сиденье телефон, я обнаружила кучу пропущенных вызовов: от Рэбел, от папы и от прима Лорана. Над тем, чтобы написать сообщением помощнице (я была не уверена, что смогу сейчас разговаривать с кем-либо) и попросить ее закрыть магазин, я раздумывала долго: сидела и пялилась в экран. Но затем во мне проснулась совесть.

Все-таки это мой магазин, и Рэбел мне ничего не должна!

К тому же на парковке ощущение взгляда никуда не делось, а только усилилось. Будто тот, кто следит за мной, подошел ближе. На мгновение у кладбищенских ворот, куда не доставал свет фонарей, мелькнула огромная черная тень, и в темноте словно сверкнули два янтарных глаза, но стоило мне моргнуть, фигура исчезла. Шпионы Доминика? Или кто-то еще? Слишком много вервольфов для меня одной. Я спешно завела машину и отправилась в обратный путь.

Когда вернулась, вывеска уже не работала — неудивительно, потому что время было позднее, но свет внутри еще горел. Забыли выключить? Или Рэбел задержалась из-за какого-либо посетителя?

Но в магазине оказалась только одна помощница: Сая и Лолы не наблюдалось. Подруга сложила руки на груди и сидела неестественно прямо.

— Рэбел, ты почему не ушла домой?

Она ответила не сразу, и на секунду я решила, что случилось что-то ужасное. Что-то гораздо более ужасное, чем смерть Дэнвера и все, что за ней последовало. Но тут помощница взвилась с кресла и шагнула ко мне.

— Почему я не ушла? — гневно переспросила она. — Не ушла, потому что моя лучшая подруга неизвестно где и с ней явно что-то происходит, если она забила на работу.

— Я делаю для магазина не меньше тебя...

— К бесам магазин, Чарли! С ним все прекрасно, он работает как часы. Меня интересует, что не так с тобой? Ты пропадаешь куда-то, молчишь, получаешь подарки в красивых коробках. А в них не менее красивые платья! Сначала я решила, что у тебя появился мужчина, но счастливой ты при этом не выглядишь.

— А как я выгляжу? — огрызаюсь я.

— Как будто их с того света шлют! Как будто для тебя это пытка... — Рэбел осекается и оглядывает меня с головы до пят. — Хотя сейчас ты выглядишь так, будто вывалилась в канаве.

— Я была на кладбище, понятно? На могиле Дэна. Разговор закончен!

Я разворачиваюсь и иду в сторону стойки, но замираю от слов Рэбел:

— Заглядывал прим Лоран и сказал, что ты хочешь продать магазин.

— Что? — оборачиваюсь и едва не падаю, потому что забываю про бесовы каблуки. — Он не имел права говорить тебе об этом!

— Но сказал!

— Чарли Брайс, скажи мне правду! Что происходит?

— Хочешь знать правду? Мой муж занял десять миллионов крайтов и сгорел в автомобиле. И теперь эти деньги должна выплатить я!

Своего я добились: она прижимает ладонь к груди, но не находит слов. Только ее раскосые глаза становятся совсем круглыми, а я уже жалею, что всплила.

— Так что я сейчас в большой заднице, Рэбел. Очень большой.

— Расскажи мне все. — Она обретает дар речи.

— Это не твои проблемы.

— Для чего еще нужны друзья?

Она берет меня за руки и усаживает в кресло. Прикосновение Рэбел нежные и заботливые, поэтому я не выдерживаю. Чувствую, что пустота сожрет меня изнутри, и рассказываю все с самого начала. Про Дэна. Про головорезов. Про долг неизвестному альфе. Когда дохожу до Доминика и его условий, меня начинает потряхивать, а Рэбел восклицает:

— Вот мудака!

— Он мне помог.

— Да в задницу такую помощь! Это не помощь, это...

— Рабство. И я в него шагнула добровольно.

Мы молчим, но я понимаю, что мне уже все равно. По крайней мере этим вечером.

— Чарли, почему ты не пошла ко мне? У меня есть немного сбережений, я собирала на оплату колледжа для Лолы...

— Десять миллионов, Рэбел? — приподнимаю я бровь. Хотя от ее предложения на душе становится тепло, настолько, что хочется плакать.

— Мм, нет. Гораздо меньше.

— Тогда, о чем ты говоришь? Я бы не взяла у тебя ни крайта. Тем более что я не знаю, существует ли этот долг вообще. Сегодня они потребовали с меня столько, а в следующий раз вспомнят еще о чем-то.

— Полиция?

— Для них законы не писаны. Даже среди вервольфов.

— А для него писан? Для того, кто тебя якобы спас?

— Я не знаю, Рэбел. Знаю только, что слишком устала.

Я откидываю голову на спинку кресла и закрываю глаза, которые пощипывает от слез. Вздрагиваю от стука в двери магазина. Короткого, но мощного.

— Сколько времени?

— Начало девятого.

— Я забыла про встречу!

«До вечера», — сказал Доминик.

Рэбел открывает дверь, и главный альфа шагает в магазин. Взгляд у него такой, что едва давя желание поджать под себя ноги. Потому что это взгляд зверя, который не сулит мне ничего хорошего.

На помощницу он не обращает внимания, смотрит только на меня.

— Ты не готова, Шарлин.

Ах да, Рэбел говорила что-то про красивое платье, сейчас я даже не злюсь, что подруга заглянула в одну из коробок. Но Доминику придется подождать, если он хочет, чтобы я хотя бы переделась.

— Я готова, — поднимаюсь из кресла.

— Вы с ума сошли? — вклинивается Рэбел в этот короткий разговор. У них с Экротом настолько большая разница в росте, что она едва достает ему до груди, но при этом выглядит воинственно. — Чарли сейчас не в состоянии выполнять условия вашей сделки. Не сегодня. Она едва на ногах держится! Она только мужа потеряла, сегодня была на его могиле...

— Я знаю, где она была.

Значит, вервольфы мне не показались. Он знает про каждый мой шаг.

— Следишь за мной?

— Присматриваю за тем, что по нашему уговору принадлежит мне. Когда захочу и как захочу. Или ты передумала, Шарлин?

Я стискиваю зубы, качаю головой и иду к нему, но по пути меня перехватывает подруга.

— Чарли, это бесчеловечно.

— Он не человек, Рэбел, — говорю я. — Закрой, пожалуйста, магазин.

И выхожу следом за Домиником.

ГЛАВА 5

Сиденье в лимузине воспринимается уже как нечто привычное. И уезжать куда-то в ночь — тоже. Только к присутствию Доминика привыкнуть не получается. Когда он занимает соседнее место, я чувствую его всей кожей, хотя между нами полметра. Он не пытается меня лапать и вообще смотрит перед собой, напряженный и злой, но я все равно его чувствую. Что с ним не так? Или что не так со мной?

Я молчу. Знаю, я должна изображать его любовницу, но сегодня во мне не осталось сил ни на что. Даже на то, чтобы быть собой. Мне все равно, в какой отель мы едем: в «Кингтон» или в какой-нибудь другой, поэтому даже не смотрю на дорогу. Видимо зря, потому что, когда в окне мелькают знакомые огни Мантон-Бэй, я с запозданием осознаю, что на этот раз Доминик привез меня домой.

Туда, где мы будем совершенно одни.

В холле все как прежде, но вервольф, ничего не говоря, поднимается на второй этаж, а я шагаю следом. Это напоминает нашу первую встречу и вечер заключения сделки. И недели не прошло, у меня же чувство, что это случилось год назад. Разве что сегодня он на верхней площадке сворачивает не к кабинету, а направо и распаивает ближайшую дверь.

Это спальня.

Его спальня.

Мой взгляд притягивает королевских размеров кровать, она даже больше, чем в кингтонском люксе. Старинная, с массивными столбиками и резным изголовьем. Здесь Доминик изменил своей любви к зеленому: и покрывало, и тяжелые шторы, и обивка низкого диванчика в изножье кровати и кресла в углу винного цвета.

— Раздевайся, — приказывает он сразу, и я подчиняюсь. Сбрасываю туфли, стягиваю грязную одежду, безыскусно, рвано, не пытаюсь вложить в собственные движения ни капли соблазна.

Да и не нужно это. Одного взгляда на вервольфа хватает понять, что он скорее готов меня сожрать, чем трахнуть. Злитесь. Не знаю, почему я это знаю. Но точно злитесь.

И злость его дошла до точки кипения.

Поэтому, избавившись от белья и обхватив себя руками, я опускаю взгляд в пол, неприятно охлаждающей ступни. Я предпочитаю рассматривать собственные руки, застрявшую под ногтями землю. Оказывается, замечаю это не только я.

— Зачем ты ездила на кладбище?

— Чтобы в очередной раз сказать Дэну, какой он ублюдок. А ты почему не сказал мне про похороны?

— Ты была бы там лишней.

Я вскидываю на него глаза и в глубине его взгляда читаю ответ. Да что там читать? И так все понятно — родители Дэнера попросили, чтобы меня «забыли» пригласить на такое торжество.

— Ты не имел на это право. Я любила его не меньше их, даже больше.

Доминик сжимает челюсти так, что на его лице ходят желваки.

— Разве ты от него не отказалась? Так же, как его родственники.

Удар его слов попадает прямо в цель, и я бросаюсь на него с кулаками. Конечно же Экрот перехватывает меня раньше, чем я успеваю выпарапать ему глаза, удерживает за руки и вдавликает в свое тело, отчего у меня сбивается дыхание.

— Дэнер действительно был ублюдком, — цедит он мне в лицо. — Не по происхождению, по состоянию души и своим поступкам. Ты любила не его, Шарлин, а секс с вервольфом. То, как ты отзываешься на меня, прямое тому доказательство.

— Я не отзываюсь на тебя!

Вот теперь его ладонь ложится на мое горло, он властно притягивает меня к себе.

— Ты можешь дальше играть в игры, вот только никогда не смей мне врать! Поняла?

— Я честна с тобой, — почти рычу я.

— Так будь еще честной и с собой, — говорит он, смягчив тон, и очерчивает пальцами мою ключицу, обхватывает ладонью грудь, сдавливает сосок.

Я зажмуриваюсь, потому что все, что он проделывает со мной, мне неприятно. Точнее, я хочу, чтобы это было неприятно. Мерзко. Грязно. Каким еще оно должно быть? Чего я точно не хочу, так это откликаться на прикосновения Доминика. Тянуться за ним. Особенно, когда он нарочно так нежен.

Я сжимаю зубы, только чтобы не подаваться вперед, когда он касается живота, водит горячими пальцами по кругу.

— Тыловишь кайф от боли?

— Что? — Я распахиваю глаза широко-широко, чтобы убедиться, что не ослышалась. — Нет!

— Тогда почему ведешь себя как бесова мазохистка?

— Я не мазохистка!

— Хорошо, как бревно.

— Я не...

— Что я только что говорил про ложь? — В его голос добавляется угроза. — Неужели не можешь даже попробовать наслаждаться процессом?

— Не хочу.

Он же сам хотел правды!

— В условиях сделки не было такого, чтобы я этим наслаждалась.

Доминик отпускает меня так резко, что заставляет неосознанно пошатнуться.

— Значит, тебе нужен стимул?

— Стимул?

— Еще одна сделка. Видишь ли, меня не устраивает, что женщина рядом со мной похожа на привидение. Поэтому я предлагаю тебе заняться сексом не потому, что ты должна мне, а потому что хочешь этого. И если окажется, что мы друг другу не подходим, я прощу тебе долг.

У меня голова кругом. От волнения и таких новостей.

— Ты откажешься...

— Нет, с моей стороны все будет в силе. Но тебе больше не придется приходить ко мне.

— И что я должна сделать?

— Ни разу не кончить за всю ночь.

В чем подвох? Хотя его даже искать не нужно! Я возбуждаюсь от звериной сути вервольфов, а Доминик — вервольф. Пусть я не получила удовольствия в прошлый раз, но, когда он ласкал меня в лимузине, была близка к тому, чтобы кончить.

Это заранее проигрышная сделка.

Точнее, Доминик уверен в этом.

А я? Готова сдать ему без боя?

Ведь если выиграю, сорву большой куш. Если проиграю... На этот раз лучше сразу все обсудить!

— Если я не соглашусь? — Я складываю руки на груди, хоть немного прячась от его взгляда, но смотрю на него прямо.

— Тогда я все равно буду трахать тебя до тех пор, пока ты наконец не признаешь, что меня хочешь.

— Или пока не разберешься с лжеальфой, — напоминаю я.

— Это случится раньше. Сегодняшней ночью.

Какой быстрый!

— Допустим, я соглашаюсь, но выигрываешь ты. Как это отразится на гарантиях предыдущей сделки?

— Наш прежний договор останется в силе, и мы оба начнем получать удовольствие от происходящего.

И слишком самоуверенный!

Я прикрыла глаза, размышляя. Да, я возбуждаюсь от близости с вервольфами. До того как Дэнвер изменил мне, я любила секс. Но Доминик меня пугает, подавляет своей силой, а его деспотические замашки бесят до зубовного скрежета. И этот взгляд, которым он будто заклеил меня.

Последние дни так вымотали мне все нервы, истощили морально и физически, что единственное, чего мне хотелось, — это в душ и свернуться клубком на постели. Какое тут будет либидо? Не факт, что я вообще смогу возбудиться!

— Как ты поймешь, что я кончила или нет?

— По запаху, Шарлин. Уверен, аромат твоего экстаза еще более восхитительный. У тебя не получится меня обмануть.

Ну конечно! Кажется, вервольфы все фетишисты на запахи.

— Я думала, что у нас честная сделка.

— Так и есть.

— Не совсем.

Доминик сдвигает брови и прищуривается.

— Справедливым будет, — продолжаю я, — если твое условие будет распространяться на нас двоих. Проиграет тот, кто кончит первым.

Как тебе такое условие, вервольф? Откажешься или рискнешь? Ты даже не скрываешь, что хочешь меня.

— Я согласен, — кивает он после секундного раздумья, и теперь моя очередь вскинуть брови. А этот... волк еще и улыбается, напрочь опровергая собственные слова о надоевших играх. — А ты?

Не в моих правилах так просто сдаваться, тем более в теле уже проснулся адреналин, побуждающий действовать. Сейчас я не загнанный в западню зверь и все решаю сама.

— Я тоже согласна. Но для начала хочу принять душ.

И придумать план, как соблазнить Доминика и при этом не соблазниться самой.

— У меня есть идея получше, — говорит он, протягивая мне раскрытую ладонь, и я понимаю, что наша сегодняшняя битва уже началась.

— Сам оближешь меня с головы до ног?

— Заманчиво. — Вервольф делает вид, что задумывается над моим предложением. — Может, позже.

Я вкладываю свою руку в его и иду за ним через всю комнату. За дверью из темного дерева оказывается ванная, и она поистине роскошна: панорамное окно, черная мозаика на полу и стенах, широкая прозрачная душевая кабина и невероятных размеров ванна, больше напоминающая миниатюрный бассейн. Пол под ногами теплый, и я только сейчас осознаю, что замерзла и дрожу от холода. А может, от усталости.

Доминик открывает краны, и они мощными струями начинают закачивать воду в ванну. Обычно я предпочитаю душ, это быстрее, и не нужно ждать, но сегодня совсем не против полежать в теплой воде.

— Не боишься, что я могу уснуть? — спрашиваю я.

— Я не позволю тебе уснуть.

В подтверждение своих слов Доминик начинает раздеваться. Скидывает обувь, стягивает пиджак и галстук, пуговица за пуговицей избавляется от темно-серой рубашки. Я даже не думаю отворачиваться. Во-первых, я сама стою перед ним в чем мать родила. Во-вторых, мне интересно: я

ведь впервые увижу его обнаженным. В прошлый раз альфа так и не разделся целиком, но сейчас исправлял это упущение.

Чего у Доминика не отнять, так это того, что он красив. Даже по меркам вервольфов, его тело будто вырисовано до мельчайших деталей рукой дотошного художника. Крепкое, подтянутое, с океанским загаром. Он весь будто золотой и больше напоминает льва, чем волка. Какой он, когда обращается?

— Любуешься? — спросил он, раздевшись догола.

— Интересно увидеть тебя в звериной ипостаси.

— Не испугаешься?

— Тебя же не испугалась.

— Если хорошо попросишь, Шарлин, я позволю тебе покататься на себе.

Это даже звучит пошло. Поэтому я демонстративно прохожу мимо него к раковине и мою руки, но через отражение все равно продолжаю наблюдать за Домиником.

Он поворачивается ко мне спиной, чтобы проверить воду, замечаю белую, рваную полосу шрама вдоль позвоночника, и хмурюсь. У вервольфов потрясающая регенерация, а значит, рана, от которой остался подобный след, была страшной.

Впрочем, когда он ловит мой взгляд в отражении, я делаю вид, что сосредоточена на том, чтобы избавиться от земли под ногтями. Кто бы мог подумать, что это непросто. Непросто наблюдать за ним. Я понимала, что могу спросить о шраме напрямик, но получу ли ответ? Или мне скажут, что это не мое дело, как было с его невестой?

Додумать я не успеваю, потому что мне не нужно смотреть в зеркало, чтобы почувствовать, что Доминик подошел и теперь стоит за моей спиной. Может, я тоже реагирую на запах вервольфов? Как еще объяснить эту странность?

— Ты бы мог двигаться более шумно?

— Шумно?

Я встречаю в отражении его взгляд: потемневший, жадный, жаркий. Он действительно стоит близко, так что можно податься назад и коснуться спиной его груди, что я и делаю. Прогибаюсь в пояснице, касаясь ягодицами его паха, и усмехаюсь, когда до меня доносится его сдавленное рычание. В противовес моим действиям голос звучит ровно.

— Да, шагать, чтобы было слышно.

— Ты просишь меня?

— Предлагаю. Иначе на эту ночь ты получишь дрожащую и заикающуюся от страха любовницу.

Доминик резко подается вперед, и я оказываюсь прижатой к раковине. Раковина холодная, а грудь вервольфа обжигающе горячая, и этот контраст выбивает воздух из моей груди. Приходится упереться руками о столешницу из черного мрамора, чтобы не упасть лицом вниз. Впрочем, он перехватывает пальцами мой подбородок и заставляет смотреть на себя. На нас. И в этом есть нечто глубоко порочное. Потому что я не могу двигаться, а он не двигается тоже.

— Ты дрожишь вовсе не от страха, Шарлин. И даже не от холода.

— От усталости?

Он приподнимает бровь.

— Что я говорил про ложь?

Я отвечаю, глядя ему в глаза:

— Хочешь от меня признаний, придется постараться.

— Когда рассветет, ты признаешь, что я прав, — обещает он, согревая дыханием кожу за ухом. А потом резко отстраняется, но тут же подхватывает меня на руки и несет в ванну.

После прохлады воздуха вода в первое мгновение обжигает, но потом окутывает меня своим теплом. И это почти экстаз, не имеющий ничего общего с мужчиной рядом. Не будь здесь Доминика, я бы положила голову на бортик и просто дремала. Может, и не только дремала.

Но он здесь.

И мне нужно быть начеку.

Понимаю, что своим условием скорее усложнила себе задачу, чем сделала ее проще. Ведь в первой версии достаточно было просто заснуть. Но теперь слова назад не заберешь, и придется сделать все, чтобы он получил удовольствие раньше меня. Поэтому, я как бы невзначай провожу пальцами по своей груди, а потом опускаюсь поглубже и широко раздвигаю ноги, закидывая одну на бортик. Насколько эротично выгляжу, я могу прочитать в сверкнувших золотом глазах Доминика. Вот только он пока и наполовину так не возбужден, каким я его запомнила.

Вода в ванне идет в мою сторону волной и едва не выплескивается через край, когда вервольф опускается в нее с другой стороны. Наши ноги соприкасаются, посылая точно такую же волну мурашек по моей коже.

— Решила отдаться мне без боя? — интересуется этот волк.

— Не дождешься!

— Тогда наслаждайся ванной.

И Доминик просто расслабленно откидывается на борт ванны и прикрывает глаза. А у меня даже рот приоткрывается от такого. Потому что он не шевелится, и, судя по тому, как размеренно вздымается его грудь и разглаживается складка между бровей, он расслаблен и не собирается на меня набрасываться.

— Что значит — наслаждайся? — переспрашиваю я, выждав минут пять.

— То и значит, Шарлин. Теплая вода забирает усталость и напряжение, а еще повышает чувствительность.

Не знаю, какую чувствительность она повышала, но я не собиралась ждать, пока он сделает первый ход, и убрав ногу с бортика, сама скользнула к нему и оказалась полулежащей на вервольфе.

— Ты же не против? — поинтересовалась в распахнутые волчьи глаза.

Судя по тому, что я знаю, самая возбуждающая часть меня для Доминика — это мой запах, значит, нужно быть к нему как можно ближе.

— Нет, — говорит он. — Действуй, Шарлин. Интересно посмотреть, что ты задумала.

— Даже здесь не можешь отказаться от приказов?

— Я — альфа, — усмехается он. — Это стиль жизни.

Я обхватила ногами его бедра и обвила руками шею, зарываясь пальцами в волосы на затылке. У Доминика они были густыми и достаточно жесткими. Но короче, чем носил Дэнвер.

— Ты не всегда был альфой.

— Нет, не всегда. Никто не рождается альфой.

Я поерзала, не без удовольствия отмечая, что мои действия все-таки сработали: член Доминика уперся в мой живот. Все оказалось даже проще, чем казалось. Окрыленная своим успехом, я медленно провела подушечками пальцев по его щеке, по губам и подбородку, слегка колющему в конце дня. Ладонями скользнула по плечам и по рельефной груди, почти добралась туда, где в самом интимном смысле соприкасались наши тела. Но мои руки перехватили, разводя в стороны.

Адреналин током пробежал по моим венам, запуская бешеный стук сердца, когда Доминик завел мои руки за спину и качнулся вперед так, что вдавил меня в себя. Слишком раскрытая, распластанная на нем, я не могла пошевелиться, пока вервольф мне этого не позволит.

— Уверена, что хочешь так быстро проиграть?

— Нет, — покачала я головой. — Уверена, что хочу быстро выиграть. Так что? Расскажешь мне, как стал альфой?

— Просишь?

— Если тебя это возбуждает, я могу даже начать умолять.

— Умолять будешь позже.

Ну конечно!

Доминик целует меня прежде, чем я успеваю ответить что-то не менее колкое. Хотя это больше напоминает нападение: он набрасывается на меня, подавляя, сжимая, посасывая и покусывая губы. И я отвечаю на этот поцелуй, отвечаю так же, прикусив нижнюю губу и услышав утробное рычание вервольфа. Нет, это не поцелуй — это борьба, которая заканчивается ничьей, когда мы одновременно отстраняемся, но чувствуем сбившееся дыхание на губах друг друга.

— Я победил своего дядю, предыдущего главу стаи.

— Дядю? Это вообще честно? Он наверняка пожилой.

Мое замешательство вызвало у Доминика смех.

— Если бы ты с ним познакомилась, то не стала бы так говорить. Вервольфы живут долго и отличаются выносливостью.

— А еще у них сильные инстинкты, — говорю я, принякая к его груди и подставляя шею под его губы. — Например, инстинкт размножения.

— Этот самый сильный, — рычит вервольф, проводя языком от ключицы и вдоль яремной вены. И это простое движение вспыхивает во мне искрой. Я не знаю, что он сделал и почему именно от этого, но по всему телу разливается жаркая волна. Она прокатывается вдоль позвоночника, сосредотачиваясь внизу живота, расцветая там огненным цветком возбуждения. Да такая, что одновременно с ней меня накрывает паника. Такая, что я дергаюсь в его объятиях, и когда вервольф меня отпускает, то отстраняюсь, возвращаясь на свою сторону.

Мне точно нужна передышка.

Чтобы подумать.

Чтобы успокоиться.

Чтобы схлынул этот бесов адреналин, который продолжает держать мой организм в тонусе и готовым к спариванию!

Естественно, вервольф все понимает.

— Кажется, мы оба заложники своих инстинктов, Шарлин, — говорит он, прищурившись. — Так, может, сразу сдадимся?

— А ты сдаешься в своих битвах?

Доминик не отвечает, прикрывает глаза и делает вид, что этого раунда не было.

Ну и хорошо! Ну и ладно. Я решаю последовать его примеру и тоже откидываюсь на бортник, стараясь отследить собственные ощущения. Несмотря на усталость, все внутри продолжает гореть и мелко подрагивать. И это точно не от холода. Что бы он там ни говорил про ложь, я не обманываюсь. Стоит признать, что меня заводит наша битва. Заводят вервольфы.

Вода действительно расслабляет, и, несмотря на чужое присутствие рядом, мое сознание почти уплывает. Ключевое слово — почти. Из дремоты в реальность меня выбрасывает прикосновение пальцев к ногам. Доминик переместился ближе и поглаживает мои стопы и щиколотки. Это больше напоминает массаж, чем ласку, по крайней мере пока он не скользит выше. Оглаживая колени, по внутренней части бедер, до входа в мое тело.

Я распахиваю глаза и, наверное, выгляжу точно так же, как он совсем недавно. Но, прежде чем успеваю что-то сказать, он подхватывает меня под ягодицы и тянет вверх. Так резко, что от ныряния под воду меня спасает только то, что я успеваю натурально пискнуть и намертво вцепиться в бортики.

Может, напомнить ему про любовницу-заику?

Но все мысли выветриваются из моей головы, когда он раздвигает складки и надавливает на клитор. Меня подбрасывает еще выше, настолько острое это чувство.

— Твой запах сводит меня с ума, — шепчет Доминик. — Но запах твоего возбуждения — это просто что-то нереальное.

Пальцы сменяет язык, и я задыхаюсь от этого прикосновения. Легкого и в то же время бьющего по моим нервным окончаниям. От ощущения мужчины между своих бедер. От закручивающейся внутри меня тугой пружины. Едва уловимые касания Доминик чередует с хлесткими ударами

языком, и я сильнее прогибаюсь в пояснице, чувствуя, что, несмотря на усталость, несмотря на всю ситуацию, в которую я попала, действительно возбуждаюсь. По телу разливается нега и желание. Желание ощутить его внутри.

Желание нырнуть в этот сладкий экстаз.

Желание, чтобы он меня трахнул.

Меня так сильно накрывает этим желанием, что я отпускаю руки, и мы оба соскальзываем в ванну и оказываемся под водой.

Я успеваю вынырнуть первой, а вот перелезть через бортик и выбраться из ванны не успеваю, потому что злой и отплевывающийся после ныряния Доминик настигает меня раньше. Он прижимает меня к краю, надавливая на затылок, и я оказываюсь с задранной кверху задницей.

— Шар-р-р-лин, — в его голосе слышится почти звериное рычание, от которого желание убежать от него пересиливает все предыдущие мои желания, — ты сделала это специально.

— Пусти. Просто руки ослабли.

— Неисправима, — добавляет он, звонко шлепнув меня по ягодице, от чего я вскрикиваю. — Но я согласен с твоим предложением, так даже удобнее.

Чтоб ему в аду так удобно было!

Доминик без подготовки вводит в меня сразу два пальца. Я дергаюсь, пытаюсь уйти от нового движения, но куда там уйдешь: на этот раз он полностью контролирует ситуацию. Он трахает меня пальцами, растягивая, а я вишу практически головой вниз. И самое ужасное, что бесово возбуждение никуда не уходит, наоборот, только усиливается, особенно когда вервольф меняет угол и начинает входить в меня быстрее.

Это так остро. Ярко. Чувственно.

Что я почти готова сдаться.

Почти-почти.

Потому что все тело подрагивает от этой пытки, ноющие соски трутся о поверхность ванны, а щеку я, кажется, закусил до крови. Потому что стоит только немного расслабиться, сжать его сильнее, позволить себе стонать, попросить трахать меня резче, сильнее, и не пальцами!

Но тогда я проиграю.

Готова ли я?

И я почти готова броситься в этот омут с головой, но Доминик снова решает за нас двоих: резко отстраняется и подхватывает обессиленную меня на руки.

— Вода остыла. Продолжим в спальне.

Я настолько потрясена, что даже не сопротивляюсь. Просто забываю об этом, пока не оказываюсь на постели на темно-красном покрывале. Доминик просто укладывает меня поперек кровати, а сам стоит рядом. Воздух в комнате гораздо прохладнее, чем в ванной, но мне не холодно, даже несмотря на влажные после ванны волосы. Наоборот, мое тело горит, будто в лихорадке.

Приподнявшись на локтях, я встречаю взгляд вервольфа. Такой жадный. Такой глубокий.

— Ты словно раздумываешь, с какой части тела начать меня есть, — говорю я. Кажется, я все-таки простыла, потому что как еще объяснить, что у меня настолько хриплый, срывающийся голос?

— Так и есть, — сверкает взглядом Доминик, перехватывает мою стопу и проводит по ней языком, будто действительно собирается это сделать.

Откусить кусочек.

Я вздрагиваю от необычной ласки, а вот осознание, насколько подобное заводит, ошеломляет, и хочется отодвинуться как можно дальше.

Кто бы мне еще позволил отодвинуться! Стоит попробовать так сделать, как вторая стопа тоже оказывается в его ладони, а выпрямленные ноги — разведенными в стороны. Если можно быть еще более раскрытой перед Домиником, то сейчас это так.

— Почему ты остановился? — интересуюсь я. — В ванной. Мы оба знаем, что ты поддался.

И меня это донельзя злит! Насколько вообще можно злиться во время секса.

— Опять забываешь правила, Шарлин. Здесь все решаю я. Где. Когда. И как.

— Не всё зависит от тебя!

— Всё.

Он подтягивает меня вперед и начинает медленно водить членом по моим складкам. Мне приходится откинуться на спину, хотя правильнее сказать — рухнуть, потому что локти перестают держать. Держит меня только Доминик. Правда, я отмечаю, что себя он тоже едва сдерживает: член просто каменный, а на виске сильнее проявилась жилка, выдавая крайнее напряжение. Значит, не все еще потеряно!

— Так что случилось с дядей? — интересуюсь я, чтобы хоть немного расслабиться и отвлечься от плавных движений вниз. Если думать о чем-то другом или говорить, то ощущения не такие острые. — Он выжил?

— Убийство на поединках вервольфов запрещено и карается законом. Если это, конечно, официальные бои.

Доминик наконец-то входит в меня и делает это настолько плавно, что с моих губ срывается тихое: «Ох».

И еще раз «ох», потому что большим пальцем он ласкает клитор и одновременно с этим скользит то вперед, то назад. Во мне все воспламеняется, и искры бегут по телу. Но я успеваю заметить вспыхнувший желтым взгляд и ощутить легкую дрожь пальцев, удерживающих мою лодыжку. А еще этот ритм, он явно более медленный, чем ему хочется.

Доминик на пределе! Сильнее возбужден, чем я. Поэтому я подаюсь ему навстречу, сжимаюсь сильнее.

— А неофициальные? — Последнее я выдыхаю с громким стоном, таким, что по глазам вервольфа видно — он давно потерял нить нашего разговора.

— Тебя это действительно интересует?

О Владыка!

Конечно же нет. Хотя в другое время, может быть и да, но точно не сейчас. Когда Доминик то ускоряется, входя в меня рывками, то замедляется, растягивая пытку.

Это так... Так... Даже слов не подобрать, как хорошо. Хочется стонать громче, кричать, рычать от удовольствия, поэтому я не сдерживаю себя. Не вижу смысла, потому что Доминик ускоряется. Его это заводит, не знаю, откуда я это знаю. Может, все дело в инстинктах? Но просто знаю. Как и то, что сегодня я кончу от ласк Доминика, улечу от его движений, и все во мне уже подрагивает от подступающего наслаждения.

Мне просто нужно продержаться чуточку дольше него.

Всего на минутку дольше.

Он отстраняется так неожиданно, что теперь я охаю от острого ощущения пустоты и потери. Одного взгляда на Доминика хватает понять, что я не победила: он по-прежнему возбужден, только лишил меня и себя офигительного оргазма.

Впрочем, я тут же вспоминаю его слова, что все зависит от его желания, и хочется запустить в Доминика не подушкой. Креслом как минимум.

Если бы у меня еще были силы!

Я чувствую себя простыней, влажной от пота и натекающей с волос воды и выстуженной на холоде.

— Экрот, ты мерзавец! — цежу я, хотя хочется рычать и плакать одновременно. От чувства неудовлетворенности, от пожара внутри, от разочарования, что он снова меня обставляет.

— Меня не заводят ругательства, Шарлин.

Нет, не обставит!

Я перекатываюсь на живот и выпячиваю попу вверх. Однажды Дэнвер в шутку сказал, что ни один вервольф не способен устоять перед этой позой. Для них это инстинкт. Хотя мне она всегда казалась странной, больше подходящей зверям, чем людям. Но ему нравилось так брать меня. О вкусах Доминика я знаю мало, и сейчас самое время о них узнать.

Я заглядываю за плечо и ловлю его хищный взгляд.

— А что тебя заводит? — спрашиваю. — Моя покорность? Мои стоны? Что?

Доминик подается вперед и накрывает меня собой. Тяжелая ладонь ложится на мой затылок, и приходится развернуть голову, чтобы побережь шею. Так я не могу видеть вервольфа, но хорошо его чувствую. Его сильное тело, прижимающее меня к матрасу, пальцы, сдавливающие мои бедра, головку члена, касающуюся входа в мое тело. Это все практически невыносимо, потому что нервы и так на пределе.

По-моему, у нас обоих.

— То, что ты все еще пытаешься меня переиграть, — говорит он мне на ухо, а потом входит в меня рывком на всю длину.

Я вскрикиваю от неожиданности, а следом — от вспышки острого наслаждения.

Матрас практически глушит мои крики и стоны, когда Доминик трахает меня, уже не заботясь ни о каких прелюдиях, играх и сделках. Вдавливая меня в кровать и в себя. И мне тоже плевать, потому что перед глазами темнеет, а внутри меня раскручивается тугая спираль. Яркая, обжигающая, сжигающая дотла. Полная чистого наслаждения.

Будто этого мало, Доминик просовывает под меня руку и всего раз проводит по клитору. И все во мне взрывается. Я кричу от наслаждения, уносящего меня целиком куда-то, где я еще не была. Кричу, срывая горло. И слышу рык вервольфа, ощущаю его пульсацию внутри, как он содрогается вместе со мной в одном вихре удовольствия.

Все во мне еще продолжает подрагивать, когда Доминик откатывается в сторону, подтягивает меня к подушкам и накрывает покрывалом. А сам поворачивается на бок, подперев голову кулаком и смотрит на меня. Как-то странно.

— Мы кончили... одновременно? — переспрашиваю я.

— Да, Шарлин. Ничья.

— И что это значит?

— То, что наша предыдущая сделка в силе, — прищуривается Доминик.

— Почему-то я в этом не сомневалась.

Я отодвигаюсь от него. На большее меня не хватает: глаза слипаются, а последние силы ушли на наше сражение, проиграть в котором оказалось даже приятно.

— Снова будешь бегать от меня?

— Нет, — качаю головой. — Зачем? Секс с тобой замечательный.

На лице вервольфа мелькает удовлетворение. По-моему, даже гораздо большее, чем он получил пару минут назад.

— И ты будешь моей?

— Любовницей, — уточняю я. — До тех пор, пока не разрешится ситуация с альфой Северного округа.

— Ты станешь моей, Шарлин, — обещает Доминик. — Навсегда.

Хотя в последнем я не могу быть уверенной, потому что окончательно проваливаюсь в сон.

ГЛАВА 6

— Чарли, я уже боялась, что ты не приедешь!

— И тебе доброе утро, Рэбел, — поздоровалась я. Тихо, потому что вчера сорвала голос.

— Ты знаешь, о чем я.

— Все в порядке, — призналась я и осознала, что сегодня мое «в порядке» значительно лучше, чем вчера. — Не считая того, что я опоздала. Ненавижу опаздывать!

Но из Мэнтон-Бэй добраться дольше, к тому же без своего будильника я проспала.

Мое пробуждение оказалось далеким от романтических свиданий. Начать хотя бы с того, что проснулась я совершенно одна. Судя по следу на соседней подушке, Доминик спал со мной, но уже ушел. И оставил мне голосовое сообщение, в котором говорилось, что я могу найти завтрак на кухне, а водитель отвезет меня, куда попрошу. Это, во-первых. А во-вторых, у меня болели все мышцы, которые могли болеть, как после фитнес-тренировки, которые я всегда игнорировала. Внутри все саднило, а на бедрах даже остались синяки. Поэтому с кровати я поднималась осторожно, периодически морщась.

Но несмотря на все это, тело просто пело от переполняющей его бодрости. Если вчера я валилась с ног, то сегодня ощущала себя так, будто хлебнула энергетика. Выглядела я примерно так же: тени вокруг глаз исчезли, щеки порозовели, а глаза блестели, как трава на солнце.

— Вот что с женщиной делает хороший секс, — сказала я своему отражению.

На стуле обнаружили новую юбка-карандаш цвета стали, белая блузка и твидовое пальто, под стулом — бесовы лодочки. Моя вчерашняя одежда из спальни загадочным образом испарилась, поэтому я плюнула на все, наскоро приняла душ и вошла в новый наряд. К счастью, к нему прилагалось нижнее белье, комплект которого я нашла в корзине на туалетном столике в ванной. Там же нашлись расческа, запечатанная зубная щетка и, кажется, вся линия увлажняющего ухода косметического бренда «Ша». Я таким количеством никогда не пользовалась, поэтому просто взяла крем для лица. Потом подумала, и взяла еще блеск для губ.

Интересно, кто все это выбирает? Ведь явно же не Доминик. Как-то я не представляла альфу, подбирающего для меня косметику или... лодочки! Выбирающего для меня трусы могла, а вот лодочки — не получалось. И ведь почерк у всего этого явно женский, и вкус хороший, пусть даже я бы с радостью вошла в джинсы.

Собиралась я быстро, поэтому раздумывать над произошедшим времени не было. Зато в автомобиле дала волю мыслям и воспоминаниям.

Я вчера поддалась на провокацию Доминика.

Заклчила с ним новую сделку.

И проиграла.

Я думала, что накроет муками совести, но не накрыло. Видимо, этой ночью она собрала вещи и окончательно от меня съехала. Потому что проигравшей я себя не чувствовала. Наоборот, секс был фантастическим. Стоило вспомнить, как Доминик сначала дразнил меня, а потом вколачивался в мою тело и меня бросало то в жар, то в холод, а грудь наливалась и становилась настолько чувствительной, что даже нежнейшее прикосновение дорогого кружева бюстье приносило дискомфорт.

Нечто подобное в своей жизни я испытывала рядом с Дэнвером, в первые месяцы нашего знакомства. Правда, тогда я знала о сексе слишком мало и была без памяти влюблена в Дэна. Тогда я вообще была намного моложе и наивнее. Например, путала хороший секс и любовь.

Но не признать того, что Доминик Экрот — потрясающий любовник и мы с ним полностью совпадаем в темпераментах, могла только полная дура. Я себя причислять к таким отказывалась, так что решила, что наше временное сотрудничество вполне могу не просто пережить, но и наслаждаться этим. По крайней мере в том, что касалось секса.

— Чарли, если ты снова переведешь тему, то я останусь твоей работницей, но перестану быть подругой. — Рэбел тоже понизила голос до шепота. Правда, в ее исполнении это звучало зловеще.

— Зря я тебе все рассказала, — вздохнула я.

— Не зря. И расскажешь еще. Больше никаких тайн!

— Обещаю. Но сначала найду свои старые кроссовки.

В кроссовках жить и трудиться стало легче. А вот убедить подругу, что я вчера слишком «сгустила краски», оказалось сложнее. Нет, она согласилась с тем, что идти в полицию не лучший выход. Даже законопослушная Рэбел понимала это. Но и насчет Доминика покачала головой.

— Я ему не доверяю, — сказала она. — Если он такой влиятельный, то вполне мог свести счеты с Дэном и устроить ему аварию, а тебя попутно прибрать к своим рукам. Сама говоришь, что он предлагал тебе все это, — Рэбел ткнула на браслет на моей руке, — раньше.

— Зачем ему делать это спустя четыре года? Да еще и после того, как я практически развелась с мужем.

— Понятия не имею, Чарли. Не обижайся, но все это очень странно. Гибель Дэнвера. Его одержимость тобой. Самопровозглашенный альфа, скрывающий свое лицо. Этот долг... Ты ведь сама прекрасно понимаешь, что ваша сделка может длиться годы.

Об этом я тоже думала. Точнее, даже не представляла, что будет, если лжеальфа Северного округа никогда не объявится.

— Он женится, — сказала я.

— Кто?

— Доминик. Скоро он женится, и ему будет не до меня.

— Хорошо бы, если так, — проворчала Рэбел. — И если ты сможешь остаться к нему равнодушной.

Равнодушной — точно нет. Потому что Доминик вызывает во мне все какие угодно чувства, только не равнодушие. А вот влюбиться в него мне точно не грозит.

Неизвестно, куда завел бы нас этот разговор, но в магазин как раз вошел мужчина, и я мигом узнала в нем своего нового знакомого с необычными глазами — Хантера Бичэма.

Не знаю, насколько это редкое явление, но я такие глаза видела только у него и снова уставилась на мужчину, как загипнотизированная. Даже не сразу заметила, что Рэбел сбежала в подсобку, оставив меня наедине с ним.

— Прим Бичэм, добрый день! — Моя улыбка была искренней. — Вернулись с новым списком?

— Вообще-то сегодня я за заказом. Ваша помощница позвонила мне и сообщила, что некоторые книги доставили раньше времени.

Вам сообщила, а мне нет!

Так глупо я себя не чувствовала очень давно. А еще всегда гордилась своим профессионализмом.

— Прошу прощения. Я упустила этот момент. — Я бросилась к ноутбуку, чтобы отыскать его заказ, и действительно, некоторые книги приехали в магазин раньше, чем ожидалось. — В последнее время навалилось много работы.

Но Хантер только улыбнулся шире:

— Все в порядке. Не торопитесь. У меня сегодня окно в занятиях, так что я никуда не спешу.

— Это не повод вас задерживать.

— Отнюдь. Я рад, что застал вас в магазине.

Мои пальцы замерли на клавиатуре, и я снова посмотрела ему в глаза. На этот раз мужчина не улыбнулся, показывая, что не шутит. Он вообще подался вперед, опираясь на кассовую стойку, и до меня донесся запах сигарет, смешанный с парфюмом с цитрусовыми нотами. Обычно меня раздражали резкие ароматы, но не этот. От Хантера пахло приятно.

Бесы! Почему я вообще стала обращать внимание на запахи? От вервольфов переняла, что ли?

— Я тоже рада, что вы снова к нам заглянули. А вот и ваш заказ! Сейчас принесу.

Принести я его не успела — его принесла Рэбел. Бросила на меня подозрительный взгляд и выложила на стойку две увесистые книги. Но на этот раз далеко не ушла, сделала вид, что вытирает пыль на полках за моей спиной.

Хантер пролистал книги, расписался и расплатился картой. Я положила книги в бумажный пакет с

ручками (так как они были достаточно объемными) и вынесла ему.

— Осталось дожидаться еще двух.

— Точно! И я все еще надеюсь заполнить «Сказания».

— Если очень сильно повезет.

Его глаза сверкнули за стеклами очков, а тонкие губы изогнулись в усмешке.

— Мне всегда везет, прима Мэдисон.

— Можете называть меня Чарли.

Я никогда не любила официальные обращения, к тому же после смены фамилии на Брайс люди путались, поэтому все постоянные клиенты звали меня по имени. Но в этот раз обычная фраза даже мне самой показалась слишком интимной. Будто мы с Хантером одновременно пересекли невидимую черту и стали на шаг ближе друг к другу.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда и вы зовите меня Хантером.

Я кивнула, а взгляд мужчины скользнул вниз, на мои ноги. Только сейчас вспомнила, что добавила вольность в образ стилиста Экрота.

— Классные кроссовки.

— Благодарю.

— Кофе?

— Что?

— Я хочу пригласить вас на кофе. Скоро обед, и я хочу вас угостить.

Кофе. Всего лишь кофе. Сколько раз за последние полгода мужчины приглашали меня на кофе? Нисколько. Но дело было даже не в этом. Получи я сотни приглашений, именно на это мне захотелось согласиться.

— Я с радо...

— Чарли, — громко перебила меня помощница, — ты забыла, что сегодня привезут еще один заказ из Норфилда, а мне нужно забрать Сайруса из школы. Кому-то придется остаться в магазине.

Никакого заказа из Норфилда мы не ждали, к тому же школа Сайруса находилась в паре кварталов, и он добирался до магазина самостоятельно. Но намек я поняла.

— Может, в следующий раз? — Я улынулась.

Хотя что-то мне подсказывало, что следующего раза не будет. Такие мужчины, как Хантер, не станут терпеть два отказа подряд. Он слишком для этого хорош и умен.

— Что не так? — грозно поинтересовалась я, когда за Хантером захлопнулась дверь.

— Все не так!

— В прошлый раз ты сама толкала меня в его объятия.

— Потому что не знала, что у тебя есть твой Доминик.

Имя вервольфа подействовало на меня отрезвляюще: как ведро снега на голову высыпали.

— Он не мой, Рэбел.

— Зато судя по тому, что я узнала сейчас, он тебя считает своей собственностью. Думаешь, ему понравится, что ты пьешь кофе с другим?

Мгновенно вспомнилась ревность в голосе Доминика, когда он заявил, что не собирается ни с кем меня делить. Для меня это всего лишь чашка кофе, а вот с него станет решиться, что я нарушаю условия нашей сделки.

— Ты права, — говорю я. — Я не могу его подставлять.

— Я не за него волнуюсь. За тебя.

— Мне он просто понравился. У него красивая улыбка, он тоже любит книги. И он человек.

— Для тебя это важно?

— С недавних нор да.

Это даже к лучшему, что Хантер ушел. Не придется ничего ему объяснять. К тому же мне мог позвонить Доминик и сказать, что мы обедаем вместе.

Не позвонил.

От вервольфа не было ни вестей, ни подарков. Не знаю, что это означало, и старалась не думать об этом. Помимо сделки с Домиником, у меня была своя жизнь и работа, которая сама себя не делает.

В час я отправила Рэбел на обед, а заодно попросила на обратном пути купить мне сэндвичей и кофе. Сама же засела разбирать заявки и заказы.

И едва не свалилась со стула, когда в магазин снова шагнул Хантер. Я просто резко поднялась и не учла, что юбка чересчур узкая. Не свалилась, но даже не пыталась скрыть своего удивления, когда мужчина поставил на стойку объемный бумажный пакет с логотипом известной сети кафе и два бумажных стакана, от которых тянуло ароматом эспрессо.

— Я принес вам обед. И кофе. Если из-за заказа не получится посидеть где-то, мы можем посидеть здесь.

От такого поворота я зависла. И надолго. Потому что не могла поверить своим глазам: Хантер здесь.

— Почему вы вернулись?

— Потому что хочу пообедать с вами, — признался он. — Мне показалось, что вы тоже этого хотите, но ваша помощница против нашего общего обеда.

Я едва не подавилась смехом. Заботливая подруга одним своим замечанием превратилась в злодейку.

— Рэбел здесь ни при чем. Есть причины, по которым нам не стоит обедать вместе.

Хантер сдвинул брови и посмотрел на меня со всей серьезностью:

— Вы замужем? У вас нет кольца, но, может, просто не носите...

— Нет, — слишком поспешно ответила я. — Я вдова.

Не знаю, зачем я вообще это сказала. Ведь мы с Дэнвером расстались задолго до его гибели. Но во взгляде Хантера наравне с понимаем мелькнуло облегчение.

— Прошу прощения.

— Все в порядке. Это точно не то, что стоит обсуждать.

— Это та причина, по которой вы мне отказываете?

— Нет. Есть другая.

Под два метра ростом. Зовут Доминик. Он вервольф и альфа. И лучше вам с ним никогда не встречаться.

— Просто сейчас в моей жизни все сложно.

— В моей всегда так, — признается он улыбаясь. — В этом вся жизнь. И знаете, как я справляюсь?

— Как?

— Наслаждаюсь простыми вещами. Например, обедом.

Мы одновременно посмотрели на пакет, от которого доносились очень аппетитные запахи. Настолько аппетитные, что есть захотелось прямо сейчас, а Рэбел вернется в лучшем случае через минут сорок.

— Просто пообедайте со мной, Чарли, — говорит Хантер, и я решаю расслабиться.

Катись оно все к бесам! Один обед точно никому не навредит!

Поэтому я подтягиваю к себе пакет и заглядываю внутрь. Там контейнеры с супом и горячим.

— Тыквенный суп? — уточняю я.

— Надеюсь, вы любите тыкву.

— Обожаю!

— И я.

— Если вам не сложно, подтяните второе кресло к тому столику возле окна, а я пока переверну табличку на «Закрето».

Обычно мы с Рэбел едим в подсобке, но там вечный беспорядок, и приглашать Хантера за кулисы нашего магазина я считаю лишним. А вот так будет нормально. Мы размещаемся за столиком друг напротив друга и некоторое время просто жуем. Суп оказывается очень вкусным! Как и картошка с мясом и сливочным соусом.

— Чарли, вы, наверное, с детства влюблены в книги?

— Так и есть. Сколько себя помню, пропадала в бабушкином магазине, будто я здесь родилась. Поэтому и закончила филологический факультет.

— А сами не пробовали написать книгу?

Мне множество раз задавали этот вопрос, но в голосе Хантера искренний интерес, поэтому я признаюсь:

— Вообще-то я пишу детективный роман.

— Ого! Это потрясающе!

— Ничего особенного. Я пишу его уже пять лет и не представляю, когда закончу.

Я написала первые главы в университете, но потом возвращалась к нему, только когда меня накрывало вдохновением. После смерти бабушки вдохновения стало меньше, а когда я взяла на себя обязательства управлять магазином, стало меньше еще и свободного времени. Брак с Дэном и вовсе отбивал желание писать. Он считал это ерундой.

— Главное, что вы пишете. Детективы вообще сложно писать.

— Такими темпами я никогда его не закончу.

— Ну нет, вы должны пообещать мне, что не бросите это дело.

— Почему вам? — Я приподняла брови.

— Потому что я накормил вас вкусным обедом! Однажды вы прославитесь, а я буду всем рассказывать, что угощал тыквенным супом знаменитую писательницу.

Я смеялась так, что пришлось отставить суп в сторону. Но, отсмеявшись, торжественно произнесла:

— Обещаю. Если, конечно, вы не прославитесь раньше как историк.

— Вообще-то я тоже пишу книгу, — признается Хантер. — Но она не художественная.

— Историческая? — догадалась я.

— Она о вервольфах.

Я даже кофе поперхнулась. Опять эти вервольфы! Они меня преследуют!

— Почему о них?

— Их история потрясающая, но люди очень мало о ней знают. Она полна белых пятен, которые мне бы хотелось раскрыть. Например, в седьмом столетии альфы вервольфов объединились и почти захватили власть на материке, поработив людей, но потом отказались от этой идеи, отступили и стали жить обособленно.

Глаза Хантера загорелись, когда он коснулся любимой темы.

— Людей было больше, — напомнила я.

— Дело было не в этом. Мы победили их не численностью, а хитростью.

— Это не там прекрасные девы поубивали вожаков после плотских утех? — припоминаю я слова Сайруса.

Брови Хантера взлетели вверх.

— Тоже интересуетесь историей?

— Сын моей помощницы интересуется и периодически выдает различные интересные факты.

— Эту ночь называли «Багровой ночью». Среди вервольфов это ночь большой скорби. Без истинных альф вервольфы передрались за право занять их места. Союз распался, а сильная кровь была утеряна. Поэтому вервольфы ослабели и не могли больше противостоять людям. Но это общеизвестные факты, которые вы найдете в любом учебнике.

— Вы считаете, чтобы все было по-другому? — Я даже подалась вперед, настолько меня это захватило.

— Чарли, вы когда-нибудь встречали вервольфов? У них звериные инстинкты! Потрясающие рефлексy. Обоняние, осязание, слух, зрение. — Он указал на собственные очки. — И это обычный вервольф. Я молчу про вожаков, которые подчиняют своей воле одним взглядом.

Я вспомнила, как Джинджер упала к ногам Доминика, и согласно кивнула.

— Так вот составители этих учебников считают, что обычные девушки могли одновременно резать двенадцать... Вдумайтесь, двенадцать вожаков! Я бы мог поверить насчет одного, максимум двух, но убить столько закаленных в сражениях воинов, тем более правителей с восхитительной регенерацией и с иммунитетом к любым ядам? Будь даже эти женщины обученными наемницами, очень сомневаюсь, что это вообще возможно.

— Это действительно странно, — соглашаюсь я. — Но ведь альфы все-таки погибли.

— Я считаю, что они передрались друг с другом.

— Из-за девушек?

— Скорее всего, из-за одной. Чем-то она отличалась от других.

— Чем? — Было так интересно, что мой голос упал до шепота.

— Вот над этой тайной я бьюсь уже несколько лет, — «разочаровал» меня историк.

— Так нечестно!

— Я тоже так считаю. Но вот таких белых пятен множество!

Когда обед съеден подчистую, а кофе почти на донышке, Хантер поднимается:

— Спасибо за компанию, Чарли. Надеюсь, не слишком надоедал историей.

Я салютую ему стаканом и залпом допиваю кофе.

— Ничего вкуснее не ела, ничего интереснее не слушала! Думаю, студенты дерутся за места на твоих занятиях.

Особенно студентки.

А вот насчет драк...

— Пойдите, если альфы передрались друг с другом, кто-то один должен был победить.

— А вы внимательны к деталям! — довольно прищурился Хантер. — Хорошее качество для писательницы детективов.

— Благодарю.

— И не забывайте про свое обещание!

— Тогда обещайте мне тоже кое-что.

— Что именно?

— Что расскажете мне первой, что на самом деле произошло в Багровую ночь, когда докопаетесь до сути.

— Обязательно, — говорит он и просто уходит.

Хантер не обещает вернуться, но что-то мне подсказывает, что это не последняя наша встреча.

Я возвращаюсь к своим делам в магазине и на удивление многое за сегодня успеваю. И даже отправляю Рэбел домой пораньше. Она сначала упирается, но я напоминаю, что с рыскающими где-то поблизости зубастыми стражами я в безопасности даже больше, чем раньше.

— И еще. — Я вспоминаю утро и достаю из сумки новый блеск для губ. — Передай, пожалуйста, Лоле. Скажи, что я очень благодарна ей за поддержку.

— Мне ты подарок не захватила, — без энтузиазма ворчит Рэбел, но блеск забирает.

— Зато, как твоя начальница, я могу дать тебе выходной.

Подруга не теряет:

— В следующую пятницу?

— Договорились.

Рэбел обнимает меня и наконец-то уходит, а я перебираю заявки на продажу. Обычно люди пытаются продать те книги, которые и так можно везде найти, но сегодня мне попадают две редкие, и я пишу на почту владельцам. Потом, когда все сделано, вспоминаю слова Хантера и открываю файл со своим романом.

Этот вечер настолько не отличался от моих прежних, будто в мою жизнь вовсе не врвался Доминик. Еще вчера я бы, наверное, обрадовалась, что вервольф обо мне забыл, но сегодня то и дело поглядываю на часы. Я по нему не скучаю, нет, мне просто любопытно, почему до этого я интересовала его больше. Не понравилась совместная ночь или всё, наигрался? Я не знаю, что злит меня сильнее: то, что он не звонит, или то, что я размышляю, почему он этого не делает. И чем больше я об этом думаю, тем больше злюсь.

Естественно, ни о каком написании романа и речи не идет.

Бесов альфа!

Эгоцентричный пушистый хрен!

Так, ладно, там Доминик пушистым не был...

О чем я вообще?

Я выключаю вывеску, переворачиваю табличку и иду закрывать кассовый день. Но прежде, чем успеваю дойти до стойки, на телефон приходит сообщение:

Надень платье, которое я прислал вчера.

Только его.

Я заеду за тобой через 20 минут.

Я оглядываюсь на вывеску и понимаю, что ему доложили, что я закончила работать. Знала бы, не закрывала магазин всю ночь! Но в мою кровь уже впрыскивается адреналин, а губы растягиваются в улыбке. Потому что эту ночь точно можно провести гораздо интереснее, чем чтение новых заявок.

Не торопясь, завершаю дела по магазину и достаю из коробки платье. Оно серебристое, из текучей, будто ртуть, ткани, на тонких бретелях и не предполагает нижнего белья. Впрочем, насчет этого Доминик выразился ясно: только платье. Можно, конечно, плюнуть на условие, но с вервольфа станет проверить при встрече и снять все, что он посчитает лишним.

Правда, не уверена, что сейчас я была бы против подобных проверок. Оказывается, что отсутствие белья действует на меня возбуждающе. Или это Доминик действует на меня возбуждающе?

Я стягиваю с себя кроссовки и одежду и надеваю платье, которое кажется почти невесомым, несмотря на длинную юбку. Оно облепляет мою фигуру, подчеркивая грудь каким-то невероятным образом, и добавляет мне роста. Платье подчеркивает не только грудь, но и ноги: боковые разрезы почти до бедер обнажают их при ходьбе, зато позволяют двигаться свободно в подобной красоте. Юбка длинная, и к ней явно требуются шпильки.

Но раз сказал «только платье», то пусть Доминик сам решает проблему с обувью!

Я распускаю и расчесываю волосы, а потом забираюсь на стойку, усаживаясь аккуратно напротив входа. Закидываю ногу на ногу и пишу сообщение:

Я готова.

Не знаю, ждал Доминик моего ответа или нет, но он появляется в магазине ровно через минуту. Входит, заслоняя собой весь дверной проем.

При виде меня его глаза на мгновение сверкают желтым, но затем возвращают себе обычный цвет. Взгляд вервольфа жадно скользит по моим обнаженным ногам, по груди, он прищуривается и шагает ко мне. И пока он движется в мою сторону, кажется, что пульс в ушах перекрывает шум его шагов.

Правда, стоит Доминику подойти ближе, я вижу, что он чем-то недоволен. Интересно чем? Сегодня я выполнила все условия.

— Здравствуй, — говорю первая.

— Привет, Шарлин. Скучала?

— Ни капли. Весь день в работе.

— Хорошо, что в работе.

Мы оказываемся лицом к лицу, и в моей голове щелкает догадка. У недовольства Доминика может быть только одно имя — Хантер. Если учитывать, что вервольфы докладывают обо всем, что со мной происходит, то обед с историком точно не прошел мимо их внимания.

У меня пересыхает в горле от волнения, и я облизываю губы, но оправдываться не собираюсь. Это был просто обед, и ничего кроме!

— Проблемы? — интересуюсь я, отвечая взглядом на его взгляд.

Доминик внезапно кладет руку на мою талию и притягивает меня к себе, а пальцами второй зарывается в мои волосы, заставляя запрокинуть голову, и утыкается носом в шею. Жест ни капельки не эротичный, но по моему телу будто пробегает разряд тока. Особенно, когда он шумно, по-звериному втягивает мой запах. По коже проносятся толпы мурашек, но отпускают меня так же резко. Правда, лишь для того, чтобы провести большим пальцем по моим губам.

— Нет, — отвечает он, на этот раз более расслабленно. — Уже нет.

— Что это? Ты меня нюхал?

— Считаю, это проверкой. — Несмотря на вкрадчивый тон, голос Доминика звучит жестко. — Если к тебе прикоснется другой мужчина, Шарлин, я об этом узнаю.

— Я не собираюсь нарушать наш уговор, Доминик.

— Пусть так будет и дальше. Голодна?

Переход от Доминика-зверя до Доминика-галантного такой резкий, что я не успеваю даже выдохнуть.

— Не отказалась бы от ужина.

Я легонько отталкиваю Экрота, чтобы спрыгнуть со стойки, но он не отталкивается.

— Совсем забыл.

Его руки ложатся на мои бедра и на этот раз медленно скользят по обнаженной коже, задирая платье выше. Казалось бы, ночью вервольф прикоснулся ко мне гораздо более откровеннее, но сейчас кровь приливает к щекам, и я чувствую себя невероятно испорченной.

— Еще одна проверка?

— Совершенно приятная для нас обоих, — шепчет он мне на ухо, поглаживая внутреннюю часть бедер, но не касаясь самого главного. Чего бы мне хотелось больше всего. — Хорошая девочка. Все сделала правильно.

— Иди к бесам!

Он стягивает меня со стойки и подхватывает на руки.

— Только с тобой.

— Дай мне закрыть магазин!

— Не волнуйся. Мои вервольфы сделают это за тебя.

Он выносит меня из магазина прямо на руках, и мне остается только надеяться, что мама или папа не выглядывают сейчас в окно. Что все соседи чем-то заняты, и никому в голову не придет следить за скромной владелицей книжного магазина. Потому что выгляжу я очень провокационно и совсем нескромно.

Поздний осенний вечер впивается в кожу морозными иглами, холодит босые ступни, но от вервольфа настолько тепло, что я не успеваю замерзнуть. На этот раз Доминик за рулем, и дверь красного спортивного автомобиля легко уходит вверх, как крыло бабочки. Он опускает меня на пассажирское сиденье из светлой кожи, а сам занимает место водителя.

— Изменяешь своим привычкам? — хмыкаю, поправляя юбку и пристегиваясь. Я не знакома с тем, как водит Доминик, но представляю, сколько скорости можно выжать из такой на вид милой машинки. Она же вся обтекаемая, как алая пуля.

— Сегодня свидетели нам не нужны.

— Интригуешь.

Губы Доминика растягиваются в довольной улыбке, он заводит автомобиль и мягко стартует с места.

— Если хочешь, можешь попробовать угадать.

— Магазин нижнего белья? — предполагаю я, чем вызываю у него смех. — Что? Раз ты лишил меня его.

— Не сегодня, Шарлин. — Он бросает на меня пристальный взгляд, будто оглаживает целиком, отчего в салоне становится нестерпимо жарко. — Сама идея мне нравится. Но ты без белья нравишься мне больше.

Кто бы сомневался!

Других идей у меня нет, так что пусть будет интрига.

— К слову, о белье. И об одежде тоже.

— Я тебя слушаю.

Мы выезжаем на обводную дорогу, и плавно шедший автомобиль ускоряется так, что меня слегка вжимает в спинку сиденья, а адреналина в крови значительно прибавляется.

— У меня есть своя одежда, которая мне очень нравится.

Доминик сдвигает брови, хотя не отрывает взгляд от дороги.

— Тебе не нравятся мои подарки?

— Нравятся. Но это не мое. Я хочу сама решать, что мне носить, как одеваться. Например, мне нравятся джинсы и кроссовки.

Вот теперь Доминик смотрит на меня снисходительно.

— Это мужской стиль, а ты женщина.

— Это удобный стиль. Мой стиль. Мне он нравится.

— А я не хочу видеть свою женщину в штанах, — отрезает он так, что чешутся руки вправить ему мозги.

— Мы сейчас про живую женщину говорим? Или про манекен?

Доминик, не сбавляя скорости, поворачивается ко мне:

— Не нужно меня провоцировать. Я и так во многом тебе уступаю, Шарлин.

— Не заметила!

— Например, позволяю работать.

От подобного заявления у меня на несколько секунд пропадает дар речи.

— Такого в нашей сделке не было!

— Там было, что ты будешь моей женщиной.

— Ты не забереешь у меня мою работу, — цежу я.

— Заберу, если понадобится.

По виду Доминика видно, что это даже не угроза. Это мини-демонстрация его макси-возможностей. Констатация факта.

Я открываю рот, чтобы послать его далеко и надолго, но потом закрываю. Экрот прав: сейчас я у него в руках, и он сделает со мной все, что захочет. Так не плевать ли на кукольные платья? Не плевать, конечно, потому что я не кукла, но его это тоже не интересует. С чего я вообще решила, что его интересует мой комфорт? Потому что прошлой ночью он был нежен и доставил мне удовольствие?

Мы не встречаемся. Он меня купил.

Хочу проглотить обиду, но она не проглатывается.

— Тогда к чему вообще эти платья? — спрашиваю. — Может закроешь меня в спальне без одежды?

— Снова провоцируешь?

— Нет. Пытаюсь понять, чего мне еще от тебя ждать.

— Если будешь выполнять условия сделки, то получишь исключительно мое расположение.

Как это озвучит!

— Кстати, о сделке. Альфа Северного округа не объявлялся?

Мой вопрос портит настроение Доминика, он темнеет лицом.

— Еще нет.

И все, больше я не слышу от него ни слова. На протяжении всего пути Доминик молчит, а я рассматриваю его профиль и думаю о словах Рэбел. О том, что ему это может быть выгодно.

И что никакого самопровозглашенного альфы не существует.

Но тогда почему он столько ждал? А главное, почему не решил дело с Дэнном еще тогда, когда захотел меня?

Додумать не успеваю, потому что только сейчас замечаю, что мы давно покинули Крайтон и поднимаемся по шоссе, ведущему в Ротонские горы.

Куда мы едем? В лес?

— Знаешь, джинсы и кроссовки больше подошли бы для прогулки по ночному лесу, — прервала я затянувшееся молчание. — Куртка бы тоже не помешала. Решил исполнить мое желание и покатать на себе?

Доминик вскинул брови, но потом усмехнулся:

— Нет, не в истинном облике точно.

— Значит, прогулка по лесу в программу вечера не входит. Это радует. Но тогда почему мы удаляемся от города?

Удаляемся — слабо сказано. Мы давно оставили за спиной Мартон-Хилл, достаточно крупный городок недалеко от столицы, куда обычно крайтонцы съезжались на пикники, проскочили поворот на горнолыжный курорт Примвэй и углубились в горы. Климат здесь был еще более холодным, так что стоило радоваться, что нет снега.

— Ты четыре года была замужем за вервольфом, но не знаешь наших привычек? — лениво

поинтересовался Доминик.

— У нас с Дэном никогда не было свидания в горах.

— Но не любить природу он не мог.

Это действительно было так: на пикники мы выбирались часто, особенно в самом начале нашего брака. Но вот всякие тропы здоровья муж терпеть не мог, говорил, что для него это как игра в песочнице.

— Любишь природу, Шарлин?

— Я к ней равнодушна и по-прежнему теряюсь в догадках, куда мы едем.

— Не теряйся. Уже приехали.

Доминик сбавил скорость и свернул с трассы, чтобы через пару минут выехать к огромному двухэтажному зданию на уступе горы. Его так тесно обступили сосны, что было сложно сказать, какого оно размера на самом деле, но видимая часть казалась внушительной. Горели почти все окна, откуда-то изнутри доносилась тихая живая музыка и смех.

— Отель?

— Не совсем.

Вервольф припарковал машину прямо перед входом, а потом обошел ее с моей стороны и снова поднял меня на руки, чтобы опустить на... песок в холле отеля-не отеля! Это был и правда песок! Сам Доминик тоже стянул обувь, но легче мне от этого не стало. Место, куда мы приехали, было необычным. Если не сказать — странным.

Холл был выполнен в виде грота. Причем было настолько реалистично сделано, что мне показалось, что я действительно в пещере. Здесь даже был небольшой водопад, стекающий в неглубокий бассейн. Песок шуршал под нашими шагами. Только наличие администратора в темном костюме и монитора «портило» впечатление. Мы перешли каменный мостик и подошли к изогнутой каменной стойке.

— Рады вас снова видеть, прим Экрот. Павильон, как обычно?

— Нет, Найджел, сегодня просто номер.

«Закрытый мужской клуб» — значилось на темном камне.

— Закрытый клуб для кого? — тихо уточнила я, когда Найджел что-то быстро набрал на своем планшете, кивнул и предложил нас проводить. То, что это для мужчин, понятно, но меня интересовала направленность.

— Есть предположение?

— Мне начинать бояться?

Видимо, я выглядела совсем подозрительно, если Доминик рассмеялся.

Кажется, к кому-то вернулось отличное настроение! Оно у него переменчивое, как крайтонская погода.

— Нет, Шарлин. Это место для расслабления.

Из холла-грота мы попали в холл-поляну. Как еще можно назвать огромную комнату, где пол под ногами имитирует газон, а мебелью служат пни, бревна и камни. На одном из них как раз разместились несколько представителей мужчин. Они наблюдали за пламенем костра в центре комнаты, возле которого девушка играла на скрипке. Стекланный потолок добавлял ощущение, что мы действительно на природе и на улице безветренная летняя ночь. Даже воздух тут был наполнен приятным теплом.

— Это закрытый клуб для альф и их гостей, Шарлин, — пояснил Доминик.

Словно в подтверждение его слов один из мужчин оглянулся, и его взгляд сверкнул желтым. Потом он склонился к своей темноволосой спутнице, сидевшей прямо на траве у его ног, и что-то прошептал ей на ухо. Но, наверное, прорычи он, эффект был бы точно таким же — все начали поворачиваться в нашу сторону. Точнее, не в нашу, в сторону Доминика. На мне взгляды задерживались ровно настолько, чтобы отметить для себя, что Экрот приехал не один, в остальном же они были равнодушными. Либо их владельцы пытались казаться такими.

Мужской клуб? Или бордель?

Помня про слух вервольфов, я решила свои мысли не озвучивать, но последнее предположение больно кольнуло.

Никого не удивляло, что мы босиком, потому что босыми здесь были абсолютно все. Босыми и кажущимися какими-то свободными. Наряды женщин тоже были свободными. Не в плане откровенности, а просто легкими, летящими, летними. Меньше всего пары на импровизированной поляне напоминали девушек из эскорта и их клиентов, скорее пары, выбравшиеся на концерт под открытым небом.

Но у вервольфов в принципе все не как у людей!

Люди выбирают на природу, а не прячут ее под купол.

— Доминик!

Я повернулась на приветствие и столкнулась лицом к лицу с... отцом Одри!

Ошибки быть не могло. Именно этого вервольфа я видела в тот совершенно недобрый вечер в гостиной Экрота. Только если в прошлый раз рядом с ним сидела более зрелая копия невесты Доминика, то сейчас за руку цеплялась молодая рыжеволосая женщина с молочной кожей и необыкновенно синими глазами.

— Рад встрече.

— Взаимно, прим Конелл.

Доминик улыбнулся, но не так, как совсем недавно улыбался мне. Он будто надел маску, и передо мной оказался совершенно другой Экрот. Но его будущего тестя это ничуть не удивило. Конелл кивнул на рыжеволосую спутницу:

— Позволь представить тебе мою Элис.

— Приятно познакомиться. С Шарлин вы знакомы.

— Да-да, ее появление сложно забыть.

То есть тогда он возмущался, что у Доминика есть любовница, а сейчас представляет ему свою? И это — нормально?

— Можно тебя на пару слов? — спросил прим Конелл.

— Я здесь не по делам.

— Это касается свадьбы. Мне Кристина все уши прожужжала.

А Кристина — жена? Им самим не тошно?

— Если нужно, иди, — вмешиваюсь я, похлопывая Доминика по предплечью. — А я пока тоже отлучусь. Очень надеюсь, что здесь есть современная дамская комната и мне не придется располагаться под кустом.

У отца Одри такое лицо, будто я ему сказала, что выхожу замуж за Доминика, а вот Элис разряжает обстановку мелодичным смехом и, кажется, смеется от души.

— Нет, здесь они нормальные. — Она поглаживает запястье Конелла и отлипает от него. — Составлю вам компанию.

Кажется, туалетные разговоры становятся традицией.

— Не задерживайся, — приказывает Доминик.

Я следую за Элис и даже не чувствую взглядов. И тогда вспоминаю слова Экрота о том, что вервольфы не делят ни с кем своих женщин, и все встает на свои места. Это не бордель, нет, это место, где можно похвастаться новой пассией.

Человеческой конечно же.

Туалет ничем не отличался от обычного, что несказанно меня обрадовало. Потому что это вполне могла оказаться дырка в полу и лопухи. Насколько я поняла, здесь все максимально приближено к естественности. Дикая природа, законсервированная под куполом. Так что ожидать можно было чего угодно.

Видимо, облегчение при виде кабинок и раковин написано на моем лице, потому что Элис, глядя на меня, снова рассмеялась.

— Вервольфы любят природу, — объяснила она, — но не настолько сильно, чтобы отказываться от благ цивилизации. По крайней мере те, кто здесь собирается.

— Есть те, кто предпочитает лопухи?

— Есть разные. Любители совсем дикой природы, которые принимают второй облик и уходят глубоко в горы. Говорят, что их зверю это нужно. Но как по мне, — ее глаза весело сверкают, — так они просто не могут заплатить за удобный полигон, и потому что этот клуб для...

— Альф и их гостей, — заканчиваю я за нее.

— Да, — улыбается рыжая. — Ты, оказывается, уже в курсе.

— Доминик рассказал.

Мы прекращаем свою беседу, когда я закрываю дверцу кабинки, чтобы вернуться уже через пару минут. Элис как раз стоит возле зеркала и поправляет макияж, хотя, на мой взгляд, он идеален и поправлять там нечего. Она явно пошла сюда ради меня, и я ее не разочаровываю.

— Прим Конелл тоже альфа?

— Ричард? Нет. Альфа — его брат, поэтому у нас есть доступ к этому замечательному месту.

— Замечательному? — кривлюсь я.

— Ты не видела местный спа! Термальные источники под открытым небом. Горячие-горячие, даже когда идет снег.

И все-таки это мужской клуб, в котором вервольфы отдыхают со своими... девочками.

— А жены альф здесь тоже бывают?

— Нет, — смеется Элис, подтверждая мое предположение. — У волчиц свои места для развлечений.

— Они не знают?

Рыжая даже отрывается от зеркала и смотрит на меня так, будто я сама пришла из леса.

— Конечно же они в курсе. Но принимают правила игры. Альфы женятся на волчицах, чтобы продолжить род, а потом находят себе женщину, с которой интересно будет и в постели, и вне ее.

Как при этом чувствуют себя волчицы? Принимают правила игры? До сих пор помню, что почувствовала, когда узнала про измены Дэнвера. Мне хотелось придушить его, а заодно ту девицу! Мне было больно. Но может, для принимающих правила сразу это нормально? Одри вот хочет быть женой альфы из-за престижа! Нужен ли ей сам Доминик? Вряд ли.

Что я вообще знаю про мир вервольфов?

— Ты давно встречаешься с Ричардом?

— Почти два года. У нас все серьезно.

Да уж, два года — это, пожалуй, не легкая интрижка. Я отворачиваюсь, чтобы помыть руки, но Элис все равно улавливает мой взгляд.

— Здесь есть такие, как Марк и Анджела. Они вместе семнадцать лет.

— Семнадцать?!

— Я тоже удивилась, когда узнала. Познакомились друг с другом, когда были еще подростками, и с тех пор неразлучны.

— И он тоже женат на волчице?

— Конечно. Он же альфа.

Она говорит это так спокойно, что я снова вскидываю голову.

— Тебя саму это не смущает? Такие отношения.

— А должно? — фыркает Элис. — Он влюблен в меня, не в свою жену. На мне бы он все равно не женился. Это означало бы изгнание из стаи. И детей бы у нас не было.

Это правда. Дело в каком-то генетическом коде, из-за которого в парах человек-вервольф невозможно зачатие младенца. У вервольфов в принципе проблемы с рождаемостью, поэтому в их обществе брак с человеком не просто не поощряется, а достаточно жестко наказывается отлучением от семьи и рода, как это было с Дэнном.

Когда я выходила за него замуж, мне было безразлично будут у нас дети или нет. Я любила и была любима. Я вообще тогда мало задумывалась о будущем. Но каково это, быть с мужчиной семнадцать лет и при этом не быть с ним? Знать, что после ваших встреч он возвращается к жене и детям. А вот у вас с ним детей никогда не будет, и ты никогда не станешь на одну ступень с его семьей.

Для меня это за гранью.

— Мой тебе совет, — говорит Элис, когда я поравнялась с ней, — прими их правила и наслаждайся жизнью. Я заметила, как на тебя смотрит Доминик. Ты его крепко зацепила, так что, если будешь умной, альфа станет из твоих рук есть.

Я не собираюсь рассказывать ей, что наши отношения с Домиником временные. Учитывая, чья она любовница. Поэтому предпочитаю промолчать, а вот рыжая продолжает:

— Но вервольфы не любят, когда вмешиваются в их устои. В общем, не строй иллюзий, что он на тебе женится или что-то вроде этого. Чем раньше ты это примешь, тем лучше.

Скажи мне кто-нибудь это четыре года назад, я бы послала этого советчика куда подальше, а сейчас я всего лишь сцепила зубы и подавила нервный смехок. Вот что бы я получила, выбери я тогда его, а не Дэнвера, — встречи для секса несколько раз в неделю, красивые платья и премиум-статус. Муж ангелом не был, но у него хотя бы хватило смелости пойти против волчьей системы. Но и альфой он тоже не был, а им вроде как обязательно продолжать свой род, чтобы вервольфы не загнулись и не выродились. Вопрос в другом: что им мешает любить своих волчиц?

Если Доминик привез меня сюда, чтобы в очередной раз указать мое место, ему это удалось. Может, для Элис все это было в порядке вещей, но не для меня. Такие отношения точно не для меня.

Доминик, видимо, уже обсудил свадебные приготовления и ждал неподалеку, а когда я подошла ближе, притянул к себе.

— Все в порядке?

— В полном, — киваю я. — Что у нас дальше в программе?

Он переплетает наши пальцы и тянет уводит в сторону боковых дверей.

— Пойдем.

Мы идем по коридору, стены которого покрывает имитация мха, поднимаемся по каменным ступеням и очень скоро оказываемся в номере, который тоже стилизован под живую природу. Пол укрыт травяным покрывалом, кровать представляет собой гамак, растянутый между четырех столбиков, каменный столик и пни-стулья, водопад вместо душа. Стены здесь полностью прозрачные, что только добавляет единения с лесом, но кажется я начинаю привыкать ко всей этой «дикости». Ну или мне становится все равно.

Стоит нам переступить порог номера, я закидываю руки за шею Доминика и первой его целую. Вкладываю в этот поцелуй все свое яростное желание. Мы же здесь за этим! Зачем еще любовницы вервольфам? Не баллады же под луной слушать?

Доминик перехватывает мои запястья и заводит их над моей головой прежде, чем я успеваю добраться до пуговиц на его рубашке и ощутимо прикусывают мою нижнюю губу. А после толкает меня к мшистой стене, впечатывая в нее всем телом. Впечатывая меня в себя.

Я не остаюсь в долгу, кусаю его в ответ и потираюсь бедрами о его член. Пока что через одежду, но учитывая, что на мне нет белья, получается достаточно остро.

— Что Элис тебе сказала? — выдыхает Доминик, отрываясь от моих губ.

— Ничего.

Его глаза сверкают гневом и возбуждением. Альфа совсем равнодушен ко мне, и я это читаю не

только по глазам. Мне в живот упирается вполне ощутимый бугор.

— Что я говорил про ложь, Шарлин?

— Она сказала то, что я и так знаю. Что человеческие женщины нужны вам исключительно для развлечений. Что я нужна тебе для секса. Так что хватит тратить время на разговоры! Сделай наконец то, ради чего мы здесь!

Наверняка за приказы альфе по головке не погладят, но я прижимаюсь к нему тесно-тесно, как кошка потираюсь о его тело. Он же хочет этого. Хочет меня. Так пусть получит!

Только это и получит.

Взгляд Доминика вспыхивает желтым. Не просто желтым, он загорается такой яростью, что у меня перехватывает дыхание.

— Предпочитаешь верить кому угодно, только не мне, — рычит он.

— Ну почему же? Тебе я верю. — Только очень внимательный способен уловить в моем тоне сарказм, а Доминик — внимательный.

— От меня ты получишь только правду.

Правду об отношении альфа к этим девушкам и их привилегиям. Или он о другом? Боится, что меня настроят против него?

Мне смешно от самой идеи.

— Меня не интересуют ваши волчьи игры, Доминик! Будь моя воля, я бы вообще не сталкивалась ни с одним вервольфом. Ни с альфами, ни с их постельными зайками! — Последнее я выплевываю как самое страшное ругательство.

— Постельными зайками? — переспрашивает он. — Таким ты видишь мое к тебе отношение?

— А это не так?

Человеческие черты вервольфа меняются, заостряются, открывают звериную суть. Нависая над мной Доминик сверлит меня таким злым взглядом, что мне кажется, он готов просто растерзать меня на месте, и я инстинктивно вжимаюсь спиной в стену. А потом меня поднимают в воздух, и вот я уже оказываюсь на кровати-гамаке, из которой не так просто выпутаться.

— Нет, Шарлин, на зайку ты точно не тянешь, — низко рычит вервольф. — И на волчицу тоже.

Он разворачивается и идет к двери. Когда до нее остается два шага, до меня доходит, что он собирается просто уйти.

— Куда ты?

— Пойду займусь тем, ради чего сюда приехал, — бросает он через плечо и выходит за дверь.

ГЛАВА 7

— Рэбел, ты перезвонила приму Доретту?

— Да, он сказал, что заберет свой заказ вечером.

— Отлично. А что насчет той огромной коробки в подсобке?

— Разберу, как только будет время.

— Завтра?

— Завтра у меня выходной!

Точно! Я и забыла, что пообещала его помощнице.

Прошла неделя с того вечера, как Доминик привез меня в клуб для альф.

Тогда он просто ушел из номера и вернулся под утро. Я спала, но тут же проснулась, почувствовав на себе его взгляд.

Я не знаю, чем он занимался всю ночь, но от него пахло потом и чем-то звериным. Диким. И я действительно пожалела, что я не волчица, которая может улавливать обонянием мельчайшие детали. Я не спросила, решила притвориться, что мне все равно, хотя любопытство раздирало меня на части, а он постоял возле гамака и отправился под водопад.

Там я тоже побывала вечером. Как и обошла по кругу странный номер, прогулялась по коридорам, но нашла только еще одну комнату, джакузи и выход в лес. Проход в общий зал отеля оказался закрыт.

Доминик меня просто запер.

Вот тут не нужно было спрашивать «зачем», видимо, он не хотел, чтобы я общалась с кем-то еще. Не то чтобы я сильно жаждала этого, но идея поговорить с другими альфами приходила мне в голову. Банально для того, чтобы лучше узнать их общество, а в идеале — услышать для себя что-то важное. Конечно же, Доминик перестраховался, и когда я это поняла, то первые полчаса хотела разбить что-нибудь о его голову.

Потому что никакие сделки не позволяли ему запираť меня где-либо!

Но в этом номере даже разбить ничего толком нельзя было. Поэтому моя ярость перетекла в режим «Да пошло оно все!», и я легла спать, а проснулась от его взгляда.

Мы не сказали друг другу ни слова. Я кожей чувствовала, что Доминик злится, но мне было наплевать. Если кто-то здесь и имеет право злиться, то это я. Это меня бросили и оставили в одиночестве на всю ночь. Это мне давали советы не заморачиваться и быть благодарной альфе, который меня выбрал. Это меня чуть не задушила его амбициозная невеста, совершенно не согласная с правилом мира вервольфов, где волчицы созданы исключительно для продолжения рода, а во главе стаи стоят только самцы.

Бесы меня заведи, я его не понимала!

Чего он вообще хочет?

Игрушку? Обожающую его девицу? Так выбрал бы такую, как Элис!

Зачем ему я?

Доминик прав: я не волчица, и постельной зайкой тоже стать не смогу. Я — человек. Я согласилась стать его любовницей, но на этом все. Я не обещала ему ничего кроме...

Может, вервольф сам это понял, потому что привез меня домой, и с тех пор не звонил и не присылал подарков. С одной стороны это меня устраивало, с другой — здорово напрягало. Ведь не общаясь с ним, я не могла узнать, что там происходит с самопровозглашенным альфой. К тому же меня раздражал сам факт того, что он больше не требует от меня выполнения условий нашей сделки.

Что он хочет мне доказать?

Ощущение, что меня пытаются проучить, наказать, подстроить под себя, усиливалось с каждым днем. Желание взять и позвонить первой переменялось с желанием никогда больше его не видеть. Я окунулась в работу, забирала ее домой и засыпала в обнимку с ноутбуком, но все равно

продолжала о нем думать. Все-таки встретила с примом Лораном и узнала, что сейчас мой магазин стоит больше, чем год назад, но все же недостаточно, чтобы покрыть долг Дэнвера. Долг, доказательства о котором так никто и не предоставил. Я набирала еще больше работы, а когда переделала все на несколько недель вперед, то взялась за собственную книгу.

Я всегда писала медленно, но тут дело пошло, и я выдала три полноценные главы, впереди маячил экватор сюжета. Книга помогла там, где не помогала рутина, и я писала даже на работе, когда покупателей не наблюдалось. Впрочем, последних становилось все больше и больше: приближалась зима, а с ней Самая длинная ночь — большой праздник, на который было принято дарить полезные подарки. А что может быть полезнее книг? Поэтому будущий выходной Рэбел обещал стать последним в ближайший месяц. Про свои вообще молчу!

Новый звонок как раз настигает меня, когда я прощаюсь с одной из покупательниц, улыбаюсь ей и желаю хорошего дня. Правда, Рэбел говорит, что в последние дни моя улыбка устрашает.

— Алло?

— Прима Мэдисон, добрый день. — У девушки очень приятный, мягкий голос. — Меня зовут Венера. Я ассистент Доминика Экрота.

Бесы! Только о нем забудешь — тут как тут!

Точнее даже не сам Доминик, а его ассистентка.

— Прима Мэдисон?

Понимаю, что залипла, и машу Рэбел, чтобы она меня подменила на кассе.

— Простите, раньше мне звонил сам прим Экрот, поэтому я сейчас немного в шоке. А так... Приятно познакомиться. Чем обязана?

— Мы с вами знакомы заочно. Вам не понравился мой выбор одежды. Поэтому предлагаю сегодня встретиться и подобрать вам новый гардероб. По вашему вкусу.

Что я там говорила про «немного» в шоке? Теперь я много в шоке.

— Мне не нужен новый гардероб! Меня полностью устраивает мой.

— Но он не устраивает прима Экрота. Поэтому он предлагает компромисс: вы покупаете новую одежду, а я помогаю вам с выбором.

Компромисс? Какой же это компромисс, если он отправляет ко мне какую-то девицу, которая все равно выберет за меня? Я просто закипаю, и желание бросить трубку, набрать Доминика и высказать ему все, что думаю, горчит на языке.

— Если приму Экроту так хочется меня приодеть, то пусть делает это сам.

— Он просил передать, что сейчас занят вашим вопросом, поэтому поставил задачу передо мной.

Хорошо, намек на долг заставляет меня передумать просто повесить трубку. Кажется, Венера это тоже понимает:

— Поверьте, я полностью компетентна и как ассистент, и как стилист.

— То есть часто одеваете его пассив?

Вот теперь я прикусила язык. Потому что какое мне дело, кого они там одевают и кого сопровождают?

— Нет. — Я слышу в голосе Венеры улыбку. — Просто долгое время сталкивалась с миром моды.

Хорошо, что она не видит мою скептически приподнятую бровь. Сталкивалась с модным миром, а потом стала работать на Доминика? Это даже звучит смешно. Но я опять убежала не в ту степь.

Ладно, я смирилась с тем, что Доминик меня одевает, и у меня уже не дергается от этого глаз. Но одно дело — подарки, совсем другое — разгуливать с ассистентом Доминика по магазинам. Кто вообще такая эта Венера? Кроме того, что ассистент.

— Может, Доминик заодно подгонит мне пару помощников в магазин? Раз он такой щедрый.

Но Венера не ведется на мой сарказм, отвечая все с той же мягкостью:

— Я передам ему вашу просьбу.

Я вздыхаю и мысленно считаю до десяти.

— Послушайте, я сегодня не могу. У меня много работы.

— Может, тогда завтра?

— И завтра тоже.

— Тогда я вынуждена передать приму Экроту, что вы слишком устаете на работе.

Ага, чтобы Доминик запретил мне работать.

Вот манипулятор!

Телефон буквально скрипит, настолько сильно я его стискиваю в ладони.

— Сегодня в шесть вас устроит?

— Идеально.

Я продолжаю работать в удвоенном темпе, потому что до шести нужно все успеть, и даже почти со всем успеваю. Но, разумеется, даже речи не идет о том, чтобы продолжить книгу. Доминик со своим шопингом все мои планы поломал! Хотя лучше шопинг с этой Венерой, чем встреча с ним.

Видеть не могу этого деспота!

Когда без пяти шесть в магазин входит брюнетка в стильном светлом костюме и направляется ко мне, я решаю, что это может быть только клиентка. И с очень большим кошельком. Потому что первое, что бросается в глаза, — это тонкие черты и манера держаться по-королевски.

Поэтому, когда она протягивает мне руку с идеальным маникюром и представляется:

— Венера.

Я понимаю, что меня уже ничего сегодня не способно шокировать. Передо мной явно одна из тех женщин, которые даже спросонья выглядят прекрасными. Немного раскосые глаза, густые иссиня-черные волосы и стройная фигура. Ощущение идеальности портит крупноватый нос с горбинкой, но даже он умудряется добавить ей экзотичности.

Доминик издевается?!

Или у него все ассистенты как с обложки журнала?

— Вы просили о помощи в магазине. — Она кивает двум вервольфам за ее спиной. — Дайте им задание, и они все выполнят, пока мы будем заняты более приятным делом.

Я складываю руки на груди.

— Терпеть не могу шопинг.

— Я тоже, — улыбается Венера, обнажая белые ровные зубы. А мне хочется позвонить Доминику и сказать, что этот ассистент мне не подходит, и попросить выдать другого. Лучше подслеповатую бабулю лет восьмидесяти. — Приятное будет после него.

Так! Никуда я звонить не собираюсь, как и быть милой с этой Венерой. Что вообще за странное имя? И почему она не представилась официально? Но то, что от шопинга не отвертеться, было понятно сразу.

Воспользовавшись «добротой» Доминика, я сдала волков в подчинение Рэбел и взяла ключи от машины, поставив Венеру перед фактом, что мы отправимся по магазинам на моей. Уже на улице поинтересовалась:

— Вы правда не любите выбирать одежду?

— Для себя нет. У меня небольшой рост, поэтому сложно найти что-то подходящее.

Венера действительно ниже меня на голову, и это несмотря на то, что я в кроссовках, а она в туфлях на высоких каблук.

— Куда едем?

— Прим-роуд, восемнадцать. Начнем оттуда.

Прим-роуд — улица дорогих брендов. Неудивительно, что мы направляемся именно туда. Замечательная новость — от моего магазина до нее минут тридцать, и нам с Венерой даже не приходится разговаривать друг с другом. Хотя я то и дело на нее поглядываю, пытаюсь понять, что с ней не так.

— Вы не назвали свою фамилию, — напоминаю я.

— У меня ее нет.

— Как — нет?

— Муж после нашего развода не захотел, чтобы я использовала его фамилию, а родители от меня отказались, поэтому у меня осталось только мое имя.

Я едва не пропускаю поворот и на мгновение впираюсь взглядом в лицо Венеры, но оно безмятежно.

— Это вообще законно?! — рявкаю я.

— Для вервольфов — да.

Теперь до меня доходит, что с ней не так. Все с ней так, просто она волчица.

Мне хочется спросить, за что. Внутри просто зудит от этого вопроса! Но в последний момент я сдерживаюсь и плотно сжимаю губы.

Несмотря на то что я была замужем за вервольфом, я мало о них знала. Они жили рядом с людьми, но всегда были закрытым обществом со своими правилами и звериными законами. К тому же Дэн не любил говорить о «предателях». Стоило вспомнить его родителей, он выходил из себя, и, как правило, такие разговоры заканчивались либо ссорой, либо сменой темы. Поэтому большую часть я знала из наших встреч до свадьбы. Например, то, что волчицы рождаются гораздо реже, чем волки, поэтому девочки для них очень ценны. Они в основном занимаются продолжением рода, мужем и семьей и не работают.

В отличие от девушки на соседнем сиденье.

Семейка Дэнвера рассталась с ним из-за женитьбы на мне. Но спрашивать, что натворила Венера, я не стану. Это как минимум бестактно. Слишком личный вопрос. И судя по тому, что она работает на Экрота, сейчас у нее все хорошо.

— Тогда зовите меня Чарли. Чтобы было честно.

Только сейчас замечаю, что Венера расслабляет пальцы, крепко сжимающие темно-кофейный клатч, а на ее губах мелькает едва заметная улыбка.

— У вас интересное имя, — говорит она.

— Папа постарался.

Мы как раз приехали, так что разговор сворачивается сам по себе. Я паркуюсь возле бутика «Ария», а потом слеую за Венерой по мраморным ступенькам. В витринах застыли манекены в молочного цвета платьях, очевидно, модного в этом сезоне, но я без интереса скольжу по ним взглядом.

Внутри все то же самое: пастель и роскошь. Нас с Венерой встречают искренними улыбками и сразу предлагают помочь. Венеру здесь явно знают, потому что консультанты переключаются на нее. Если по телефону я действительно решила, что она одевает любовниц Доминика, то сейчас, глядя на девушку и узнав ее происхождение, поняла, что все проще — она сама одевается в таких местах.

Я решаю оглядеться, но, делая круг по магазину, не нахожу ничего, за что бы зацепился глаз. Да и какая разница? Доминик же сказал, чтобы купила себе новой одежды. На его вкус конечно же.

— Вам здесь не нравится? — интересуется Венера, присоединившись ко мне.

— Просто выберите мне одежду, которая устроит прима Экрота, и перейдем к приятному. И я очень обрадуюсь, если под этим вы подразумеваете визит в бар.

Венера кашляет в ладонь, и я понимаю, что она таким образом сдерживает смех. Потому что ее темные глаза искрятся весельем.

— Какой же это компромисс? — спрашивает она, отсмеявшись. — Мы подберем то, что нравится вам.

— Тогда нам стоит махнуть в ближайший торговый центр.

— Или выбрать другой магазин. Мне кажется, мы не с того начали. Что вам нравится?

— Я люблю джинсы и удобную обувь вроде этой. — Я киваю на свои кроссовки. — В ней удобно водить, и не нужно переживать, что подвернешь ногу. Но мне известно мнение Доминика: пока мы вместе, я должна выглядеть как вы. Ну, или как они.

Я махнула на девушек-консультантов, застывших в стороне.

— А вам этого не хочется? — приподняла брови Венера. — Порадовать его?

Собственное «нет» я тоже ловлю на подлете. Браво мне! Наши отношения с Домиником ее не касаются, и вряд ли Венера в курсе о нашей сделке.

— Понимаете, у меня есть собственный стиль, — говорю я. — В другой одежде мне некомфортно.

— В более женственной?

— У меня есть платья! Я надеваю их иногда. По праздникам.

— То есть базовые капсулы одежды у вас есть?

— У меня есть девять пар джинсов и деловой костюм. И еще летний сарафан. А теперь еще юбка-карандаш от вас.

— Две, — поправляет Венера.

— Одна, — признаюсь я. — Золотая, очевидно, в химчистке.

Ассистент Доминика смотрит на меня как-то странно, но потом быстро берет себя в руки. Видимо, работает на него давно.

— Давайте так, Чарли. Мы гуляем по магазинам в моем списке, подбираем вам базовый гардероб и находим компромиссное решение между вашим вкусом и запросами прима Экрота. Тем более что он не ограничивает наши ресурсы. И я знаю места, где вам точно понравится.

То есть Доминик дал много денег и сказал ни в чем мне не отказывать? А почему бы и нет! Отвертеться не получится, так хоть удовольствие получу.

— Давайте попробуем.

Мы прощаемся с консультантами и пропускаем несколько бутиков, прежде чем завернуть в один из них. Здесь одежда поярче и есть брючные костюмы, но фасоны опять мимо. Поэтому мы переходим в следующий, и дальше, и дальше, пока Венера не приводит меня в совершенно неприметный магазинчик, на дверях которого лишь черная табличка с серебристой гравировкой «Салон модной одежды примы Баро».

— Это место для своих, — говорит моя самопровозглашенная стилист. — Мало кто знает об этом магазине, но здесь можно найти действительно эксклюзивные вещи, а главное — удобные.

На входе нас «встречает» манекен в юбке-шортах, а сам магазин чем-то напоминает мой с поправкой на то, что здесь вместо книг одежда. В воздухе витает приятный цветочный аромат, играет музыка из маминой молодости и даже есть клетка с яркими попугайчиками, но нет гнетущего стерильного ощущения бутиков.

А платья какие! Я залипаю на черное в мелкий цветочек. Правда потом залипаю на ценник. Да уж, не зря я сравнила их с редкими книгами.

— Винтажная мода, — объясняет вынырнувшая будто из ниоткуда светловолосая женщина. — Под старину. Здравствуй, Венера. Ты в гости?

— Привет, Джантия, — сияет волчица. — Это Чарли, и ей очень нужен такой гардероб, чтобы все кусали локти от зависти.

— Красивый и удобный, — уточняю я.

— Тогда вы по адресу!

И понеслось.

В следующий час (а может, два, я совершенно теряю счет времени) я перемериваю, наверное, треть магазина. Спорю с Джантией и Венерой и, кажется, начинаю входить во вкус. Мой гардероб

пополняется несколькими свободными юбками, яркими блузками и коктейльными платьями.

— Осталось найти обувь, — улыбается Венера, довольная шопингом, и отправляется все оплачивать, а я влезаю в кроссовки и иду следом.

Правда, застываю на полпути, будто натолкнувшись на стену, потому что в салон как раз входят Джинджер и Одри. Смех и разговор сестер резко обрываются, а с лиц одновременно слетают улыбки, сменяясь поджатыми губами и холодными взглядами.

Только смотрят они вовсе не на меня. Они замирают при виде Венеры.

Ассистент Доминика тоже вскидывает голову и пристально смотрит на волчиц. Если бы я не знала, что это в принципе невозможно, то решила бы, что они ведут мысленный диалог. И далеко не самый приятный, потому что в их взглядах проскальзывает нечто хищное. Угрожающее. Особенно это касается Одри: в глубине темных глаз мелькает ярость, которая, впрочем, тут же сменяется уже знакомым мне высокомерием.

Невеста Доминика вскидывает подбородок, расправляет плечи и шагает навстречу невозмутимой Венере. Слишком невозмутимой. Насколько я успела понять, она прекрасно умеет прятать свои чувства.

— Здравствуй, — говорит Одри.

— Здравствуйте, прима Конелл.

Они знают друг друга? Хотя конечно же знают. Одри — невеста Доминика, Венера — его ассистент. Еще одно можно сказать точно: друг друга они не любят.

— Не ожидала встретить тебя здесь. Я думала, у тебя сейчас совершенно другой стиль.

— Я здесь по работе.

В этот момент Джинджер замечает меня и восклицает на весь магазин:

— Чарли! Ты почему прячешься за вешалками?

Естественно, на меня теперь все смотрят, а я чувствую себя донельзя глупо. Потому что со стороны это действительно выглядит так, будто я стояла и подслушивала. Хотя никогда не занималась ничем подобным!

— У моей сестры дар ставить в неловкое положение себя и остальных, — неожиданно приходит на помощь Одри. — Здесь слишком много ароматов, иначе бы мы заметили тебя раньше.

Уверена, мой запах она запомнила и внесла в черный список.

— Очевидно, ты была занята кем-то другим.

Я подошла ближе и встала рядом с Венерой: от Одри я точно не собиралась прятаться. Пасовать перед ней тоже, как и мило общаться. Поэтому я перехватываю у Джантии пакеты с одеждой. Быстрее отсюда уйдем, быстрее оставим неприятную встречу в прошлом.

— Значит, пока Доминика нет в городе, развлекаетесь шопингом? — интересуется его невеста.

Нет в городе?

То есть мы не встречались, потому что он в отъезде?

Мне, конечно же, не нужно об этом сообщать. Лучше отправить своего ассистента.

Видимо, до невозмутимости Венеры мне далеко, потому что Одри вскидывает брови:

— Ты была не в курсе? Любопытно.

— Он же не мальчик, чтобы передо мной отчитываться, — не теряюсь я. — Альфа все-таки.

— Ты права, — усмехается Одри. — Он альфа, а я его невеста. Поэтому неудивительно, что тебе он не рассказывает, где он и с кем.

Я складываю руки на груди.

— А тебе, значит, рассказывает?

— Рассказывает, как же, — фыркает подошедшая Джинджер. — От папы случайно узнала.

Во взгляде Одри снова вспыхивают яростные искры.

— Джин! Сколько раз я тебе говорила не лезть в мои разговоры.

— Это общий разговор, — по-детски надувает щеки ее сестра. — Он в общественном магазине, и я знакома с Венерой и Чарли. Так что это и мой разговор тоже.

— Иногда тебе лучше не открывать рот.

— Как же я тогда буду есть?

— Если бы я знала, что ты будешь сегодня здесь, выбрала бы другой магазин или другой день, — мягко вклинивается в их стычку Венера. И ее слова явно относятся не к Джинджер.

— Ну почему же? — ослепительно улыбается Одри. — Это судьба. Предлагаю выпить кофе и поболтать. Всем вместе. О своем, о женском.

Пить кофе с невестой Доминика? Да я лучше с моста спрыгну!

— Прости, но нет, — отвечаю я за Венеру. Из нас двоих она, конечно, более дипломатична, но мне хочется сразу все прояснить между мной и Одри. — Ты знаешь, кто такая я, а я знаю, кто ты. Мы точно не подружимся.

— То есть общество его бывшей любовницы тебя не смущает?

Венера бледнеет, Джинджер закрывает рот ладонью, а Одри расплывается в победной улыбке. Гаденькой такой. Отчего хочется как следует оттаскать ее за темные патлы. Но единственное, что я могу сейчас сделать, это принять правила игры и уделать ее на ее же поле.

— Бывшая? — отвечаю я. — Так это замечательно! Венера как раз помогает мне с выбором стиля, который бы понравился Доминику, и делится женскими секретами. Невесте в нашем милом обществе точно не место. Благодарю, Джантия. Пока, девочки!

Я подхватываю ассистента-любовницу под локоть и протискиваюсь мимо волчиц. От улыбки Одри не остается и следа: хорошенькое лицо перекошено от ярости. Но, как сказала ее сестра, мы в общественном месте, поэтому она не может меня придушить.

А во мне говорит единственное желание — придушить одного конкретного вервольфа, который не придумал ничего лучше, чем отправить свою бывшую помогать мне с выбором одежды. И думай теперь: кому из нас на ее место указали. Мне или Венере?

— Пока, Чарли, — кричит мне вслед Джинджер, когда я уже шагаю прочь из магазина.

Пакеты с одеждой сбрасываю на заднее сиденье и занимаю место водителя. Жду, пока Венера пристегнется, и старательно на нее не смотрю. А она ведь красивая, правда. И вся такая женственная. Вот чего Доминику не хватало? Экстрима?

— Где этот магазин обуви? — интересуюсь сухо. Пожалуй, слишком сухо, но меня прямо трясет от желания при встрече с Домиником оторвать ему все самое ценное. Даже пальцы подрагивают.

Венера называет адрес, и я понимаю, что это в конце квартала и можно было дойти пешком, но так как мы уже в машине, приходится ехать.

— Надеюсь, там мы не встретим Одри, — говорю себе под нос. — Встреча с невестой Доминика уже как плохая примета, хоть на улицу не выходи.

Моя фраза, кажется, срывает на все еще бледную Венеру ободряюще:

— Прима Мэдисон...

— Чарли, — поправляю я.

— Чарли, прошу прощения за этот инцидент.

— Вы тут при чем? — интересуюсь, выбирая новое место для парковки. — Не вы же гадости про себя говорили.

— Я должна была это предусмотреть.

— Как? Заткнуть ей рот трусами?

У Венеры вырывается нервный смешок.

— Было бы неплохо.

— Соглашусь.

На долю секунду я даже чувствую что-то вроде симпатии к этой волчице, но потом вспоминаю слова донельзя противной невесты. Улыбка Венеры тут же испаряется.

— Одри не права, — говорит она. — Между мной и примом Экротом ничего нет и не было. Я всего лишь ассистент.

— И кому верить?

Вопрос риторический, но волчица понимает его буквально.

— Если не верите мне, спросите у него самого.

Можно подумать, Доминик — святой! И честный.

— Меня не интересует прошлое прима Экрота, — говорю. — Я так понимаю, в вашем обществе это норма — пить кофе с невестами и с бывшими пассиями...

— Кто вам такое сказал? — внезапно сверкает глазами Венера. — Я вообще не представляю, как получилось, что вы с Одри знакомы.

— Это была случайность.

— Это многое объясняет.

Я почти готова ей поверить. Почти, потому что здесь явно кое-что не стыкуется.

— Если у вас с ним ничего не было, почему ты не поправила Одри, когда она сказала про любовниц?

Венера тяжело вздыхает:

— Потому что уже устала это делать.

Да, думаю, для Одри существует свое мнение и неправильное, но мне не хочется разбираться во всем этом дальше. Я понимаю, что новая встреча с невестой Доминика высосала из меня все силы и продолжать шопинг я просто не в состоянии.

— Мы можем перенести покупку обуви на другой день? Я не готова продолжать. Куда тебя подвезти?

Венера долго смотрит на меня, прежде чем ответить:

— Когда от меня отказалась семья, прим Экрот взял меня ассистентом. Помог устроиться и начать новую жизнь, а взамен попросил серьезно отнестись к своей работе. Но если вам неприятна моя кандидатура, вы можете попросить о замене ассистента.

Бесы! Не думала, что обижу кого-нибудь отказом покупать шпильки.

— Ты хорошо выполняешь свою работу. Я бы сказала, идеально. И я буду рада, если мы перенесем нашу встречу на субботу или воскресенье и перейдем на «ты». Мне так гораздо проще общаться.

— Как приму Экроту, — улыбается Венера. — Теперь я понимаю, почему вы вместе. Вы вообще с ним очень похожи.

Я и Доминик?!

Я так не думаю, но держу свое мнение при себе. Судя по тому, что Венера рассказала, вервольф для нее действительно святой. Только я и другую сторону его знаю.

Она просит высадить ее возле одного из магазинов, а я еду домой. Даже не так надолго застаиваю в пробках. Квартира встречает меня тишиной и умиротворением. И это именно то, что мне сейчас надо.

Я скидываю кроссовки, сбрасываю пакеты прямо на пол и босиком шлепаю на кухню, чтобы попить воды. Это был долгий день, который наконец-то, слава Владыке, завершился! Никаких ассистентов Доминика. Никаких невест Доминика. Никаких мыслей о Доминике.

Только я и моя книга.

Прохожу гостиную и понимаю — что-то не так. Я всегда оставляю приоткрытым окно, поэтому здесь

всегда прохладно и пахнет свежестью. Но сейчас окно закрыто и в воздухе отчетливо ощущается сладковато-приторный аромат. Настолько отчетливо, что хочется немедленно проветрить комнату. Что я и делаю, распахивая окно на полную, а после включаю свет.

Источник запаха — большая корзина тропических цветов. Прекрасных, но настолько сладковонючих, что меня едва не мутит от этого аромата.

Ну и кто подарил мне этот кошмар?

А главное, как пронес в мою квартиру?

Единственный, кто приходит в голову, — Доминик. Но почему такой странный выбор?

Подойдя ближе, я замечаю карточку в самом центре букета. На ней просто написано:

Уверена, что выбрала правильно, Чарли?

Подписи нет.

ГЛАВА 8

— Это ты прислал цветы?

— Цветы? Нет.

— Ты пообещал мне защиту, а в мой дом может забраться кто угодно!

Я набрала Доминика сразу же: как только метнулась в холл и нашла телефон в сумке. И конечно же высказала все, что думаю.

Потому что ключи от квартиры были только у меня!

— Ты одна? — уточнил он.

— Да, — ответила я и осеклась, потому что в том, что никто не прячется в спальне или сейчас не стоит за моей спиной, у меня уверенности не было. — Я не знаю.

Пальцы задрожали так, что я выронила карточку с посланием. Голос дрогнул тоже. Мне хотелось орать, потому что приторный запах превратился в просто невыносимый и отпечатался в сознании, а ощущение чужого взгляда в спину все не проходило.

— Оставайся на месте. — Голос Доминика в отличие от моего был спокойным и деловым.

Через минуту, может меньше, в квартиру ворвались огромные волки. Они рассредоточились по комнатам, вынюхивая каждый сантиметр. Следом за ними появились вервольфы в человеческой ипостаси, похожие на агентов секретных служб, и утащили меня из собственного дома, заявив, что у них приказ альфы.

— Проверьте дом моих родителей! — выпалила я. — Я должна знать...

— Уже проверили, — подтвердил высоченный вервольф, поддерживающий меня под локоть. — С ними все в порядке. И с семьей Крим тоже.

Я пошла с ним, хотя что-то мне подсказывало, что, даже отбивайся я руками и ногами, меня бы все равно запихнули в черный лимузин. Сказать, что я была в шоке после всего этого, значит, ничего не сказать. Меня перетрясло так, что я почти не запомнила дорогу, пока меня везли к Доминику. То, что это его дом, осознала, когда переступила порог знакомой спальни, куда меня привели.

— Располагайтесь. — Вервольф включил торшер в углу комнаты. — Альфа будет через несколько часов.

Он ушел, а я залезла на постель, прислонилась к изголовью и обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Она вернулась, и сейчас меня колотило еще больше. Пальцы до сих пор жгло, хотя карточка осталась на полу моей квартиры.

Карточку можно было выбросить, а вот слова в ней из памяти не сотрешь.

Уверена, что выбрала правильно, Чарли?

Кто мне прислал эти цветы? И что он подразумевал под выбором?

В голову приходил только Кампала, самопровозглашенный альфа Северного округа. Именно ему я перебежала дорогу.

Сейчас, когда я оказалась далеко-далеко от своего дома, моя паника даже для меня самой выглядела по-идиотски. Зря я позвонила Доминику! Ведь это были просто цветочки. Очень противные цветочки. Еще их как-то пронесли в мою квартиру, минуя охрану из вервольфов. А совсем недавно бандиты требовали с меня десять миллионов, которых так и не получили. Зато получили проблемы с Домиником. Это им вряд ли понравилось.

Так что нет, не зря.

Хотя... Я сразу не подумала, но мог их прислать Хантер? От воспоминаний об историке на душе потеплело, а вот собственную теорию я разрушила сразу же. У него есть мой номер, и если даже предположить, что он как-то узнал мой адрес и как вор вломился в мой дом, то смысл Хантеру писать мне о выборе?

Значит, это бандиты. Больше некому. Бандиты, увлекающиеся философией.

Я поняла, что запах цветов до сих пор преследует меня, будто въелся под кожу, впитался в волосы. Поэтому спрыгнула с кровати и отправилась в душ. Надраилась до красноты и раза три помыла

голову, только тогда мне стало легче дышать. Корзинка с кремами осталась здесь, будто Доминик знал, что я вернусь.

На этой мысли мне захотелось дать себе подзатыльник.

Конечно же он знал! У нас с ним договор на неопределенный срок.

Я обернула голову полотенцем, сама завернулась в темно-синий мужской халат и вернулась на кровать. Желания разгуливать по дому в отсутствие его хозяина у меня не было, а часы на тумбочке показывали половину двенадцатого. Звонить сейчас родителям не вариант, только разволнуются. Значит, придется поверить вервольфам Доминика и забежать к маме с отцом утром. А сегодня лучше дожидаться Доминика.

Поэтому я не стала выключать торшер и села поудобнее, искренне жалея, что не захватила с собой ноутбук. Можно было поработать над новой главой, а так приходилось периодически моргать, чтобы не заснуть. Очевидно, не помогло, потому что тут я рассматривала узор на покрывале, тут уже, оказывается, я обнимаю подушку, в комнате темно, а кто-то вырисовывает пальцами узоры на моих обнаженных ногах и недвусмысленно прижимается со спины.

— Доминик?

— Ждала кого-то еще?

— Интересно, кого еще я могу найти в твоей спальне!

Я разворачиваюсь к нему лицом и понимаю, что зря: теперь его ладонь скользит по внутренней части бедра. Халат распахнулся во сне, под ним у меня ничего, и теперь Доминику это прекрасно видно. А учитывая остроту зрения вервольфов, вряд ли погасший торшер мне поможет. И судя по горящему взгляду мужчины, так и есть.

Но, прежде чем я успеваю даже о чем-то подумать, он притягивает меня к себе и целует. Так долго и глубоко, что во мне практически заканчивается дыхание. До жара во всем теле. До дрожи. Только тогда Доминик прижимается губами к моему виску.

— Я скучал, — шепчет он. И меня накрывает осознанием, что мне бы этого хотелось. Чтобы он скучал по мне и чтобы так меня будил.

Только это не хватало! Самой скучать по Доминику.

— А я нет. — Я в срочном порядке пытаюсь отодвинуться, но, естественно, мне этого не позволяют. К счастью, между нами халат, потому что на Доминике ничего нет.

— Я в курсе, что в последний день тебе скучать не пришлось, но до этого...

— Ты поэтому неделю не появлялся? Чтобы я соскучилась?

Доминик смеется.

— Не соскучилась, — говорю. — Ни капли. Но как видишь, сегодня я тебя ждала. Долго.

— Из Асера путь неблизкий.

— Асер?

Это крупная провинция на Западе страны, до ее центра часов шесть-семь на автомобиле.

— Далеко же ты забрался.

— Все ради тебя, Шарлин. — В его голосе по-прежнему насмешка, поэтому сложно сказать, издевается он или просто доволен.

А вот я хмурюсь:

— Что это значит?

— Я узнал, что загадочный альфа родом из тех земель, и нужно было это проверить.

От таких новостей мое раздражение мигом испаряется.

Доминик откидывается на спину и, кажется, не собирается продолжать. В отличие от меня. Я приподнимаюсь на локте и заглядываю ему в глаза:

— И?

— Может, оставим это до утра? — предлагает вервольф.

— Для чего тогда ты меня разбудил?

— Точно не для разговоров, Шарлин. — Он тоже приподнимается и проводит большим пальцем по моей щеке. — Хотел убедиться, что ты в порядке. Все остальное подождет. Тем более что теперь ты будешь жить со мной и спать в этой постели.

Я, наверное, до конца не проснулась. Как еще объяснить, что мне слышится... всякое? Поэтому я села на постели.

— Что значит жить с тобой?

— То и значит. — Доминик мигом посерьезнел и тоже сел. — Ты же не думаешь, что после случившегося я позволю тебе жить отдельно?

Я открыла рот. Закрыла. Потому что во мне разом кончились слова. И цензурные, и нецензурные.

— Мы так не договаривались, Доминик! У меня есть своя квартира!

— В твою квартиру, как оказалось, легко войти.

— Кстати, об этом. Как так произошло? За ней не следили?

Взгляд Доминика стал жестким, будто он сейчас мысленно отрывал головы своим подчиненным.

— Следили. У них был приказ проверять всех, кто входит в дом, не считая жильцов. Особенно вервольфов. В этом и была моя ошибка. Курьер, который доставил в твою квартиру букет, оказался обычным человеком. Тем более что он сказал, что должен доставить ее твоей соседке.

— Обычным? — Я приподняла бровь. — С каких это пор обычные люди вламываются в чужие дома?

— У него были ключи и четкие инструкции. По словам менеджера курьерской службы, заказчик попросил сделать сюрприз для девушки и щедро заплатил. Самого заказчика пока не нашли.

— Сюрприз удался, — мрачно подтвердила я и отвернулась от Доминика, свесив ноги с кровати. Он даже не потрудился прикрыться, меня это не то чтобы смущало, скорее отвлекало, сбивало с мысли.

Впрочем, он тут же вновь обнял меня со спины.

— Правильно сделала, что сразу позвонила мне.

— Теперь я уже не так уверена, что поступила правильно...

Доминик уронил меня на кровать так резко, что я не успела договорить. Навис надо мной, и в его взгляде заплескалось расплавленное золото.

— Не смей шутить своей безопасностью, Шарлин.

— Я не шучу! — Я уперла руки в грудь Доминик, но разве его сдвинешь с места. — Я серьезно хочу вернуться в свою квартиру.

— Исключено. Мой дом гораздо более защищенное место.

— Этого не было в нашем договоре...

— Там было, что я тебя защищаю, — отрезает он. — И мне проще делать это здесь.

И никаких вариантов!

— Я поменяю замок.

— Нет.

— Можешь даже камеру установить. — Поймав странный взгляд вервольфа, я уточнила: — На лестничной площадке.

— Нет.

— Я не стану с тобой жить, Доминик.

— Почему? Снова не желаешь исполнять свою часть сделки?

Я задохнулась от возмущения:

— Это я не исполняю? Я являюсь к тебе по первому требованию, сопровождаю тебя везде, меняю гардероб под твои вкусы, выслушиваю гадости от твоей невесты...

— Невесты? — прищуривается Доминик.

Приходится прикусить язык.

— Не важно! В общем делаю все, что захочешь. Но тебе этого мало! Ты хвастаешься мной перед другими альфами и их друзьями, обсуждаешь приготовления к свадьбе и считаешь, что можешь управлять моей жизнью!

С каждым моим словом Доминик темнел в лице, а когда я выдохлась, ответил:

— Так и есть, Шарлин. Теперь ты будешь жить здесь. Нравится тебе это, или нет.

Вот так! Значит, плевать на мое мнение.

Обидно стало до слез.

— Чем ты лучше этого самопровозглашенного альфы, Доминик? — процедила, все-таки оттолкнула его и вскочила с постели. — Ты одежду присылаешь, он — цветочки. Какая разница, кому отдавать долг?

— Шарлин. — Это уже не человеческий голос, а звериное рычание.

Вид у вервольфа совсем яростный, поэтому я на всякий случай отступаю от кровати.

— Я сразу поняла, что они не от тебя.

— По запаху? — опешил он. — В докладе говорилось, что пришлось использовать герметичные пакеты, чтобы их утилизировать.

Я их понимаю.

— По обращению в записке. Ты не зовешь меня Чарли. Как все.

— Это мужское имя, а ты женщина.

— Нет, ты называешь меня так, потому что тебе так хочется, а на мое мнение тебе наплевать.

— Возвращайся в постель, Шарлин, — тихо приказывает он.

— Я гостя или пленница?

— Что это значит?

— Просто ответь! Я пленница?

На лице Доминика играют желваки, а его глаза сверкают так, что я едва сдерживаюсь, чтобы не сделать еще один шаг назад.

— Гостя, — наконец-то отвечает он.

— Тогда я буду спать отдельно. Извини, — процедила я, — сегодня с выплатой долга не получится. У меня был сильный стресс.

А потом ушла, хлопнув дверью.

Куда только мне идти? В этом доме я знала только спальню Доминика, гостиную, холл и еще его кабинет. Поэтому толкнула следующую дверь. Это оказалась другая спальня, в которой явно никто не жил: все в ней выглядело нетронутым, как в отеле в день заезда.

Рассматривать получше я не стала, рухнула на кровать и свернулась клубком.

Уверена, что выбрала правильно, Чарли?

Сейчас я могла бы ответить наверняка, что не уверена вообще ни в чем. Но маленькая победа за мной, и сдаваться я не собираюсь.

Несмотря на все переживания вчерашнего дня, мне удалось выспаться и даже вовремя проснуться. Точнее, было бы вовремя, останься я в своей квартире, сегодня же придется добираться из Мантон-Бэй и открывать магазин гораздо позже положенного. Это тоже был еще один аргумент в пользу моего возвращения домой. Но кто здесь учитывает мои желания?

Спальня, которую я вчера выбрала наугад, в свете пасмурного крайтонского утра оказалась очень женской: начиная от светло-желтых стен, золотистого, с затейливым узором покрывала на неширокой кровати, таких же штор, подвязанных шнурами с кисточками, и заканчивая пушистым круглым ковром и туалетным столиком с тремя зеркалами.

Нет, на отельный номер эта комната походила меньше всего. Но не хотелось бы думать, что она могла принадлежать Одри или предыдущим любовницам Доминика!

Впрочем, эта мысль подействовала на меня, как пинок, и заставила подняться с постели.

Из комнаты вели три двери. За одной из них обнаружилась ванная. Та самая, смежная с комнатой Доминика (к счастью, его самого я не застала), а за другой — гардероб с мужскими костюмами. Я даже не удивилась, обнаружив на мягком пуфе пакеты с собственной одеждой и кроссовками. Не знаю, это Венера постаралась или телохранители, но по крайней мере мне не пришлось ехать в магазин в халате. Поэтому я быстро его скинула, надела чистое белье (нет, тут точно побывала Венера) и потянулась за джинсами. И уже даже всунула ногу в одну штанину, но поняла, что, если хочу настаивать на своих условиях, лучше волка не злить.

Джинсы отправились в пакет, а я надела платье в мелкий цветочек. Оно действительно село по мне, оказалось очень элегантным, но при этом не делало меня похожим на Одри и других волчиц. К нему даже подошли кроссовки.

Вот в таком виде и с очень решительным настроением я толкнула дверь в смежную спальню. В спальне Доминика не оказалось, зато нашелся мой телефон, часы на котором показали, что я в общем-то не сильно опаздываю. Значит, будет время на разговор.

Вервольф нашелся в кабинете, одетый и собранный. Он рассматривал какие-то бумаги, но отодвинул их в сторону, стоило мне подойти ближе.

— Доброе утро.

— Доброе утро, Шарлин.

Мне показалось или это прозвучало безразлично? Как взгляд, которым он скользнул по мне. А может, дело в самом кабинете? Сейчас я чувствовала себя так же, как в вечер заключения сделки. Все здесь напоминало о нем.

— Мы вчера не закончили наш разговор.

— Я думал, мы все обсудили.

— Нет, не все. Ты не объяснил, почему искал Кампалу в Асере, если он здесь, в Крайтоне.

— Иногда для того, чтобы понять, почему кто-то выбрал себе такое настоящее, нужно заглянуть в его прошлое. Ну и, конечно, чтобы узнать, кто он такой на самом деле.

Значит, вот чем был занят Доминик. Меня даже царапнуло чувство вины, ведь я считала, что он растягивает «удовольствие» и не торопится решать мою проблему. Оказывается, что ошибалась.

— Узнал?

— Узнал, что местный альфа о нем ничего не слышал. Так что, скорее всего, это легенда.

— Легенда?

— Да. Мне по-прежнему неизвестно, кто он такой и откуда взялся. Потому что он осторожный засранец.

— И он прислал мне букет и записку.

Взгляд медовых глаз резанул холодом сильнее звериного желтого. Доминик поднялся и обошел стол, остановился напротив меня. Его пальцы скользнули по моему подбородку, заставляя меня запрокинуть голову.

— Если он свяжется с тобой снова, Шарлин, то немедленно сообщи об этом мне. Понятно?

Я не собиралась вступать в переговоры с шантажистом, но тон вервольфа меня покорила. И еще

покоробило то, что это опять был приказ. Только мысль о компромиссе заставила ответить не так, как хотелось.

— Понятно, — процедила я, и Доминик убрал руку. — Я бы еще хотела обсудить мое возвращение домой.

— Ты будешь жить здесь, — отрезает он. — Я своего мнения не изменю.

— Ты загоняешь меня в угол.

— Нет, достаточно того, что мои вервольфы присматривают за твоими близкими. Но главная мишень для него — это ты. Это понятно по вчерашней записке.

Упоминание близких действует на меня как вылитое на голову ведро ледяной воды. И злит еще больше! Потому что это нечестный прием, о котором Доминику прекрасно известно.

— Если кто-то из них пострадает, — предупредила я, хотя все внутри переворачивалось даже от такой вероятности, — нашей сделке конец!

Доминик зло прищуривается.

— Считаешь, что с другим было бы так же? — интересуется он, напоминая наш ночной разговор. — Не было бы, Шарлин. Ты это знаешь. Иначе бы ты ко мне не пришла и не согласилась бы на нашу маленькую сделку. Тебе нравится все это так же, как и мне.

— Не нравится, — заявляю я. — Мне не нравится быть зависимой от тебя.

— Любое чувство — всегда зависимость.

А вот это уже даже смешно.

— Настоящие чувства не могут быть зависимостью.

— А если бы ее не было?

Доминик едва касается моих волос, наматывая длинную прядь на палец. Сегодня я не стала забирать их в хвост, и, судя по всему, вервольфу это действительно понравилось. А мне, кажется, нравится, как он это делает, поэтому я спешу заправить прядь за ухо.

— Чего не было? Зависимости?

— Сделки, — уточняет Доминик. — Ты бы просто согласилась быть со мной?

— Нет, — без раздумий отвечаю я.

— Из-за зависимости?

— Из-за свободы.

— А если я дам тебе свободу?

Я заморгала, снова за эти сутки решив, что у меня галлюцинации.

— О чем ты?

— Я хочу пригласить тебя на свидание, Шарлин. Сегодня вечером.

— В смысле, в чем выражается моя свобода?

— Ты можешь выбрать, куда хочешь пойти. В чем пойдешь. А можешь вовсе отказаться. Заставлять не стану.

Отказаться и весь вечер провести в огромном доме Экрота? Так себе перспектива. Либо провести вечер с Домиником.

— Я могу подумать?

— Можешь, — криво усмехнулся вервольф.

— И даже не станешь выдвигать условия?

— Не стану.

Все это было крайне подозрительно. Мне хотелось понять, что он задумал, но пока ничего в голову не приходило.

— Мне пора на работу.

— Я тебя подвезу.

Доминик действительно меня отвез, как будто мы были обычной парой.

— Жду твоего ответа, — сказал он и уехал, оставив меня переваривать то, что произошло.

Не знаю, сработало платье или нет, но, кажется, к какому-то компромиссу мы все-таки пришли. Только на этот раз я не чувствовала себя победительницей, особенно когда спустя несколько минут отправила ему сообщение:

Я согласна. Бар «Коршун». В восемь.

Ближе к вечеру мне казалось, что Доминику удалось меня снова обхитрить. Его сговорчивость настораживала, тем не менее мне было интересно, что он задумал и насколько далеко готов зайти в обещанной мне свободе. Потому что для меня свобода означала разойтись разными дорогами.

Впрочем, с баром я погорячилась. Слишком простое это было заведение для Доминика, который привык одеваться с иголки и снимать королевский люкс в «Кингтоне». Но перезванивать и говорить, что передумала, было бы по меньшей мере по-идиотски, поэтому перед выходом из магазина я переобулась в оставленные здесь с прошлого раза туфли. Будем выделяться вместе, раз я не в джинсах.

«Коршун» находился неподалеку от моего магазина, в последний раз я была там, когда мы с Рэбел отмечали выход статьи в «Прайме», но с тех пор тут ничего не изменилось. Интерьер в баре был в стиле охотничьего домика: все деревянное, искусственный камин в углу, таблички на стенах с надписями вроде «Осторожно, капканы». Учитывая, что он находился в городе, думаю, настоящие охотники забредали сюда редко, но сам «Коршун» пользовался огромной популярностью. Здесь была хорошая выпивка и непринужденная атмосфера. А что еще нужно?

Вот как раз популярность, а еще то, что сегодня пятница, я не учла. В обычно просторном баре было не протолкнуться, и все столики ожидаемо были заняты: за большинством уже расположились компании людей, а на некоторых столах стояли бутылки с надписями «Зарезервировано».

Но несмотря на всю эту толпу, Доминика я заметила сразу. Точнее, сразу почувствовала на себе взгляд, который жаром прошелся по коже. Стоило мне переступить порог, вервольф поднял голову и смотрел только на меня, пока я шла к барной стойке, за которой он расположился. А вот на соседнем с ним стуле пристроилась смазливая брюнетка в обтягивающем топе, обнажающем плечи и подчеркивающим немаленький бюст. До красоты и утонченности Одри ей было далеко, но при виде склонившейся к Доминику девицы что-то в моей груди дрогнуло и заискрило. Нехорошо так.

В нашем договоре не было пункта, в котором Экрот не имел права встречаться с другими женщинами, умом я это понимала. Это меня он не собирался ни с кем делить, а собой «делиться» мог вполне. Но мгновенно вспыхнувшее яростное желание спихнуть брюнетку со стула никуда не делось, а только нарастало с каждым шагом.

Еще более яростным было желание показать, что этот мужчина мой.

Заклеймить его. Руками, губами, зубами, собственным ароматом.

Что я и сделала: подошла к Доминику, обняла его и поцеловала. Откровенно, страстно, не стесняясь ничего и никого. Напоследок даже цапнула его за нижнюю губу, прежде чем отстраниться.

— Здравствуй, милый. Как прошел день?

— Каким бы он ни был, вечер с тобой явно будет лучше, — то ли прорычал, то ли прошептал в мои губы вервольф.

— Со мной — да.

Я буквально врезалась взглядом в явно обалдевшую брюнетку, и она как-то быстро все поняла.

— Приятно было познакомиться, Доминик, — пропищала девица. Она хотела похлопать его по плечу, но, поймав мой взгляд, просто помахала рукой и поспешила испариться.

Вервольф тихо рассмеялся и внезапно притянул меня к себе на колени.

— Не ревнуй, Шарлин. Я весь твой.

— Я не ревную! — взвилась я. — Что за чушь?

— Ты только что едва не вцепилась ей в горло.

Я ошарашенно посмотрела на Доминика. И ведь правда, вся эта демонстрация была чистой воды импровизацией. На меня будто затмение нашло. Зачем мне вообще нужно было заявлять свои права на Экрота? Как какой-то волчице!

Кажется, в моей жизни в последнее время столько вервольфов, что это плохо на меня влияет. Я сама овервольфоваюсь.

Взгляд Доминика из веселого превратился в испытывающий. Он явно тоже задавался вопросом, почему я так себя повела.

Если бы я еще сама знала!

Поэтому слезла с колен вервольфа и перевела тему, только сейчас заметив перемены в его внешности.

— Ты переоделся, — заметила я. На Доминике действительно оказались темно-серые джинсы и темная рубашка. Правда, обычности в его образ это ничуть не добавило. На него облизывались чуть ли не все мимо проходящие и близко сидящие женщины.

— Решил, что это более подходящая одежда для похода в бар. Как ты понимаешь, я редко бываю в подобных местах.

Намек на то, что он сделал это ради меня, был более чем прозрачен.

— Тут нет свободных мест, — сказала я.

— Для нас есть.

Доминик кладет ладонь мне на талию и увлекает меня к столику в углу. Небольшому, но уединенному по меркам пятничного бара.

— Снова Венера постаралась? — хмыкаю я.

— Предпочитаешь сидеть за барной стойкой?

Я качаю головой и присаживаюсь на отодвинутый для меня стул.

— Что будешь пить?

— «Пьяную медведицу».

Это достаточно сложный коктейль из восьми ингредиентов, который очень легко пьется и полностью соответствует своему названию. Если переусердствовать с количеством, потом будешь общаться исключительно по-медвежьи. По крайней мере похожими звуками. Поэтому я никогда не пью больше одной, зато могу цедить его весь вечер.

Вервольф сдвигает брови.

— Что не так? — уточняю я, как бы говоря: «Что насчет свободы?» — Сегодня пятница, а у меня была непростая неделя.

Он хмурится, и мне кажется, что сейчас мы просто уйдем отсюда. Но Доминик снова меня удивляет, подвигая к себе меню с закусками.

— А что насчет еды?

— Я не голодна. Но если будешь что-то заказывать, то обрати внимание на ростбиф и колбаски: в прошлый раз они были объедение.

Здесь, как и в любом баре, самообслуживание, но на кивок Доминика один из барменов подходит к нам.

— Мясное ассорти, «Пьяную медведицу» и пинту сидра.

Когда он убегает обратно, вервольф интересуется:

— Часто здесь бываешь?

— Последний раз была около года назад.

— С тех пор колбаски могли испортиться. — У Доминика такой вид, будто я его обманула, поэтому у меня не получается сдержать широкую улыбку.

— Бар известный, сюда часто заглядывает моя помощница, так что они держат марку. Уверена, колбаски все те же.

— Заставлю тебя попробовать первой, — ворчит вервольф, вызывая у меня смех.

— А как же свобода выбора?

— Ты сама пригласила меня сюда.

Я подаюсь вперед и смотрю ему в глаза:

— Считаешь, что я решила тебя позлить? Зря. Ты просто спросил, как я хочу провести вечер, а я честно ответила. Таким бы могло быть наше свидание, будь ты обычным мужчиной.

Во взгляде Доминика сверкнуло расплавленное солнце.

— Я не обычный мужчина, Шарлин.

— Что правда, то правда. И наши с тобой отношения тоже заурядными не назовешь.

— А тебе нужны заурядные?

— Уж точно не такие, как у нас.

— Потому что я вервольф?

— Потому что я человек.

— Эта проблема только в твоей голове.

— Ты прав. Я не думаю, что из этого что-то получится.

Я просто в это не верю. Даже если Доминик будет носить джинсы каждый день и ходить по пятницам в «Коршун» он все равно останется Домиником. Как Дэнвер остался Дэнвером, живя среди людей. Конечно, Доминик не Дэн, он не обещает мне бросить собственную стаю или наплевать на то, что на нем оборвется его славный род. Дэнвер не стал счастливым в моем мире, как и мне не будет счастья в мире вервольфов.

Хорошо, что нас прерывает бармен, который ставит на стол «Медведицу» и кружку сидра. Я подвигаю к себе коктейль и делаю первый глоток через трубочку.

— К слову о помощницах, — меняю тему. — О Венере...

— Я могу заменить Венеру, если она тебе не нравится.

— Что?.. Почему?

— Она рассказала мне о встрече с Одри. И о вашем разговоре.

— Любопытно. То есть ты хочешь уволить девушку просто потому, что она мне не нравится? Тогда лучше отправь свою невесту в отставку. Она мне не нравится гораздо больше.

— Ты переступаешь черту, Шарлин. — Его голос становится таким низким, что почти переходит в глухое рычание.

Хорошо. Одри — запретная тема.

— Нет? Тогда не стоит трогать Венеру. Насколько успела узнать, она и так прилично натерпелась от шовинистов.

— Она тебе рассказала? — прищуривается Доминик.

— Только о том, что ты взял ее на работу, когда от нее все отказались.

— Это правда. Ее выгнали из стаи, и я помог ей устроиться.

— Просто так?

— Почему просто так? Венера — лучший ассистент, который у меня когда-либо был. Но если ты о том, был ли у нас секс, то его не было.

— Тогда почему ты решил ее убрать?

— На случай твоих женских сомнений.

Меня едва не пробирает нервный смех. Интересно получается. Одри явно не нравится Венера, но она по-прежнему работает с Домиником, а вот ради меня он готов отправить лучшего ассистента куда подальше.

— Я тебе верю, — говорю я. — Она не в твоём вкусе. Красивая, но милая и послушная. Волчицы в большинстве своём все такие?

— Не все, но их с детства учат во всем слушаться родителей, а затем своего мужа.

— Который может выгнать тебя в любое время. Мило.

— Есть правила для всех. Но в стае все зависит от альфы. Какое он решение примет, то и будет. Венера была не из моей стаи.

— Общие правила? Неужели она, как и Дэнвер, полюбила человека?

— Нет, там другое. До и после замужества волчицы выходят в свет только с родителями, мужем или родственником, иногда в сопровождении охраны. Поэтому им сложно завести роман на стороне. К тому же немногие на это решаются, потому что последствия будут плачевными. Насчет Венеры... Если захочешь узнать правду, спроси у нее сама.

Нас снова прервали, бармен притащил огромное блюдо с закусками. Помню, мы едва мясную тарелку в два раза меньше, но для Доминика это, наверное, всего лишь перекус.

Он кивает на блюдо, и я интересуюсь:

— Ты серьезно?

— Серьезен как никогда.

Я беру колбаску и откусываю.

— Невкусно, — говорю, прожевав. — Можешь отдать все мне.

— Не в этот раз, — усмехается Доминик, пробует ростбиф и озвучивает свой вердикт: — Неплохо.

— Я же говорила!

Впрочем, когда я выбирала «Коршун», не учла, что сюда ходят некоторые постоянные посетители моего магазина. Поэтому я успеваю уже словить парочку приветственных кивков. Хорошо еще никто не решил подойти, познакомиться с моим спутником.

— Ты слишком мало знаешь о вервольфах, Шарлин, — прерывает молчание Доминик. — Почему? Разве Дэн не рассказывал тебе о нас?

— Не рассказывал. Он хотел забыть тех, кто забыл о нем.

— Большое упущение.

— Большое упущение — это когда одолжил десять миллионов у бандитов, а потом не справился с управлением.

Я предпочитаю взять еще одну колбаску и жевать, чем говорить про Дэна. Потому что нельзя так говорить о том, кого уже нет. Но, наверное, у меня не получится все отпустить и забыть, пока я хожу в любовницах у одного альфы, а другой шлет мне цветы и письма.

У Экрота же свое мнение на этот счет.

— Почему ты с ним не развелась?

Я медленно прожевала кусочек, прежде чем ответить:

— Теперь ты переступаешь границы, Доминик.

На меня снова сверкнули взглядом, скулы вервольфа заострились, и я было подумала, что он сейчас рывкнет, что мы уходим. Но черты лица Доминика вдруг смягчились, а губы тронула улыбка.

— Справедливо. Я хочу их убрать.

— Так убери.

Видимо, на меня подействовала «Пьяная медведица», а может, необычность самого факта свидания с ним. Иначе объяснить то, что брякнула, я не могла.

— И что ты хочешь обо мне узнать, Шарлин?

Отвечать «ничего» после того, как сама предложила откровенный разговор, было бы странно.

— Хорошо, — пробормотала я. — Кое-что действительно не дает мне покоя. Почему сейчас?

— Что сейчас?

— Ты предлагал мне стать твоей четыре года назад. На этом все и закончилось. Я думала, что не настолько тебе интересна, но, когда пришла к тебе за помощью, выяснилось, что очень даже интересна. Настолько, что ты готов защищать меня и моих близких. Так что изменилось за это время, Доминик?

Я покрутила бокал в руках, отмечая, что в нем уже осталось меньше половины, и посмотрела вервольфу в глаза.

— Ты стала свободна.

— Свободна?

— По нашим законам именно волчица выбирает себе волка. Партнера и мужа. Четыре года назад ты выбрала Дэна, и я не стал соревноваться с ним за твоё внимание. Когда же ты овдовела, это снова открыло мне дорогу к тебе.

Меня бросило сначала в жар, а потом в холод.

— Звучит так, будто ты собирался со мной встретиться.

— Не только встретиться, Шарлин. Я решил, что ты станешь моей в ту минуту, когда мне сообщили о его гибели.

Он снова улыбнулся, а мне почудилось, что я сама шагнула в капкан.

Одной «Медведицей» здесь не обойтись!

— Ты знал, что я приеду? — Мой голос упал, и будь Доминик человеком, вряд ли бы он расслышал вопрос в шумном баре, но человеком он не был.

— Даже не рассчитывал на это. Твое отношение ко мне я понял в тот вечер, когда узнал о вашей с Дэном помолвке. Ты хотела меня, но не хотела в этом признаваться даже себе. Поэтому я собирался доказать тебе, что ты ошибаешься. Если не тогда, то сейчас.

— Каким образом?

— Свиданиями. Подарками. Словами.

— Я бы не согласилась на свидание с тобой.

Откровенность за откровенность. Но во взгляде вместо яростного золота мелькнуло веселье.

— Это я тоже понял, когда ты меня опередила и приехала ко мне. Не представляю, что делал Дэн, но ты невзлюбила всех вервольфов разом.

— И ты не придумал ничего лучшего, чем заключить эту сделку?

— А ты бы приняла мою помощь просто так?

— Да! — рявкнула я, но под скептическим видом Доминика призналась: — Нет. Я бы тебе заплатила. Деньгами.

— И снова отказала бы мне.

— Да, отказала. У меня вообще мог быть мужчина.

— Тогда бы ты отправилась за помощью к нему, — припечатал он.

— Я по-прежнему могу выбрать другого.

От улыбки вервольфа не осталось и следа.

— Не можешь. Ты уже выбрала меня. Стала моей женщиной, разделила со мной постель. Если ты выберешь еще одного мужчину, это будет означать, что ты колеблешься с выбором, и у меня появится право вызвать его на бой.

Варварство какое-то!

— А если он будет человеком?

В голову почему-то пришел Хантер, но это не обязательно должен быть Хантер. Мне мог понравиться кто угодно.

— Ему же хуже.

Теперь прищуриваюсь я.

— Странные у тебя понятия о свободе, Доминик.

Его ноздри раздуваются, но ярость в глазах тает.

— Почему же? Тебе не понравилось, что со мной хотела познакомиться та девушка, а мне не нравится, когда вокруг тебя вьются другие мужчины. Это инстинкт, Шарлин.

— Но при этом у тебя все равно есть невеста.

«Медведицу» я все равно прикончила, только лед остался, так что пусть волк рычит сколько влезет.

— Это другое, — на удивление мягко отвечает Доминик.

— Для меня нет, — отрезаю я. — Если хочешь знать, последние полгода нашего с Дэнвером брака мы жили отдельно. Я прогнала его из дома, когда мне позвонила его любовница. Прогнала в ту же ночь. Я страшная собственница, поэтому либо мой мужчина будет принадлежать только мне, либо не будет. Но тогда и меня не будет рядом с ним.

Я постучала пальцем по своему бокалу, не позволяя ему ответить.

— Значит, это Одри тебя выбрала?

По лицу вервольфа было заметно, что он снова недоволен сменой темы, но по-прежнему сдерживает порыв взвалить меня на плечо и унести отсюда. Поэтому просто заказывает мне еще один коктейль.

— Я сделал ей предложение, и она его приняла.

— А могла отказаться?

— Могла. Одри — любимая племянница альфы Конелла, одного из старейшин.

Как бы мало ни рассказывал мне Дэн о вервольфах, про старейшин я знала. Это самые старые и благородные альфы из всех и которые обладают правом судить остальных альф, когда те нарушают закон. Поэтому Одри — завидная невеста. Недурно!

— Значит, это что-то вроде политического брака?

— Это и есть политический брак. Она об этом знает и хочет стать женой сильного альфы.

И управлять им. Но это мелочи. Насколько я помню, Одри не клялась в любви к Доминику. Не уверена, что такие вот стервы вообще способны любить.

Но он сам такую выбрал.

— А чего хочешь ты?

— Хочу, чтобы моя стая была самой благополучной. Чтобы мои вервольфы и волчицы ни в чем не нуждались. Чтобы никто не покушался на мою территорию.

Откровенно.

Очень.

Я даже про коктейль забыла, подавшись вперед.

— Брак с волчицей это гарантирует?

— Нет, — криво усмехается Доминик. — Это все зависит лишь от меня. Но у альфы обязательно должна быть жена — такое условие ставят старейшины. Иначе мне снова придется отстаивать свое право быть вожаком. В битве. Как я делаю уже два года.

О чем-то подобном он упоминал, когда рассказывал про самопровозглашенных альф. Кажется, там говорилось про официальные и неофициальные вызовы, но тогда я не заострила на этом свое внимание.

— То есть ты сражаешься...

— Со всеми, кто решит бросить мне вызов. Но только одну ночь в году.

— И сколько их обычно?

— В прошлом году было четырнадцать.

— Четырнадцать на одного?!

Четырнадцать хищников. Зверей. Волков.

Видимо, у меня был тот еще вид, если Доминик снова развеселился.

— Стать альфой — значит возложить на себя огромную ответственность, Шарлин. А я еще и самый молодой альфа за последнюю сотню лет.

— С тебя другой спрос?

— Вроде того.

Я не заметила, как вместо коктейля втягиваю талую воду, а «Пьяная медведица» снова испарилась из моего бокала. Задумчиво облизала губы и поинтересовалась:

— Наличие жены освобождает тебя от вызовов?

— Не совсем. Но вызвать на бой меня смогут только раз в три года и лишь один вервольф. Кто это будет — тоже решают старейшины. До меня альфой стаи был мой дядя, он был не очень хорошим вожаком и не очень хорошим вервольфом. Его гораздо больше волновало собственное благополучие. Но он был сильным и всегда выходил победителем в битве, пока не проиграл.

Привкус «Медведицы» начинает горчить на языке.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — интересуюсь я. — Чтобы я поняла, как тебе важно жениться на волчице? Так тебе не нужно меня убеждать. Мне от тебя другое нужно.

Доминик темнеет лицом, а в глазах снова зажигаются желтые искры.

Только нас прерывает появление прима Корса, соседа моих родителей.

— Чарли! Какими судьбами?

Приходится поздороваться, представить Доминика и отказаться от приглашения пересесть за стол побольше, присоединившись к компании отмечающих пятницу.

— Спасибо, но мы уже уходим, — говорит вервольф. Он вежлив и даже улыбается. Впрочем, стоит нам вынырнуть из теплого бара в холодные сумерки улицы, его улыбка тает. Как мокрый снег, который сейчас сыпется с неба и исчезает из виду, достигая мостовой.

Я плотнее запахиваю пальто и жалею, что перчатки остались в моей квартире, но до автомобиля Доминика не так далеко. К тому же вервольф берет меня за руку и сжимает мою ладонь в своей. Сжимает так, что это напоминает тиски. Бойтся, что убегу?

Мы останавливаемся возле машины, но вместо того, чтобы открыть передо мной двери, Доминик притягивает меня к себе. Сгребает в свои объятия, и меня бросает из холода в жар. Мое тело тут же откликается на тепло.

— Я решил жениться на Одри до того, как ты снова появилась в моей жизни.

Признание настолько неожиданное, что я даже не пытаюсь высвободиться.

— И что изменилось сейчас? — спрашиваю как можно более равнодушно.

— Всё.

Ну нет, ничего не изменилось. И я хочу, чтобы так дальше и было. Чтобы Доминик был подальше от меня.

— Я могу не жениться.

Что?

У меня перехватывает дыхание, а глаза по ощущениям сейчас стали круглыми-круглыми.

— И сражаться с вервольфами каждый год?

— Да.

— Зачем тебе это?

— Я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Если тебя не устраивают подобные традиции, пусть будет так.

Видимо, моя «Медведица» была совсем пьяная, потому что меня вдруг берет злость на него.

— Почему же ты не обещаешь жениться на мне? — почти рычу я. — Или бросить стаю? Дэн был более романтичным вервольфом.

— Это не сделало тебя счастливой.

И Дэнвера тоже.

Я отталкиваю Доминика:

— А тебе откуда знать, что сделает меня счастливой?

— Так скажи мне, Шарлин, — цедит он. — Скажи, что тебе нужно.

— Тебя я точно не хочу!

Движения Доминика слишком быстры, чтобы я могла уловить их: поэтому у меня не получается увернуться от поцелуя и от того, как сталкиваются наши тела, как тесно прижимает он меня к себе. Он целует меня властно, будто старается подавить мою волю, и вместе с тем нежно. Так, что мне становится плевать и на холод, и на снег. В груди словно вспыхивает пожар, который совершенно точно не должен там вспыхивать. Я с рычанием подаюсь вперед, целуя его в ответ, хочется скользнуть ладонями под рубашку, чтобы почувствовать его сильнее. И чтобы этот поцелуй длился вечно.

Доминик отстраняется также резко.

Оглушенная собственными чувствами, я не сразу нахожусь с ответом. А когда уже нахожусь, передо мной открывают двери автомобиля.

— Садись в машину, Шарлин.

ГЛАВА 9

Эту ночь я провожу в той же комнате, а Доминик уходит к себе. Провожу — именно то слово, которое полностью характеризует время до рассвета, потому что уснуть у меня не получается. А не сплю я из-за того, что продолжаю прокручивать в голове прошедший вечер.

Наше свидание.

Слова Доминика.

И разбирать по кирпичикам собственные чувства.

Если раньше я была уверена в них и в том, что делаю, то крутой виток в жизни пошатнул мою веру. Теперь я уже ни в чем не уверена.

Я могу не жениться.

То есть все так просто? Мне нужно только его попросить. Будто это что-то изменит.

Доминик по-прежнему останется вервольфом, а я человеком. Но я и так слишком часто это повторяю. Себе. Ему.

Он спросил, что мне нужно, и я осознала, что запуталась. Речь не о том, чтобы разобраться с проблемами, которые свалились на меня благодаря бывшему мужу. А о том, чего я хочу от жизни. Когда я выходила за Дэна, я не думала о будущем, оно мне казалось далеким. Казалось, что вместе мы со всем справимся, все решим. Но, наверное, мы все-таки оба получили не совсем то, о чем мечтали, и продолжали жить в параллельных друг другу мирах.

Прошлой мне было достаточно классного секса и признаний в любви. Слов, что ради меня перевернут весь мир. А нынешней... Нынешней хотелось тепла, домашнего уюта, взаимной заботы, совместных воскресных завтраков и детского смеха. Да, сейчас мне хотелось детей, а может, всегда хотелось. Но у человека и вервольфа общих детей никогда не будет.

Так что, что бы Доминик там ни думал, я не желаю наступать снова на те же грабли. Не хочу даже рассматривать вероятность отношений с вервольфом. Будь это он или кто-то другой.

Но сколько бы я ему об этом ни говорила, Доминик отказывался меня слушать. Хотя и слов любви, в отличие от Дэнера, не говорил. Он хотел, чтобы я осталась с ним в качестве подружки, и просто хотел. Ему было наплевать, что со мной сложно. Что каждый раз я ему отказываю.

Я считала, что ему быстро надоест моя недоступность. Или быстро надоест, что он получил все, что хотел.

Но нет, он раз за разом говорил, что я стану его.

Он не любит меня. Он словно мною одержим. А я...

Я при всех этих правильных мыслях не могу противиться своему влечению к нему.

К нему? Или к вервольфам?

Что, если это работает в обе стороны?

Под утро эта мысль показалась мне донельзя идиотской. Когда мозг устает настолько, что в голову приходит реальный бред. Но чем больше я об этом думала, тем больше убеждалась в том, что здоровое зерно в моем предположении есть.

Во-первых, я никогда не была роковой женщиной. Той, в которую влюбляются все мужчины, умудрившиеся попасть под ее обаяние. Да и внешность у меня вполне заурядная. Я молчу про то, что мужчинам обычно нравились такие милые и послушные девушки, как Венера, которых нужно защищать. Мой же характер полностью оправдывал мужское имя: я предпочитала заботиться о близких сама и редко позволяла заботиться о себе. Поэтому то, что мною увлеклись сразу два вервольфа, было странным и непонятным.

Увлеклись настолько, что один полностью отказался от прежней жизни, а второй хочет изменить собственным правилам и планам.

Во-вторых, я успела узнать Доминика. И более прагматичного, полагающегося на собственный разум мужчину я, пожалуй, не встречала. Он настоящий альфа до мозга костей, и его одержимость человеческой женщиной не вписывается в этот образ.

В-третьих, запах. Дэну нравился мой запах. Доминик тоже часто его упоминал. И даже шестерке самопровозглашенного альфы он понравился. Помню, он даже предлагал все решить на месте.

Может, дело в этом?

В особенном аромате.

Стоило додуматься до этой мысли, как мне вспомнилась история, рассказанная Хантером. Что все альфы переругались и передрались из-за одной женщины.

Эта мысль настолько засела в моем сознании, что ни о чем другом я больше не могла думать. Ни о том, что утром я не застала Доминика. Ни о том, что вчера он снова не потребовал с меня выполнение сделки, хотя я не была против. Ни даже о том, что теперь живу вместе с ним в одном доме. А дорога из Мэнтон-Бэй вовсе показалась мне короткой, потому что я летела на работу.

Можно было покопаться в старинных и не очень книгах, к счастью, таких в моем магазине было много. Но что-то мне подсказывало, что копать я буду очень долго. Тем более что я толком не знала, что именно и где искать. Поэтому я выбрала второй вариант — спросить у эксперта. Поэтому, приехав на работу, первым делом позвонила Хантеру:

— Привет. Это Чарли Мэдисон. Из букинистического магазина.

— Очень рад вас снова услышать, Чарли. — Я и забыла, какой у Хантера глубокий голос. Такой же необычный, как он сам. — Как продвигается работа над романом?

— Я написала еще несколько глав. Это почти половина книги.

— Ничего себе! Я бы хотел ее прочитать.

— Половину? — подвисаю я и зачем-то предлагаю: — Я могу выслать файл в любое время.

— Буду счастлив. — Теперь в его голосе мне слышится улыбка.

— Я вообще-то не поэтому звоню! Хочу вас кое о чем спросить.

— Слушаю вас.

— Это касается той истории, о которой вы мне рассказывали, — спешу уточнить. — О Багровой ночи. Мне бы очень хотелось узнать подробности. Может, у вас есть какие-то записи об этом? Спать не могу, как интересно.

Хантер смеется.

— Если вы делитесь со мной своей книгой, справедливо если я поделюсь с вами своей, Чарли. К сожалению, пока что это только наброски, большая часть у меня в голове. Но мы можем снова встретиться и обсудить все, что вас интересует.

— Вы можете приехать в мой магазин. Сегодня я работаю до шести. Или в любой другой день.

Конечно, я понимала, что у Хантера на субботний вечер могут быть планы, но еще понимала, что меня разорвет от любопытства, если мы не встретимся именно сегодня.

— Я буду у вас в половине шестого, — обещает он. — Надеюсь, на этот раз вы не откажетесь от кофе.

А я понимаю, что не откажусь.

На этот раз просто не могу отказаться.

Потому что это не телефонный разговор, а у меня к нему действительно много вопросов.

Суббота пролетает чуть ли не быстрее пятницы. Я отправляю Хантеру файл с романом, расспрашиваю Рэбел про выходной, рассказываю, что была в «Коршуне», и, конечно, весь день помогаю покупателям с выбором книжных подарков.

— Помощники очень в тему, — подмигивает мне Рэбел.

Ну да, двое вервольфов, которых привела с собой Венера, тоже с утра в магазине. Они теперь каждый день выполняют мелкие поручения, к примеру, достать какую-то книгу без помощи стремянки или перенести коробки с заказами, и еще ни слова не сказали против. Рэбел считает, что это приятный бонус от Доминика, но я знаю, что это не так. Они мои телохранители, и после того, как в мою квартиру проник незнакомец, я даже не против. Это удивляет меня саму, но я понимаю,

что есть ущемление свободы, а есть просто здравый смысл. Вот как раз последний за то, что альфа должен соблюдать нашу сделку, даже если предпочитает ночевать у себя.

Когда ближе к закрытию в магазин заглядывает вервольф, который забирал меня из квартиры в тот странный вечер, я только убеждаюсь в своей правоте. То, как он переговаривается со своими подчиненными, как держится, доказывает и мое предположение, что он занимает не последнее место рядом с Домиником. Внешность у него обычная для вервольфа, а вот взгляд — более пристальный, изучающий.

— Оуэн Брайс, — представляется он, подойдя ко мне.

Я, конечно, знала, что в стае Доминика много Брайсов и Экротов, но была не готова такому повороту. Тем более что с моим мужем у вервольфа сходства нет.

— Вы родственник Дэнвера?

— Мы были кузенами, но практически не общались.

— Соболезную.

— Я вам тоже, — говорит вервольф. — Мне приказано отвезти вас домой, прима Брайс.

Мое сердце радостно екает.

— Ко мне?

— Нет, в дом прима Экрота. После закрытия магазина.

Ну да, куда же еще?

— У меня еще встреча, в кофейне напротив. Так что можете подождать в магазине, а потом поедем вместе.

Оуэн смотрит на меня так, будто я сказала чушь. Впрочем, озвучить свою мысль он не успевает, в магазине появляется Хантер. Он переступает порог книжного ровно в половине шестого, будто стоял на крыльце и сверял время. Впрочем, такое вполне могло случиться, потому что, стоит ему подойти ближе, до меня снова доносится аромат сигарет. И не только до меня: Оуэн морщится. Но, к счастью, вижу это только я.

— Добрый вечер, Чарли! — по-мальчишески широко улыбается Хантер. — Вы готовы?

— Почти, — отвечаю я, но тут между мной и историком становится Оуэн. И это почти то же самое, что шкаф.

Впрочем, наличие телохранителя не мешает историку сложить руки на груди, перевести строгий взгляд с меня на вервольфа и поинтересоваться:

— Все в порядке?

Мне почему-то подумалось, что именно так он смотрит на студентов-прогульщиков.

— Да. — Я выдавливаю из себя улыбку. — Можете подождать пять минут?

— Конечно.

Хантер тут же направляется к родным шкафам по истории, а я хватаю Оуэна за локоть и отвожу его в сторону.

— Что не так?

— Никаких встреч, — чеканит он. — Это слово альфы.

Мне хочется выругаться. Абсолютно не по-женски. Что я там думала, что мне стало плевать на свободу? Хрень думала!

— Это сугубо деловая встреча, а работать мне альфа не запрещал.

— Вам нельзя встречаться с Хантером Бичэм.

— Что?! — я готова шипеть. — Это еще почему?

— Ради вашей безопасности. Вы познакомились с ним недавно, а значит, он может работать на Кампалу.

Это меня отрезвляет. Немного.

— Но он... Человек?

— Человек, — подтверждает Оуэн.

Хватает одного взгляда на безобидного историка, чтобы меня снова накрыло раздражением.

— Вы его проверяли?

— Мы проверяем все ваше окружение, прима Брайс. Особенно тех, с кем вы недавно познакомились.

— Не скажу, что счастлива этому факту. Но если он человек, то почему я не могу обсудить с ним деловой вопрос?

— Курьер, который оставил цветы в вашей квартире, тоже был человеком.

Правда. Я могла отказаться, хотя и выглядела бы глупо. Могла вообще сидеть в домике альфы безвылазно и ждать, когда он разрулит мои проблемы. Могла, но не стану.

Потому что мне нужны эти ответы.

— Как хотите, но эту встречу я не пропущу.

— Тогда я иду с вами.

От такого заявления у меня отвисла челюсть.

— Что значит «идете со мной»? Как вы себе это представляете? Сядете с нами за столик?

— Нет, за соседний. Но мы будем рядом.

Ну и зачем мне лишние вервольфовские уши?

Я поборола желание треснуть ладонью по лбу. По-своему. Но в идеале по лбу Оуэна. Кажется, он это понял, потому что предложил:

— Представьте меня как своего телохранителя.

— Странно было бы, если бы я представила вас своим парнем.

Мне совершенно не хотелось, чтобы Оуэн докладывал Доминику о том, о чем я собираюсь говорить с Хантером, но выбора у меня особо не было. Впрочем, сомневаюсь, что книги и история — тема для доклада.

— Ладно, — киваю. — Но садитесь за три столика от нас.

Может, если он будет далеко...

— Я все равно все услышу.

На этом я посчитала наш диалог исчерпанным. Либо я отменяю кофе, либо соглашаюсь на то, чтобы чувствовать себя кинозвездой, у которой охраны больше, чем наград за роли в фильмах. Поэтому я выбрала второй вариант.

Как ни странно, Хантер к сопровождению отнесся нормально. Сразу согласился, хотя в глубине необычных глаз я на мгновение уловила легкое разочарование, которое, впрочем, он сразу спрятал за улыбкой. Хотя я бы, наверное, тоже разочаровалась, если бы за ним везде ходила толпа девиц.

Я попрощалась с Рэбел, и мы переместились в кофейню неподалеку. Мне она нравилась за вкусный кофе и завтраки, но вечером здесь тоже было чем перекусить. Оуэн и один из помощников в магазине заняли столик поближе к двери, а мы с Хантером сели за тот, что в углу, под бра со множеством миниатюрных лампочек. В общем, я выбрала место как можно дальше от вервольфов.

— Я еще раз прошу прощения за задержку и за то, что приходится общаться вот так, — сказала я, когда мы наконец-то разместились и стали изучать меню.

— Чарли, вы не должны мне ничего объяснять. Если вы наняли этих людей, значит, были на то причины. Давайте не будем мешать им выполнять свою работу.

Я отложила меню в сторону, все равно знала его наизусть и уже выбрала, что хочу.

— Как это у вас получается?

— Что именно? — приподнял брови Хантер.

— Не заморачиваться.

И держать лицо. Последнее я не озвучила, но поняла, что это именно так. Чувство было такое, что Хантер все-таки не пофигист, он просто виртуозно прячет свои эмоции за стеклами очков и за красивой улыбкой. Вот как сейчас!

— Это навык, приобретенный с профессией. Преподаю я недолго, но среди моих студентов попадают самые разные персонажи. Если стану каждый раз заморачиваться, то заработаю психоз. Только не берите на свой счет, пожалуйста!

Меня пробирает смех.

— Возьму обязательно. Теперь я по крайней мере знаю, что у вас есть недостатки.

— У меня их много, но я с ними работаю, — совершенно серьезно заявляет Хантер, хотя снова все «портит» улыбкой. — Кстати, я прочитал начало книги.

— Пару страниц?

— Все, что было.

Ничего себе!

— Уже?

— Я быстро читаю. К тому же сегодня у меня был тест. Моя группа может сказать вам спасибо, Чарли. Я так увлекся, что забыл следить, чтобы не списывали.

У меня не получается сдержать улыбку.

— Вам правда понравилось?

— Настолько, что просто требую от вас продолжение! В конце концов, мне просто жизненно необходимо узнать, кто все-таки убивает этих несчастных. И какую цель преследует.

— Не верите, что это случайные жертвы?

— Точно нет. Я целиком солидарен с детективом Майлзом и уверен, что убийца — один из жителей Крамелхилза.

— Кроме вас этот роман читал только мой отец. До сих пор при встрече требует назвать имя злодея.

— А вы молчите?

— Конечно! Худшее, что можно сделать для читателя детектива, — сразу рассказать, кто убийца.

Заказ здесь приносят быстро: рыбный сэндвич для меня, мясо с картошкой — для Хантера.

— Так о чем вы хотели спросить? — интересуется он.

Этот вопрос я жду, за день успела придумать объяснение, зачем мне это нужно.

— Ваш рассказ о Багровой ночи меня вдохновил на еще один сюжет. О вервольфах и о той девушке, из-за которой, как вы считаете, они перебили друг друга. Но мне хотелось бы понять, что в ней было особенного.

Сейчас я понимала, что это лучшее объяснение и для Оуэна тоже. Он вполне может решить, что мы всего лишь обсуждаем мою книгу, и ничего не заподозрить.

— Я о том, что меня интересует этот феномен, а не сама Багровая ночь. Чтобы вы не подумали, что я пытаюсь украсть у вас тему для книги!

— Это будет сложно сделать, — усмехнулся Хантер. — Мы с вами работаем в разных жанрах. Хотя некоторые мои коллеги называют меня фантастом.

— Так что в ней было особенного, в этой девушке? У вас есть предположения?

— И не только.

Я приподняла брови, а Хантер после театральной паузы продолжил:

— Считается, что у пары вервольфа и человека не может быть детей. Это общеизвестный факт. И это действительно так. Но что, если та девушка не была человеком?

— То есть она была вервольфом?

— Нет. Будь она вервольфом, все было бы гораздо проще. Да и помните: люди отправили альфам прекрасных человеческих дев. К сожалению, я историк, а не генетик, но для тех альф одна дева точно обладала особенной ценностью. И насколько мне известно, у вервольфов все замешено на звериных инстинктах, то есть на потомстве.

— То есть она могла...

— Произвести на свет сильных и здоровых детей. Альф в перспективе.

У меня похолодели ладони и стало резко не до сэндвича, к которому я так и не притронулась.

Бесы!

Если предположить, что я такая же — женщина, которая может забеременеть от вервольфа, то заниматься сексом с Домиником мне никак нельзя. По крайней мере незащищенным! Хотя, стоп. Я же была замужем за Дэнвером, и за годы совместной жизни детей у нас не случилось. Или это правило только на альф распространяется? Правда, еще есть вероятность, что моя проблема не имеет никакого отношения к той истории.

— Пойдите. Если все так, как вы говорите, зачем они за нее сражались? — поинтересовалась я. Поинтересовалась и прикусила язык, вспомнив слова Доминика.

Если ты выберешь еще одного мужчину, это будет означать, что ты колеблешься с выбором, и у меня появится право вызвать его на бой.

Безымянная девушка могла вовсе никого не выбрать. Либо, что вероятнее для тех времен, ее никто не спрашивал.

— Делили, — подтверждает мои мысли Хантер. — Я же говорю, в них много звериного. Вот и сражались за трофей.

Как это похоже на альф.

— Хорошо, — пробормотала я и все-таки откусила кусочек сэндвича. — А как они могли это определить? Что вот она такая нужная им.

Глаза за стеклами очков насмешливо сверкнули, и я почувствовала себя студенткой на лекции умудренного опытом профессора.

— По запаху, Чарли. Вервольфы очень сильно полагаются на свое обоняние. Так они распознают подходящих им партнеров. Но есть еще кое-что.

Хантер подался вперед, и мне пришлось сделать то же самое.

— Что?

— Звериное чутье. Люди называют это интуицией, а для вервольфов это не фантастика. Слышали об истинных парах?

— Читала, — кивнула я. — Я училась на филологическом, «Сказание о Руфусе и Ирине» мы проходили на втором курсе. Одна из самых романтических историй.

— Они были реально существовавшими историческими персонами, но официальная наука отказывается принимать тот факт, что Руфус сумел найти свою возлюбленную только с помощью чутья. Как бы его враги ни пытались ее прятать в окруженной цветами армитруций крепости. Его к ней влекло. — Взгляд Хантера скользнул по моим губам, но он тут же будто опомнился и откинулся на спинку стула. — Я опять увлекся. Мы говорили не про истинных, а про пару человека и вервольфа. В общем, это интересно. Если решите написать роман о такой женщине, с удовольствием его прочту.

— Сначала допишу этот.

Я достаточно узнала, есть над чем подумать, так что сменила тему на литературные вкусы. Хантер, судя по всему, был не против, и мы достаточно интересно общались.

До тех пор, пока к нам не подошел Оуэн.

— Прима Брайс, — произнес он, — у вас через час назначена встреча. Вы просили напомнить.

Хорошо не сказал: «Доминик желает вас видеть», но пришлось держать лицо кирпичом и извиняться перед Хантером, который на этот раз выглядел по-настоящему раздосадованным.

— Тогда с вас новые главы и еще одна встреча, Чарли.

— Обещаю!

Я ничего не сказала Оуэну, когда мы вышли из кафе. Да и смысл? Он выполняет приказы. Так что говорить нужно с Домиником. И меня просто разрывало от желания высказать ему все!

К счастью, меня привезли в Мантон-Бэй, а не в отель, и в холле меня встречал сам альфа. Со сложенными на груди руками и звериным прищуром на лице.

— Что это значит, Шарлин?

— Хотела спросить то же самое.

— Ты ужинала с другим мужчиной.

— Пила кофе, — поправила я, так же, как и он, скрестив руки. — В компании своего знакомого и твоих вервольфов. Тебе разве не доложили, что все было более чем целомудренно?

Судя по нахмуренным бровям, доложили, и прицепиться не к чему.

— Кстати, о вервольфах, Доминик. Это уже перебор. Не станут же на меня нападать в общественном месте?

— Ты не должна рисковать собой, пока я не решу эту проблему.

— И когда ты ее решишь? Ответь. Мне кажется, что тебе выгодно ее не решать.

Мы впились друг в друга взглядами. Мой — испытующий, а его — злой. Тем неожиданнее было, когда Доминик шагнул ко мне и привлек в свои объятия.

— Две недели.

— Что?

— Дай мне пару недель, Шарлин.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Кампала назначил мне встречу.

Я мигом забываю обо всем, что хотела сказать, и переспрашиваю:

— Через две недели? Почему именно через две недели?

— Бесы его знают почему.

Доминик вдыхает запах моих волос, и от этого привычного жеста мне становится тепло. Только сейчас осознаю, что после новости про самопровозглашенного альфу все у меня внутри застыло, а вот объятия были согревающими. Защищающими.

Две недели. Это много или мало?

— Все равно хорошая новость, — говорю я.

Доминик проводит ладонью по моей спине.

— У меня есть две недели, чтобы убедить тебя остаться.

— Ты же знаешь, что это вряд ли. — Я отстраняюсь, и он мрачнеет, сжимает губы в тонкую линию.

— Зачем ты виделась с Хантером Бичэмом?

Интересно. Ему Оуэн ничего не рассказал? Или Доминик так сверяет показания?

— Он пишет книгу о вервольфах.

— Если хочешь узнать что-либо о вервольфах, можешь спросить у меня.

— И ты мне ответишь?

— На любой вопрос.

Я приподнимаю брови и говорю первое, что приходит в голову:

— Тогда расскажи, что чувствуешь, когда принимаешь обличье зверя.

— Об этом Дэнвер тоже не говорил?

— Нет.

Я все больше понимаю, что практически не знала мужа. Он не пускал меня в собственный мир, а в моем ему было слишком тесно.

— Мы можем сделать кое-что получше, — предлагает Доминик. — Я покажу тебе, как становлюсь волком.

Учитывая, что у нас был секс, а еще мы спим в соседних спальнях, его слова и тон звучат необычайно интимно. Будто вервольф предлагает мне подсмотреть за чем-то совершенно непристойным. И в первое мгновение мне хочется отказаться, но он все «портит», добавив:

— Если ты, конечно, не испугаешься.

Вот теперь, если откажусь, буду выглядеть трусихой!

— Снова хочешь развести меня на слабо?

Он широко улыбается, а во взгляде знакомый вызов.

— С тобой иначе не получается, Шарлин. Все время приходится держать ухо востро.

— Как это по-волчьи! — смеюсь я.

— Я и есть волк.

— Что правда, то правда. — Я прикусываю нижнюю губу и делаю вид, что раздумываю. Потому что уже все решила: любопытство полностью поглотило здравый смысл. — Так в чем подвох?

— После того, как приму человеческий облик, мною все равно будут владеть звериные инстинкты.

— Захочешь откусить от меня кусочек?

— Вроде того.

От его многообещающего взгляда по телу проносится жаркая волна, так что сразу понятно, что волка Доминика я интересую не с точки зрения гастрономии. Готова ли я тоже поддаться инстинктам? Все во мне шепчет «да». Только мозг напоминает, что еще ничего не понятно с темой той девушки, из-за которой передрались сильнейшие альфы. Пусть даже это всего лишь предположение одного историка.

Но мой опыт с Дэном все-таки говорит об обратном. Да и тот же Оуэн реагировал на меня нормально. С чего я вообще решила, что я особенная?

— Хорошо, я согласна.

— Тогда оденься потеплее.

— Теплее?

— Мы пойдем на пляж. Когда перекинусь, мне понадобится много пространства.

Поворачивать назад я не хочу, поэтому поднимаюсь в гардеробную и радуюсь, что у меня есть джинсы и свитер: на побережье в это время года совсем не жарко. Сверху надеваю пальто и застегиваю его на все пуговицы. Когда спускаюсь в холл, Доминик ждет меня на том же месте. В отличие от меня он не оделся, наоборот — стянул пиджак и отбросил его в кресло.

— А ты разве не оденешься?

— Это лишнее, — усмехается он, и до меня доходит, что сказала глупость. — Мне практически не бывает холодно.

— Даже, когда ты в человеческом облике?

— Да. Сейчас у меня не настолько острое зрение или слух, как у моего зверя, но с обонянием и выносливостью полный порядок.

Мы выходим из дома через задний двор, проходим мимо бассейна, накрытого брезентом, и покидаем территорию дома через небольшие ворота, ведущие на песчаный пляж. Здесь до моря рукой подать, но я ежусь от близости воды и сырого пронизывающего ветра. Шапка сейчас бы здорово пригодилась.

— И в какой ипостаси тебе лучше? — спрашиваю я, когда мы отходим на приличное расстояние от дома. Сейчас отлив, и пляж кажется просто гигантским. Настолько, что до кромки воды почти не достаёт свет из окон особняков.

— Разницы нет.

— Но не хочется подольше оставаться зверем?

— Когда я был подростком, то мог несколько месяцев ходить волком и общаться с остальными с помощью воя и рычания. Деда это здорово раздражало.

— Шутишь?

— Ни капли. Но с тех пор стараюсь так не делать. Очень сложно было заново привыкать есть вилкой и не облизывать тарелку.

Я смотрю на него с недоверием, на мгновение даже о холоде забываю. Пытаюсь представить облизывающего посуду Доминика — и не могу. Только когда он начинает смеяться, понимаю, что меня разыгрывают.

— Как тебе не стыдно! А ещё предлагаешь рассказать о вервольфах!

— Так я и рассказываю.

— Хорошо. С волком все понятно, а что насчёт человека? Можно же все время оставаться мужчиной.

— Можно, но, если зверя долго сдерживать, ни к чему хорошему это не приводит. Поэтому иногда нужно его отпускать.

Доминик отвечает не задумываясь, будто рассказывает о своем волке каждый день. Дэнвера подобные разговоры бесили, он тут же все пресекал. Но кажется, мне пора перестать их сравнивать.

— И давно ты его отпускал?

— Давно.

В эту минуту я задумалась, что сейчас останусь на безлюдном пляже один на один с диким хищником. И мурашки по спине побежали уже не от ветра.

Доминик тем временем остановился и принялся раздеваться.

— А это безопасно? — буднично поинтересовалась я, отвернувшись в сторону приюта. — В смысле, ты будешь собой?

— Я стану зверем, Шарлин, и дам ему свободу. Но тебя он не тронет, разве что немного поиграет. Смотри!

Я обернулась, чтобы спросить: «Что значит поиграет?» но увидела, что полностью обнаженный Доминик опустился на песок и его тело выгнулось, будто от короткой судороги. В одно мгновение кожа покрылась молочного цвета густой шерстью, ладони превратились в лапы, и острые когти сгребли влажный под ними песок. Человеческое лицо вытянулось в звериную пасть с огромными клыками, и только глаза остались прежними. Желтыми и опасными.

Я не успела выдохнуть, как передо мной стоял гигантский волк, с сильным телом и мощными лапами.

Белый и пушистый, значит?

Белоснежный зверь зарычал, а потом прыгнул вперед и повалил меня на песок.

Я не закричала только потому, что из меня вышибло дыхание. От падения, и от животного страха, что чудовище, поставившее гигантские лапы по обе стороны от моей головы, просто меня сожрет. Он же крупнее всех вервольфов, которых я видела! И давно сидел взаперти.

Я всегда считала, что вервольфы контролируют себя в другой ипостаси. Но что, если это не так?

— Доминик? — поинтересовалась я, вглядываясь в умные глаза. — Ты меня слышишь?

Звериная морда нависла надо мной, волк угрожающе клацнул зубами возле моего лица, а затем лизнул меня в нос влажным и шершавым языком. В нос, в щеку, а потом принялся облизывать лицо целиком, как большой пес.

Поиграть, значит?

Ах ты, белый бесстыжий хвост! Напугать меня решил!

Я вытянула руки и отпихнула волка в сторону:

— Доминик, фу! Плохой волк!

Зверь недовольно рыкнул и не позволил мне подняться, валяя по песку и забираясь носом под пальто.

— Доминик, перестань! — теперь рыкнула на него я. — Или ты предпочитаешь, чтобы тебя называли Дом? Или Домми? Домми — хороший волк?

В ответ донесся новый недовольный рык, зверь демонстративно от меня отвернулся, и мне наконец-то удалось сесть и рассмотреть его. В лунном свете белая шерсть переливалась будто серебро и казалась холодной, как снег. А вот морда сейчас ничуть не была угрожающей, он просто следил за каждым моим движением. Теперь, когда первое впечатление от знакомства схлынуло, мне понравилось его разглядывать.

— Ты красивый, — признала я, а затем протянула к нему руку: — Можно?

Доминик повернулся и подставил голову под мою руку. Я сначала осторожно провела кончиками пальцев от макушки до крупного носа, а потом осмелела, привстала на колени и зарылась пальцами в волчью шерсть. Она оказалась густой и жесткой, но все равно очень приятной на ощупь. Мне вообще Доминик таким нравился. Особенно, когда не клацал зубами возле моего лица.

— И вовсе не пушистый, — добавила я.

В голове не укладывалось, что вот этот зверь и мужчина, из-за которого перевернулась вся моя спокойная жизнь, — один и тот же вервольф. Это было так странно и необычно, и меня внезапно охватил восторг.

— Ты хотел поиграть? — поинтересовалась, поднимаясь. — Так давай играть!

И первая бросилась к кромке воды. Естественно, меня догнали, обогнали и преградили мне путь. Тогда я резко развернулась и побежала в другую сторону. Волк снова быстро настиг меня, потершись боком.

— Теперь ты! — предложила я и погналась за ним, пробежав метров триста, прежде чем ухватила за белый хвост. Дыхание срывалось, а сердце рвалось из груди, но я смеялась. По сути, мне давно не было так весело.

Мы сделали еще несколько кругов по пляжу, прежде чем Доминик упал на песок, а я рухнула сверху, устраиваясь на огромном волке, как на подушке.

— Видишь, какая огромная польза от кроссовок, — выдохнула я. — На шпильках я бы вряд ли за тобой угналась.

В ответ на меня вновь рыкнули.

— Знаю-знаю, ты любишь девушек на шпильках.

Меня тут же лизнули в ладонь.

— Хорошо! Любишь, когда я на шпильках.

Лежать на большом звере и смотреть на холодные звезды было... Я даже не могла подобрать слово,

чтобы описать, насколько мне сейчас хорошо и спокойно. Впервые так спокойно рядом с Домиником. Словно я находилась именно там, где должна. Даже холод не мешал наслаждаться этой ночью.

— Пожалуй, это лучшее свидание в моей жизни. Правда! Даже не думала, что однажды скажу это волку.

Хотя если вспомнить мое притяжение к вервольфам и притяжение вервольфов ко мне, наверное, ничего странного в этом нет.

Доминик принял человеческий облик так неожиданно, что я не успела до конца насладиться мгновением: только что утопала в мягкой шерсти и уже лежу на обнаженном мужчине. Совершенно обнаженном и очень возбужденном — потому что мне в ягодицы явственно упирается тот самый обещанный «подвох».

— Если бы я знал, что тебе так понравится моя звериная ипостась, — хрипло, по-звериному шепчет Доминик мне на ухо, — то перекинулся бы в первый день.

— Тогда бы я с криком выбежала из твоего кабинета, — усмехаюсь я.

— Ты бы не убежала.

Вервольф обнимает меня за талию, дыханием согревает мою щеку.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты тоже альфа, Шарлин. Маленькая, но альфа. Это мне в тебе и нравится. Всегда нравилось.

От его слов в груди разлилось тепло, причем это было настолько светлое, щемящее чувство, что я тут же попыталась перевести все в шутку:

— А я всегда думала, что нравлюсь тебе за другое. — Я поерзала и ахнула, когда Доминик подхватил меня на руки и поднялся.

— И за это тоже, — кивнул он, наградив меня таким многообещающим взглядом, что стало так жарко, будто я дала еще один круг по пляжу. — Помнишь, что я тебе обещал?

— О таком забудешь! Но мы же не будем делать это на пляже?

— Не в это время года, моя маленькая альфа.

Это прозвучало так интимно, что у меня просто не нашлось слов, чтобы возразить. Я только спрятала улыбку, уткнувшись носом в его плечо.

Вервольф быстро направился к дому, так и не опустив меня на песок.

— А одежда? — вспомнила я.

— Плевать на нее.

Действительно, плевать.

Доминик обещал, что после принятия звериного облика его инстинкт размножения обострится, но, кажется, это передалось и мне. А может, дело было в его близости. Или в запахе, который действовал на меня одуряюще. Потому что я начала гладить его плечи и грудь, теснее прижиматься к его сильному телу задолго до того, как мы достигли веранды. Правда, когда я лизнула его шею, вервольф рыкнул и встряхнул меня:

— Не дразни меня, Шарлин. Иначе возьму тебя прямо на полу кухни.

Фантазия мигом подбросила мне самые непристойные картинки, от которых к щекам мигом прилила кровь. Нет, покраснела я не от фантазии, а скорее от того факта, что была в общем-то не против. Бесы, не иначе, подтолкнули меня поинтересоваться:

— Так в чем же дело?

— У меня есть планы получше.

Он взлетает по лестнице на второй этаж, толкает ногой дверь спальни и сразу проходит в ванную. Я его понимаю: с нас сыпется песок, причем в буквальном смысле. Но мне плевать и на песок, и на то, что я вся дрожу. Потому что эта дрожь не от холода, а от нетерпения. Я так долго ждала этого и так

сильно хотела, что готова покусать Доминика, если он сейчас остановится.

Он не собирается останавливаться, но и не спешит: стягивает с меня одежду, будто разворачивает долгожданный подарок. Вытряхивает меня из обертки, отбрасывает на пол одежду-шелуху, а потом впивается в губы таким яростным поцелуем, что у меня подкашиваются ноги, и подталкивает в сторону душевой кабины.

Струи горячей воды обжигают, но гораздо больше меня обжигает мужчина рядом. Душ смывает песок и пот, но не способен вымыть из нас потребность друг в друге. Непреодолимое желание обнимать, ласкать, целовать. И мы это делаем. Я вожу ладонями по спине и плечам Доминика, пока он выцеловывает мое лицо, шею и грудь. Сдавливаю его бедра ногами, когда он подхватывает меня под ягодицы и спиной прижимает к мозаичной стене. Мне кажется, что пар не от воды, а от наших тел, потому что мне еще ни разу не было так горячо.

Что-то изменилось. Меня по-прежнему ведет от близости Доминика, но сейчас совершенно не хочется этому противиться. На этот раз мы не играем, мы будто заново открываем новые грани наших общих желаний. Когда он входит в меня резко и на всю длину, я вскрикиваю и прогибаюсь ему навстречу. Ловлю губами воздух, а наталкиваюсь на новый поцелуй, который вышибает из моей головы остатки мыслей. Хотя кажется, последнюю здравую я потеряла на зимнем пляже.

Доминик тоже перестает себя сдерживать и берет меня сильно, ускоряя темп. Но это именно то, что мне сейчас нужно. То, что я хочу. И так, что я кричу от восторга и наслаждения, когда дохожу до той точки, после которой нет возврата. Он кончает со стоном, больше похожим на рычание волка, а потом подхватывает меня на руки, прижимает к себе так нежно и осторожно, будто я какая-то драгоценность и относит в постель. Свою конечно же.

Он такой большой, мой альфа. А я его маленькая... тоже альфа.

Доминик прижимает меня к себе и проводит пальцами по моему обнаженному плечу.

— Нам нужно сделать это медленно.

— Ты хотел сказать — попробовать на меня не набрасываться?

— Кто на кого набрасывался — еще вопрос, — смеется Доминик.

Во мне все до сих пор подрагивает от удовольствия и от этого тепла.

— Мне нравится именно так, — признаюсь я и понимаю, что не лгу. Ни Доминику, ни себе.

Как и в том, что таким мне нравится сам Доминик.

От его взгляда по коже огненные мурашки.

— Я знаю, — говорит он. — Что нравлюсь тебе.

А вот это лишнее. Наш разговор явно свернул не туда.

— Не совсем.

— Не совсем?

— Да, ты мне гораздо больше нравишься волком. Ты такой белый, с пушистой шерстью, игривый...

— А что насчет секса?

— Фу! — кривлюсь я и отодвигаюсь от него подальше. Но Доминик смеется и не позволяет откатиться на другую сторону кровати. Сам садится, опираясь об изголовье кровати, а меня усаживает между своих ног, спиной к своей груди. Почти как на пляже, только без пронизывающего ветра и одежды. Я не вижу лица вервольфа, но так даже спокойнее. Кто бы мне раньше сказал, что в объятиях Доминика я буду чувствовать себя защищенной, послала бы этого персонажа лесом, но сейчас мне действительно хорошо и совсем не хочется с ним спорить и воевать.

— Такие игры точно не по мне, Шарлин, — говорит Доминик, положив подбородок мне на плечо. — Хотя будь ты волчицей, другой вопрос. Некоторые вервольфовские пары таким образом любят разнообразить свою сексуальную жизнь.

— О нет! Больше не хочу ничего знать про вервольфовские традиции! Мой мир уже и так не станет прежним.

— Правда не хочешь?

— Не про секс точно!

— А про что хочешь?

Я задумалась, потому что в моей голове не было ни одного вопроса про вервольфов, зато было много мыслей о самом Доминике.

— Когда ты решил, что станешь альфой?

Если для него мой вопрос и стал неожиданностью, вервольф виду не подал.

— Еще в детстве. Мой дед говорил, что каждый волк мечтает стать вожаком большой стаи, но далеко не каждому это под силу. Поэтому ежедневно тренировал меня. Он был альфой моей стаи прежде, чем проиграл своему младшему сыну, но вместо того, чтобы уйти на покой, решил, что воспитает следующего альфу. В общем, у него получилось.

— Он, наверное, гордится тобой.

— Гордился бы. Но, к сожалению, он был слишком стар и не дотянул до битвы.

Бесы!

Тактичность — мое второе имя.

Если Доминик любил своего деда хотя бы наполовину так сильно, как я собственную бабушку, то для него это был страшный удар. Поэтому я обхватила ладонями его большие ладони и ободряюще сжала.

— Сочувствую. Я знаю, что такое потерять близкого.

Мужчина за моей спиной будто превращается в камень, и я уже жалею, что завела эту тему.

— Ты до сих пор скорбишь по Дэнверу? — неожиданно спрашивает Доминик.

Неожиданно, потому что про смерть бывшего мужа я и думать забыла.

— Нет, я про бабушку. Я ее очень сильно любила и иногда жалею, что она не увидела, каким чудесным стал ее магазин. Не застала ту статью в «Прайме»! А Дэн... Он ушел из моей жизни так давно, что мне до сих пор не верится, что его нет. В смысле, нет не только для меня, нет ни для кого. Мне было гораздо больнее, когда я узнала, что муж мне изменил, чем когда мне сообщили, что он погиб.

Странно признаваться в этом Доминику, но мне вдруг захотелось выговориться. Почему-то показалось, что он поймет. Ну или я в его глазах стану немного менее привлекательной.

— Мне кажется, это я виновата в его смерти. Из-за меня он влез в эти волчьи бои. Из-за меня не мог найти свое место в мире. Из-за меня его выгнали из стаи. Если бы всего этого не было, все могло сложиться иначе...

Доминик прерывает поток моих слов, разворачивая меня к себе лицом.

— Шарлин, — говорит он, грозно сверкнув глазами, — никто не виноват в смерти Дэнвера. Это был несчастный случай. Но ответственность за все остальное полностью лежит на моем кузене. За то, что ушел из стаи. За то, что не смог сделать жену счастливой. За то, что проиграл собственную жизнь. Никто не заставлял его изменять тебе и не ценить то сокровище, которое ему досталось.

Что-то в моей груди дрогнуло: это были именно те слова, которые мне когда-то хотелось услышать от Дэнвера. Что он ничуть не жалеет, что выбрал меня. Но парадокс был в том, что прозвучали они от другого мужчины.

Я могла придумать кучу язвительных замечаний. Могла возразить, но не получалось. Ну хотя бы потому что сама начала с признаний.

— Я далеко не подарок.

— У тебя сложный характер, — соглашается вервольф. — Но он идеально подходит к моему. Мы идеально подходим друг другу. И я не собираюсь от тебя отказываться и упускать свой шанс. Не в этот раз.

И опять, и снова.

— Доминик, думаю, все дело в моем запахе, — решаю я признаться. — Он привлекателен для

вервольфов. На самом деле тебе нравится, как я пахну, а не сама я.

Он вскидывает брови и минуту смотрит на меня удивленно, а потом начинает смеяться. Вervольфа настолько трясет от смеха, что, так как я сижу на нем, меня трясет вместе с ним.

Это выше моих сил, поэтому я сбрасываю его руки и порываюсь подняться, но он тут же опрокидывает меня на спину и прижимает к постели всем телом.

— Нет, Шарлин, — говорит Доминик на удивление серьезно. — Пахнешь ты, конечно, потрясающе, но нравишься мне именно ты. Всегда нравилась. И когда решишь изменить собственным принципам, поймешь, насколько сильно.

— Мои принципы? — вспыхиваю я. — В первую нашу встречу ты говорил, что тебе просто скучно.

— Это была уловка. Ты бы не поверила, что я так и не смог тебя забыть. А я знал, что сделаю все, чтобы ты осталась со мной.

Дэнвер тоже делал все, чтобы мы были вместе, а потом... Потом мы все разрушили. Доминик не Дэнвер, но новых подобных отношений я не выдержу. Они разрушат меня.

— Это не отменяет того, что я сказала, — говорю тихо.

— Как же с тобой сложно, — рычит он, а я прикладываю указательный палец к его губам.

— У нас две недели, Доминик. Ты дал слово альфы.

А после обвиваю его ногами и целую, чтобы уйти от этой темы. Потому что знаю, что ни до чего мы не договоримся. Так какой смысл тратить драгоценное время?

Две недели, и я освобожусь от сделки с ним.

А потом мы расстанемся.

Так будет правильно.

ГЛАВА 10

Утром я проснулась в таком хорошем настроении, которого у меня не было очень и очень давно. Может, этому поспособствовала новость о том, что скоро я решу свои проблемы, а может, ночь, что я провела с Домиником, но я чувствовала себя если не свободной, то близкой к этому. И, входя в магазин через дверь для посетителей, даже напевала услышанную по радио песню. Поэтому не сразу обратила внимание на яростно жестикулирующую Рэбел, которая показывала, что... Чтобы я не заходила?

К сожалению, я не успела ничего толком разобрать, а сейчас было уже поздно. Потому что теперь я заметила занявших кресла родителей, а они конечно же заметили меня. И лица у них были как у тех крестьян, которые в восьмом веке ходили с вилами на вервольфов.

— У тебя гости, — приблизившись, негромко объявила помощница.

— Спасибо, что сказала об этом раньше.

— Вообще-то я написала тебе сообщение.

Которые я сегодня не читала.

— Они устроили мне допрос с пристрастием, — понизила голос Рэбел. — О том, где ты и с кем. Они в курсе того, что у тебя проблемы.

Только этого не хватало!

— Ты рассказала?!

— Конечно, нет! — обиделась подруга. — Кто-то другой постарался. Не представляю, что им известно, но настроены они очень воинственно.

— Я заметила.

Особенно когда улыбнулась папе, а он только сдвинул брови.

— Ладно, спасибо, — шепнула я Рэбел. — Занимайся делами.

— Удачи!

— Кто-то умер? — шучу я, подходя к родителям.

— Шарлин, мы все знаем! — трагическим голос начинает мама.

— Знаете что?

— Что ты ввязалась в плохую историю, дочка. — Папа поднимается из кресла и кладет руки мне на плечи. Причем делает это так торжественно, что я едва сдерживаю нервный смех. — Но нам ты можешь рассказать правду. Про шантаж, про угрозы, про то, что продаешь магазин.

А вот это совсем не смешно! Но я не собираюсь вестись на провокацию.

— Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — требую я, переводя взгляд с отца на мать. — Что вы узнали и от кого? И, пап, хватит обращаться со мной, будто мне пять.

— Ты всегда будешь моей маленькой Чарли.

— Знаю. Но я уже давно не маленькая. Так что давайте перейдем к делу, потому что через полчаса здесь будет море посетителей и мы не сможем нормально поговорить. Что у вас случилось?

— Не у нас, Шарлин, — возмущается мама. — У тебя.

— Ты перестала заглядывать к нам на завтрак, — упрекает папа.

— Сейчас горячая пора в магазине, — напоминаю я, — так каждый год.

— Ты снова связалась с вервольфом после токсичных отношений с Дэнвером.

— Токсичных?

— Да, я прочитала это в статье одного психолога в «Прайме». Она называла так отношения, в которых один партнер разрушает личность другого, подчиняет себе, удерживает рядом с помощью шантажа и упреков. Ты не выглядишь счастливой рядом с этим вервольфом! — Она выделяет

последнее, будто слово «вервольф» — ругательство.

— Мам, тебе не кажется, что это расизм? Я уже молчу о том, что моя личная жизнь на то и личная, чтобы такой оставаться. С чего вы вообще решили, что я несчастлива?

— Коре видел вас в «Коршуне», — вклинивается в разговор папа, — и сказал, что разговор между тобой и тем мужчиной был напряженный.

— Ты отказалась мне его представлять, когда мы с тобой случайно столкнулись на улице, Шарлин.

— Ты изменилась. Ходишь в платьях, а еще за тобой ходят верзилы.

— Прим Гаррет, из «Фламинго», видел, как ты снова встречалась с тем типом, который хотел купить у тебя магазин.

— А нас везде преследуют волки!

— Преследуют волки? — прижимает руки к груди мама. — Ты не говорил мне об этом.

— Прости, дорогая. Не хотел волновать тебя раньше времени.

Папа ее обнимает, а мне не остается ничего другого, как опуститься в кресло. Просто понимаю, что сейчас лучше сесть.

— Откуда вы узнали про волков?

Сомневаюсь, что вервольфы Доминика настолько неосторожны, чтобы легко себя выдать.

— Я, знаешь ли, не слепой, дочка, — поправляет очки с толстыми линзами папа. — С тобой творится что-то странное. Скажи, ты связалась с бандитами? Тебе нужны деньги? Тебе угрожают?

Они с мамой так испытующе на меня посмотрели, что я прикрыла глаза ладонью. Стараешься, стараешься оградить близких от волнений, но они сами начинают накручивать себя и копаться во всех твоих тайнах.

Ну и что мне делать? Рассказать правду? Лучше так, чем родители придумают детектив покруче, чем в книжках.

— За вами действительно присматривают вервольфы. Из стаи Дэнвера. Они не бандиты, у них приказ вас защищать.

— От кого защищать, Чарли? — хмурится папа.

— От тех, кому муж остался должен денег. Да, у Дэна остались долги, которые перешли ко мне. Но я обратилась к альфе его стаи, и он согласился мне помочь. Вервольфы, приглядывающие за вами, — подстраховка.

Я рассказываю факты. О том, почему не пошла в полицию, а обратилась к Доминику. О том, что это только между нами. Лица родителей с каждым моим словом вытягиваются все сильнее и сильнее, пока отец не выдает забористое ругательство и убегает в другую часть магазина. Он всегда так делает, когда расстраивается, поэтому мы с мамой только смотрим ему вслед.

— То есть у тебя нет отношений с этим альфой? — интересуется мама.

— Они только деловые, — отрезаю и вспоминаю, как вчера бегала с волком по пляжу. Но я не собираюсь рассказывать об этом даже Рэбел. Эти мгновения я оставляю только для себя.

— Сколько тебе нужно денег? — спрашивает вернувшийся папа. — Мы можем оплатить долг.

— Не можете, — твердо отвечаю я. — По крайней мере пока я не увижу доказательств, что долг действительно существует. Иначе получается, что кредитор всегда может вспомнить, что Дэнвер должен был еще больше. Никто из вервольфов даже разговаривать с нами не станет.

Папа кивает, но перебивает меня, когда я собираюсь продолжить:

— Если долг существует, мы его погасим. У нас с мамой есть сбережения. Собирали на старость, но мы эту сумму и за всю оставшуюся жизнь не потратим, так что не вздумай продавать магазин.

— Мы знаем, что он для тебя значит, — соглашается мама. — Ты всегда можешь на нас положиться.

На глаза наворачиваются слезы: пожалуй, впервые за множество лет. От благодарности и любви на сердце становится легко. Я поднимаюсь и обнимаю маму, а затем папу.

— Спасибо, — шепчу и, отстранившись, уже нормальным голосом прошу: — Потерпите еще немного. Скоро я во всем разберусь, и не будет никаких волков и слежек.

— Хорошо бы, Чарли.

— Главное, не скрывай больше ничего, — умоляет мама.

Я обещаю. Обещаю держать их в курсе и провожаю до выхода. Хорошо сегодня все помощники остались снаружи, иначе бы пришлось объяснять присутствие Оуэна и компании. Хватит с родителей и того, что есть. До стойки дойти не успеваю: колокольчик оповещает о новом посетителе.

Я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с темноволосой девушкой-полицейским. Той самой, что сообщила мне о гибели Дэна.

У меня сегодня день визитов, не иначе. Если так пойдет, неизвестно, когда начну работать! Поэтому я мысленно повторяю папино ругательство и подхожу к девушке. Сегодня она без своего напарника.

— Прима Брайс, доброе утро. — Она улыбается, но как-то официально, из вежливости. Взгляд у нее цепкий, будто коп пытается просканировать мои мысли.

— Здравствуйте, сержант Лабрю. Чем могу помочь?

Хотелось бы верить, что она здесь ради подарка, но интуиция подсказывает, что нет.

— Хочу задать вам пару вопросов. Насчет гибели вашего мужа.

— Да, конечно.

Я указываю ей на кресла, в которых недавно сидели родители, а сейчас располагаемся мы. Я неосознанно рассматриваю ее и вдруг понимаю, что сержант — волчица. Угадываю это не по изменяющим цвет глазам, а по манере держаться, по плавным движениям хищницы. Как у Венеры или Одри. И для меня это открытие. Как волчица попала в полицию?

— Чай? — предлагаю я.

— Нет, спасибо. У вас все в порядке?

Вопрос настолько странный и неожиданный, что сначала заставляет меня опешить. Но только сначала.

— Да. Спасибо за беспокойство.

Сержант смотрит на меня долго, а потом подается вперед:

— Я спрашиваю не потому, что вы потеряли мужа, а потому, *как* вы его потеряли.

— В автокатастрофе?

— Я говорю об убийстве.

Возможно, как автор детективов (или как претендующая на это звание), я должна спокойно относиться к подобным разговорам. Но спокойно не получается. У меня от них мороз по коже.

Точно. Она говорила, что есть версия, в которой аварию Дэн веру кто-то подстроил. Новость о его гибели, а потом визит банды Кампалы разом вытеснили эти воспоминания. Тогда, но не сейчас.

— Вам удалось что-то выяснить?

— Не так много, как хотелось бы, — нехотя отвечает сержант. — Но кое-что все-таки выяснили. В последние несколько месяцев на счет прима Брайса поступали крупные суммы, а за неделю до аварии он получил визу в Роудэр, на Вазарские острова, и быстро забронировал билеты в один конец. Я подозреваю, что ваш муж хотел сбежать от чего-то. Или от кого-то.

От Кампалы. Но знает ли о нем Лабрю?

— У вас есть предположение, от кого?

— Есть, — кивает сержант. — По крайней мере кое-кто был заинтересован в его гибели.

Я снова получаю пристальный взгляд и начинаю думать, что она говорит обо мне.

— Доминик Экрот.

— Что?! — Я едва не давлюсь воздухом.

— Ваш друг, я так понимаю, — прищуривается Лабрю, — и нынешний альфа стаи, в которой состоял прим Брайс.

Она выделяет слова «друг», тем самым показывая, что в курсе нашей «дружбы».

— У него был весомый мотив, прима Брайс. Вы.

— Что значит — я?

— Вы нравитесь ему как женщина. Но ваш муж стал помехой, которую нужно было убрать.

Я в курсе, что нравлюсь Доминику. В остальном же пока мотив так себе, это я даже как начинающий автор детективов могу сказать.

— Я была знакома с примом Экротом до замужества, — расставляю акценты. — Если все так, как вы говорите, то что он делал все это время?

Вот теперь в глазах сержанта мелькают желтые огоньки, окончательно подтверждая мою догадку о ее происхождении.

— Я знаю законы вервольфов, прима Брайс. Гораздо лучше вас. Когда женщина выбирает другого мужчину, вервольф отступает.

— Мне это известно.

— Но несколько месяцев назад вы расстались с мужем и подали на развод. Который он отказывался вам давать. Тем самым мешая начать новую жизнь.

— Выходит, у меня мотив даже весомей, чем у Доминика. Но моего мужа даже полиция не могла найти, не то что я.

— Вы — нет, а вот у прима Экрота гораздо больше возможностей. Это сейчас он уважаемый альфа, а раньше был любимым внуком Анхеля Брайса.

— Его дед тоже был альфой.

— Недолго. Всего три года. Потом к власти в стае пришел его сын, но Анхель, можно сказать, не сильно расстроился. Он провозгласил себя альфой вне закона и создал Волчьи бои. Вы знаете, что это такое?

По спине пробежал холодок, но на моем лице не дрогнула ни одна мышца.

— Никогда не слышала, хотя название говорящее.

— Вы правы. Это подпольные бои вервольфов, на которые не так просто попасть даже в качестве зрителя. Сначала Анхель участвовал сам, потом уступил место более молодым и сильным волкам. И вроде как отошел от дел, когда взялся за воспитание внука. Но мне слабо в это верится. Он сколотил себе огромное состояние на криминальном бизнесе, который передал по наследству. Не спрашивали у вашего *друга*, почему он так неприлично богат?

Мне снова вспомнились слова Дэнвера о том, что Доминик может решить любую проблему. А ведь он сказал их, когда Экрот еще не был альфой.

— Странно обвинять внука в грехах деда.

— Думаю, у прима Экрота хватает своих грехов. Как я уже говорила, на счет вашего мужа с завидной регулярностью поступали крупные суммы. Он вполне мог знать какие-то секреты вашего друга и шантажировать его ими.

— Так дело в секретах или во мне? — Мой голос подрагивает от ярости, и я заставляю себя взять в руки.

Я понимаю, что все это предположения и фантазии сержанта, потому что, будь у нее доказательства причастности Доминика к этой истории, она бы здесь не сидела, а уже его арестовала. Я даже чувствую ее раздражение насчет того, что наш разговор пошел вовсе не так, как ей хотелось бы.

В этот момент опять тренькает дверной колокольчик, и в магазине появляется первый посетитель.

Из тех, кого больше интересуют книги, а не я сама.

— У вас все, сержант Лабрю? — спрашиваю я. — Потому что у меня сейчас много работы.

— Пока все. — Она неохотно кивает и поднимается. — Рекомендую вам быть осторожной, прима Брайс. Дружба с таким, как Экрот, может для вас плохо закончиться.

Совет неожиданный и неприятный. Потому что мне надоело, что все указывают мне на мое человеческое происхождение.

— Потому что он вервольф?

— Потому что он мерзавец, который считает, что для него закон не писан, — припечатывает волчица.

Она поворачивается, чтобы уйти, но я вспоминаю еще кое о чем.

— Сержант Лабрю, а что случилось со счетом моего мужа?

— Его обнулили, за сутки до гибели прима Брайса.

Вот значит как.

Рабочий день наконец-то начинается. И все идет ровно. Но разговор с Лабрю не выходит из головы. Разговор и мысль: должна ли я рассказать об этом Доминику?

Должна ли я копаться в его прошлом, если через две недели наши отношения все равно закончатся?

— Что она от тебя хотела? — поинтересовалась Рэбел, когда во второй половине дня толпа покупателей схлынула.

С того вечера, как подруга убеждала Доминика оставить меня в покое, мы даже толком с ней не разговаривали. Точнее, все наши разговоры заканчивались работой, особенно в присутствии Оуэна и помощников-вервольфов. Но сегодня они дежурят снаружи, так что сейчас в магазине остались только мы и Сайрус.

— Получить от меня чистосердечное признание в том, что я убила Дэнвера.

Рэбел прищуривается:

— Что, так и сказала?

— Примерно так. Разве что сделала я это чужими руками.

— Надеюсь, ты послала ее лесом? Лучше бы настоящего убийцу искали, а не страдали паранойей. Судя по твоим рассказам, у Дэнвера было достаточно желающих отправить его на тот свет.

— Не знаю, — отвечаю честно. — Чем больше я узнаю о его прошлом, тем больше понимаю, что влюбилась я в совершенно другого вервольфа. Как такое возможно, Рэбел?

— Еще как возможно. Сначала ты встречаешь классного парня, он дарит тебе подарки и поет песни о любви. Такие, что спустя месяц ты понимаешь, что жить не можешь без этих песен. А потом на тебя наступает реальность, и приходится одной тянуть на себе и недоделанного певца, и ваших детей.

Мы обе смотрим на Сая, настолько увлеченного чтением, что наших взглядов он попросту не замечает.

— У тебя чудесные дети, Рэбел.

— Я знаю. — В ее голосе звучит материнская гордость. — Только ради этого стоило вытерпеть весь тот кошмар, в котором я долгое время жила. Зато сейчас они моя радость.

Подруга всегда светится, когда речь идет о Сайрусе и Лоле. Поэтому я непроизвольно улыбаюсь.

— Мне дети не грозят, — напоминаю я.

— Рядом с вервольфом так и останется, — соглашается она. — Но может, это и неплохо?

От неожиданности я даже воздухом поперхнулась: в который раз за этот день.

— Что значит — неплохо?

— Я не про детей, — уточнила Рэбел, — а про то, что есть мужчина, готовый ради тебя свернуть горы. Это дорогого стоит, ты и сама это знаешь.

— Дэн тоже из-за меня из стаи ушел, а толку?

— Вот именно! А толку-то, если он это на тебя повесил? Но Доминик ни капли не похож на твоего бывшего. Дэн о себе заботился и хотел того же от тебя. Чтобы ты ему сопلي подтирала. Иначе бы не связался с этими боями и девицами. А Доминик — альфа. Вожак стаи. Значит, может менять правила.

— Из-за меня? — фыркнула я.

— Почему нет? Мужчины ради любви способны на многое. Вот только у каждого свой потолок. У кого-то фантазия не идет дальше вымытой раз в неделю посуды.

А кто-то готов отказаться от невесты, только чтобы я осталась с ним.

— Это не любовь. Он одержим моим запахом.

Я вкратце рассказываю подруге про теорию Хантера и про собственный аромат, но она настроена скептически:

— Ты уверена, что дело только в этом?

— В чем же еще?

— Как все запущено, — покачала головой Рэбел и взяла мои ладони в свои. — Чарли, дело в тебе. Ты красавица. Умница. Твердая, когда нужно, и мягкая с теми, кого любишь. Ты потрясающая. Но в браке с этим убожеством ты просто похоронила себя как женщину. Заперлась в башне, как принцесса из сказки, и просто удивительно, что впустила в свою жизнь этого альфу.

— Я не впускала!

— Ну может, вначале он вломился туда без спроса, — согласилась подруга. — Когда ты мне обо всем рассказала, я всерьез думала, что тебя нужно от него защищать. Но потом я поняла, что он готов порвать любого, кто вздумает тебе навредить.

— Или просто ко мне подойти!

Рэбел смеется:

— Все мужчины — собственники.

Появление новых посетителей заставляет нас прервать разговор. Помощница обслуживает их, а я успеваю посмотреть небольшую стопку новых раритетных книг и определить их на нужные полки.

— Он не человек, — озвучиваю свой главный аргумент против отношений с Домиником, когда дверь за покупателями закрывается.

— Думаешь, с людьми проще? Мой бывший муж — человек, а на самом деле вел себя как волк. Важно, как он к тебе относится, а не есть ли у него хвост.

Вообще-то у Доминика красивый хвост, но я решаю, что для Рэбел такая информация будет чересчур.

— Разве не важно то, что чувствую я?

— Не знаю, что ты там чувствуешь, — усмехается помощница, — но ты здорово изменилась.

Ее слова вводят меня в замешательство.

— Изменилась?

— Да, ты больше не пытаешься тащить все одна. Больше не боишься оставлять магазин на меня. Продолжила писать роман. Я уже молчу про то, что Лола все уши мне прожужжала о том, как классно ты выглядишь.

— Дело в новой одежде.

— Нет, — отрезает Рэбел. — Дело в тебе. Ты светишься. Так что не нужно мне рассказывать про односторонние чувства!

Ну и как объяснить этой женщине, что в наших с Домиником отношениях все гораздо сложнее?

— Копы подозревают, что это Доминик устроил аварию для Дэнвера.

— Ты им веришь?

— Да. Нет. Не знаю. — Я сама последовательность.

— Хорошо. Спрошу так: для тебя это имеет значение?

— Никогда бы не подумала, что моя лучшая подруга настолько хладнокровная!

— Просто ответь.

— Да, имеет. Не хочу, чтобы мой мужчина был убийцей.

Рэбел выразительно приподнимает бровь:

— Ты сказала — твой мужчина?

Разговор с Рэбел не заставил меня изменить планам, но заставил задуматься. Сейчас слова Доминика о том, что я не подпустила бы его к себе, попробуй он за мной просто ухаживать, звучали правдоподобнее версии о скучающем альфе. Он привык добиваться поставленных целей, но зачем так стараться ради женщины, которую хочется пару раз поиметь и забыть? Нет, Доминик с самого начала твердил, что хочет, чтобы я была с ним. Чтобы осталась с ним даже после завершения нашей сделки. Чтобы осталась вопреки ей.

Он уничтожил все мои щиты, сделал уязвимой, но не воспользовался этой уязвимостью. Доминик мог меня раздавить, но не стал. Теперь я это понимала. Мне хотелось видеть его злодеем, хотелось ненавидеть, но, по сути, он меня спасал. В том числе и от меня самой.

Но любит ли он меня?

Вряд ли.

Если бы не пример моих родителей, которые всегда относились друг к другу с нежностью, я бы, наверное, вообще не верила в существование этой любви. В моей жизни была влюбленность в Дэнвера, превратившаяся в ничто, и наше влечение-противостояние с Домиником. Именно так, потому что насколько сильно меня к нему влекло, настолько же сильно от него отталкивало.

Ну какая из нас пара? Человек и вервольф. Владелица букинистического магазина и альфа огромной стаи. Вдова и миллиардер, завидный жених, потрясающий любовник и мужчина, не лишенный чувства юмора. А еще ужасный ревнивец и собственник. Вспыльчивый, любит командовать и женщин в юбках.

Вот и все, что я знаю о Доминике.

Я так задумалась, что не сразу заметила, как на телефон пришло сообщение от него. Он что, мысли мои читает? Или это мои мысли в последнее время сосредоточены на нем?

Приглашаю тебя на свидание. Заеду после работы.

Я печатаю в ответ:

А вдруг я откажусь?

Соглашайся. Хочу тебе кое-что показать.

Я хмыкаю.

Из того, что еще не показывал? Куда отправимся?

Увидишь. Венера привезет одежду.

Опять?!

Это сэкономит нам время.

Я почти смиряюсь с тем, что там, куда мы собираемся, нужен особый дресс-код, но, к моему огромнейшему удивлению, ассистент Доминика привозит светлые джинсы и теплую водолазку.

— Ты уверена, что Доминик сказал взять именно это?

— Абсолютно, — улыбнулась Венера и вручила мне еще один пакет с тонкой коробкой. — И еще попросил передать вот это.

— Что там?

— Я не знаю, потому что на этот раз выбирал он сам.

Я подозрительно прищуриваюсь, но она смотрит на меня так бесхитростно, что приходится отказаться от этой идеи.

— Но догадываешься?

— Судя по эмблеме на коробке, это нечто очень нежное и красивое.

Мне не нужно смотреть на эмблемы, чтобы догадаться, что внутри нижнее белье. Я помню наш разговор с Домиником. И оказываюсь права. Когда я остаюсь одна и раскрываю коробку, то нахожу в ней не только изящный черный комплект, но и нижнюю сорочку. Настолько тонкую и прозрачную, что прикрывающая бедра длина совсем не спасает.

Подарок с намеком, и я в общем-то не против все это надеть, чтобы после снять. Я думаю об этом оставшееся до встречи время, равно как и о том, каким боком в это уравнение вписываются джинсы и водолазка? Потому что они надежно скрывают подарок Доминика от посторонних взглядов, а сорочку я складываю в сумку прямо в коробке.

Вовремя: Доминик уже ждет меня.

Сегодня он снова за рулем и тоже в джинсах и легкой рубашке.

— Я так понимаю, сегодня мы не в бар собираемся? — уточняю, располагаясь на пассажирском сиденье.

— Нет, — усмехается он и на все мои попытки вытащить из него хотя бы маленькую подсказку молчит.

Впрочем, когда я узнаю дорогу, ведущую к мужскому клубу для альф, мое настроение резко портится. Я надеялась, что мы больше сюда не приедем, но, видимо, Доминик все опять решил по-своему.

Я тоже молчу. Минут пять. А потом прихожу к выводу, что роль идущей на заклание овечки мне не идет. Так какого беса я молчу о том, что меня не устраивает? Наши отношения изначально были за рамками сделки «я приказываю, ты делаешь», а сейчас и вовсе перешли в нечто иное и непонятное.

«Только попроси», — кажется, так говорил Доминик.

— Может, вернемся к тебе домой? — предлагаю я. — Я надеялась провести этот вечер вместе. Исключительно вдвоем.

Вервольф вскидывает брови.

— Значит, наши желания сходятся, Шарлин. Мы почти приехали.

«Почти» — явно не то слово, потому что он останавливает машину и заглушает мотор. Мы уже приехали.

То, что мы не возле клуба-отеля, я понимаю сразу, но где именно? Натыкаюсь взглядом на окруженный соснами одноэтажный деревянный дом, в окнах которого горит приглушенный свет. Нас ждут? Но ни других людей, ни машин я не замечаю.

Здесь, в горах, не просто холоднее: с неба сыпется такой густой снег, что дорожку к домику замело и до крыльца мы добираемся по свежим сугробам. Я топаю, отряхивая кроссовки, и позволяю вервольфу стянуть с меня пальто. Только после прохожу в холл-гостиную.

В небольшом камине потрескивают поленья, поэтому в комнате очень тепло, но больше ничего и никого не слышно. На столике вино и закуски, на широких диванах теплые пледы. Из гостиной только две двери, и в проеме одной виден уголок кровати. Тот, кто подготовил для нас этот уют, явно уже отсюда ушел.

Видимо, Доминик замечает, что я оглядываюсь, либо он действительно научился меня читать, потому что он обнимает меня со спины и шепчет на ухо:

— Исключительно вдвоем.

От того, как его губы касаются кожи, как звучат его слова, а может, от нашей близости по венам начинает струиться возбуждение. Которому я стараюсь не поддаваться.

— А ты, оказывается, романтик, — усмехаюсь я.

— У тебя были сомнения на этот счет?

Доминик скользит пальцами по моему животу, забираясь под свитер, но я перехватываю ладони и разворачиваюсь в его объятиях.

— Мне нравится начинать наши свидания с ужина и с разговоров.

— Разговоров? — прищуривается Доминик. — О чем ты хочешь поговорить?

— О ком. О тебе. Хочу тебя узнать.

Вервольф расслабляется и легонько подталкивает меня к столику с закусками. Неудивительно, что я сначала решила, будто мы присоединимся к вечеринке — здесь столько всего, от тонких, почти прозрачных ломтиков сыровяленого мяса до разнообразных морепродуктов, что я забываю о своем желании немедленно показать Доминику, как на мне выглядит его подарок.

— Ты думала над моим предложением?

— Думаю, — поправляю я. — И пока склоняюсь к тому, чтобы отказаться. От отношений с мужчиной я жду немного большего, чем классный секс и дорогие подарки.

— А чего ты ждешь?

— Доверия.

— У меня нет и не будет от тебя секретов.

— Если я попрошу?

— Нет, просто не будет. Но в обмен я жду того же.

— Справедливо.

Пока я наполняю большую тарелку тарталетками и канапе, Доминик откупоривает бутылку игристого вина, которую достал из ведерка со льдом. После нашего свидания в баре вряд ли я могу напугать его своим аппетитом, даже сейчас на его тарелке оказывается много мясных кусочков. Кто-то любит мясо! Но здесь оно во много раз лучше, чем в «Коршуне». А учитывая, что с обеда прошло достаточно времени, я мысленно благодарю того, кто трудился над созданием всех этих вкусов. В том числе и виноделов. Вино оказывается игристым розовым, с мягкими фруктовыми нотами.

— Не знала, что вервольфы пьют вино, — говорю, когда мы располагаемся на диванах — я на одном, Доминик на том, что напротив. Видимо, тоже решает, что для ужина и разговоров нам лучше не прикасаться друг к другу.

— Мне нравится его вкус. Особенно в сочетании с мясом. Но, как ты понимаешь, голову мне оно не кружит.

— А хотелось бы?

— Не особо. — Вервольф усмехается, но скользит по мне жадным взглядом. — Рядом с тобой, Шарлин, оставаться трезвым у меня все равно не получается.

Нет, не хочу снова обсуждать мой аромат!

— Давай вернемся к разговору о тебе.

Доминик откидывается на спинку дивана и ставит бокал с вином на деревянный подлокотник, который вполне может заменить столик.

— Что именно ты хочешь узнать?

— Например, каким было твое детство.

— Насыщенным. Мои родители погибли, когда мне было пять.

Не такого ответа я ждала. Я вообще не могла представить Доминика ребенком, но сейчас его равнодушный голос резанул по сердцу. Чувствовалось, что для него это все в прошлом, но для меня это произошло в настоящем.

— Сочувствую.

— Я их почти не помню. Дед взял меня к себе на воспитание и научил меня всему, что знал сам. Он готовил из меня своего преемника, поэтому большую часть моего детства занимали тренировки — я учился драться, в обличье как человека, так и волка — и учеба. У меня были частные преподаватели, я не посещал школу с остальными вервольфами из-за того, что дед предпочитал жить в своем поместье в Робрине.

Преемник.

Кажется, об этом говорила сержант Лабрю. И мне бы сейчас спросить у Доминика, чем занимался его дед, но меня цепляет другое.

— Наверное, тебе было очень одиноко.

Я-то росла в городе, хотя и носилась с мальчишками, игнорируя куклы и фальшивые чаепития.

— На самом деле нет, — слегка пожимает плечами вервольф. — Мне хватало общения с дедом и его... подругой.

— Подругой, в смысле любовницей?

От моего внимания не ускользнула заминка Доминика. Любопытно, но я начала относиться к этому спокойнее, и теперь даже он смотрит на меня иначе — испытующе.

— Да, Тина была человеком и спутницей деда, а мне заменила мать. Женщина с огромным сердцем. — Доминик улыбается настолько открыто и светло, что сомнений в его любви к... мачехе — пожалуй, ее можно назвать именно так — просто не возникает. — Ее все любили. Из-за нее дед больше не женился.

Вот почему у Доминика отсутствуют предубеждения против наших с ним отношений. У него с детства перед глазами был пример счастливой пары вервольф-человек, и он не видит ничего плохого в том, что у любого нормального альфы своя любовница. Которая, я так понимаю, любовницей и осталась.

— Но у него уже были дети, — говорю я.

— Конечно. Мой отец и мой дядя.

— А у нее? Разве она не хотела детей?

Он приподнимает брови.

— Этого я не знаю.

В воздухе повисает невысказанное: если у Тины были дети, то явно не совместные с Анхелем. Потому что для вервольфов и людей это невозможно, какие бы гипотезы ни выдвигал Хантер. Но у Тины по крайней мере был Доминик, который любил ее как маму. Он считал ее своей мамой. Смогла бы я воспитывать чужого ребенка?

— Ты хочешь детей, Шарлин?

Я так увлеклась собственными мыслями, что не заметила, как Доминик на меня смотрит: внимательно, будто видит впервые. Его вопрос поставил меня в тупик — мне бы не хотелось обсуждать с ним тему моих будущих детей. Если, конечно, они у меня когда-нибудь появятся.

Можно было отшутиться, солгать или просто не ответить, но этот вечер располагал к искренности.

— Хочу.

— Когда ты выходила замуж за Дэнвера, ты не хотела.

— Я была моложе. Наивнее. Беспечнее. Тогда я считала, что для меня это не важно. Наверное, возраст берет свое.

У меня все-таки вырывается нервный смешок.

— Тебе двадцать восемь, — как-то невесело усмехается Доминик.

— Значит, природа. Самое время, чтобы завести семью. Тебе ведь тоже этого хочется.

По тому, как мрачнеет лицо Доминика, понимаю, что попала в точку, поэтому спешу закончить свою мысль:

— Да и старейшины наверняка не просто так заставляют альф брать в жены волчиц. Для

продолжения рода. Уверена, ты и сам думаешь о полноценной семье. У тебя ведь была именно такая, пусть даже с приемными родителями. И у меня была. Я — единственный ребенок, но очень любимый.

— Существуют семьи без детей.

— Знаю. Мы с Дэнном были такой семьей. И куда это нас привело?

— Думаешь, Дэнвер стал бы хорошим отцом?

— Теперь я этого уже не узнаю. — Я пожимаю плечами. — Но ты будешь прекрасным.

Кажется, Доминика обескураживает мое признание, иначе не объяснишь, почему он отвечает далеко не сразу.

— Ты не знаешь, каким я буду отцом.

— Знаю. Ты умеешь заботиться. Ты защитник. Ты сильный, иногда тот еще тиран, но никогда не причинишь вреда своей семье.

— Если бы не вставка про тирана, я бы решил, что речь не обо мне.

Я смеюсь. Искренне. От души. А Доминик вдруг перетекает на мой диван, оказываясь непростительно близко. Он поглаживает пальцем мою щеку, и у меня перехватывает дыхание.

— По-моему, Шарлин, ты постоянно находишь причины, чтобы не быть со мной. На самом деле для меня нет такой проблемы, которую я не могу решить.

— Сможешь изменить свой генетический код?

— Нет, я про детей. Мои дети могут стать нашими общими.

До меня не сразу доходит, что он подразумевает под этим, но, когда доходит, я злюсь.

— А куда ты денешь жену? — Я выставляю вперед руку, не позволяя ему меня перебить. — Стой! Лучше не продолжай. Ну так и мои дети могут стать нашими общими, разве не так?

— Пока я жив, к тебе не притронется ни один мужчина, — цедит вервольф, а вот мое раздражение резко испаряется. Видимо, с такой позицией я уже смирилась.

— Тогда с чего ты взял, что я обрадуюсь детям от другой женщины? — спрашиваю спокойно, глядя ему в глаза. — Я альфа, Доминик. Ты сам это сказал. Я тоже большая собственница.

Он обхватывает мою голову ладонями и притягивает меня к себе, прижимает лбом ко лбу.

— Мне достаточно тебя, Шарлин.

От слов Доминика, от того, как это сказано — проникновенно, с нежностью и надрывом, по коже мурашки и щемит в сердце. Я понимаю, что, сколько бы себя ни убеждала, он смог пробраться ко мне в душу. И вырвать его оттуда будет достаточно сложно.

Но у меня получится.

У меня все получится.

— Тебе это только кажется, — отвечаю я и целую его, будто ставлю точку в нашем разговоре. Увлекаю за собой на диван, чтобы вервольф отвлекся на меня, а спустя минуту уже сама забываю обо всем.

ГЛАВА 11

Наверное, тот вечер стал для нас с Домиником откровением. Для меня так точно. Я поняла, что могу быть с ним честной, а еще — наслаждаться нашей связью. Не только сексом, но и разговорами. Прикосновениями. Я заново изучала, узнавала Доминика-человека и продолжала знакомство с Домиником-волком.

Потому что утро началось с прогулки по лесу. Вервольф снова перекинулся в большого белого волка, и мы побегали по поляне возле дома и поиграли в снежки. Точнее, в снежки играла я, а Доминику оставалось уворачиваться, либо толкать меня в снег, пока я не успела слепить новый «снаряд». После мы углубились в чащу и дошли до обрыва, с которого открывался удивительный вид на горы. А вернувшись, согрелись завтраком, теплым вином и друг другом.

Я не помню, в какой момент я перестала сравнивать его с Дэнвером. Со всеми бывшими. Мне было легко и хорошо здесь и сейчас. Шутить, поддразнивать, смеяться. Я отпустила себя и, пожалуй, впервые чувствовала себя настолько свободной. На этот раз не только с Домиником-волком, но и с Домиником-человеком.

Мы больше не возвращались к теме детей, а я так и не спросила его о прошлом деда. Сначала не хотела нарушать это снежное и хрупкое волшебство между нами. Потом меня захватила прогулка. После — поцелуи Доминика, которые тоже изменились. А может, изменилось мое отношение к ним? Вервольф стал более ласковым, нежным и внимательным, и противостоять его обаянию становилось все сложнее и сложнее.

Естественно, на следующий день Рэбел пришлось отдуваться в магазине без меня. Но она даже не сильно ворчала, когда я наконец-то вышла на работу.

— Ты светишься, — заявила она тем тоном, которым судья объявляет приговор.

— Завидуй молча.

— Как хочу, так и завидую! — возмутилась подруга, и мы рассмеялись.

— Давай закончим все дела до шести, — попросила я. — У меня встреча.

Рэбел выразительно приподняла бровь.

— У тебя каждый вечер встреча.

— Не с Домиником.

Вообще-то сегодня я собиралась встретиться с Венерой. Во-первых, я обещала ей еще один поход по магазинам. Во-вторых, хотела просто пообщаться с волчицей. Особенно после всего, что узнала о вервольфах.

Для того, чтобы узнать о них больше.

Венера согласилась сразу и приехала в магазин ровно в шесть. Правда, ей пришлось меня ждать, потому что у Рэбел вышел конфликт с покупательницей, которая пыталась сбить цену на книгу.

— Смотрите, здесь огромная борозда на обложке. А вы хотите, чтобы я заплатила восемьсот крайтов за вот это, бывшее в употреблении!

К слову, борозда на обложке была всего лишь небольшой царапиной на обратной стороне. Я принимала в магазин книги только в хорошем состоянии, если не сказать в идеальном. Исключение составляли совсем давние и очень редкие издания, но там делалась скидка на время. Как правило, те издания были достаточно дорогими, и коллекционеры, которые их приобретали, не возражали против борозд и царапин. Они покупали уникальную вещь.

Когда Рэбел в очередной раз озвучила нашу политику: она не может снизить цену, потому что все цены фиксированные, я решила вмешаться:

— Прима, это букинистический магазин, здесь все книги подержанные. Но такую вы точно не купите в обычном книжном. Это первый тираж «Крайтонских сказок», вышедший семнадцать лет назад. Самое полное собрание под одной обложкой, сейчас издательские дома разбивают их на несколько томов. К тому же внутри иллюстрации самого Мэлла, когда он еще не был известным.

По поджатым губам женщины вижу, что имя Мэлла ей ни о чем не говорит.

— Картина «Крайтонская красавица», — объясняю я, пролистывая страницы, на которых были иллюстрации.

— Я же не картину покупаю, — вспыхивает покупательница. Натурально, вспыхивает — от злости к ее лицу приливает кровь. — К тому же они черно-белые. Но вполне сойдет для моего Руперта в качестве раскраски. Цена этой книги десять крайтов, а я готова заплатить двести. Из-за вашего Мэлла!

Раскраска? Уникальное издание — раскраска?

— Вы не по адресу. — Я захопываю томик и откладываю его на стойку, хотя больше всего на свете хочется треснуть им по ее голове. Но книга-то ни в чем не виновата. — Магазин канцтоваров через один квартал в сторону Примской площади. Там можно и фломастеры приобрести. Мы же работаем для тех, кто любит книги.

— Вы меня выгоняете?!

— Я предлагаю вам подумать над другим подарком для вашего сына.

— Руперт — мой муж, — цедит она. — И я буду жаловаться на вас владельцу книжного магазина, и вас уволят!

— Я владелица этого магазина, но так уж и быть, подумаю над собственным увольнением.

У недопокупательницы сначала пропал дар речи, а потом она разразилась обвинительной речью на всю лавку, полную покупателей. Там было много всего: от того, что я скотина, до того, что подобные заведения нужно сразу прикрывать.

Я поймала обеспокоенный взгляд Венеры и поняла, что эта курица с раскрасками меня просто бесит.

— Вон, — тихо приказала я. — Вон из моего магазина.

И так посмотрела на скандалистку, что она мигом заткнулась и отшатнулась от меня. А после сбежала, будто опасалась, что я действительно погонюсь за ней с «Крайтонскими сказками».

Я оглянулась на Рэбел и поймала шокированный взгляд, но помощница быстро пришла в себя и перевела свое внимание на следующего в очереди покупателя.

А я решила, что достаточно засветилась и, если не хочу разогнать всех клиентов впечатлениями о своем уникальном методе по работе с претензиями (они и так косились на меня с опаской), лучше уйти. Поэтому я подхватила сумку и присоединилась к Венере, которая смотрела на меня как-то странно. И в магазине, и по пути к моей машине, и когда я завела мотор.

— Прошу прощения за эту безобразную сцену. Некоторые посетители иногда попадают к нам по ошибке, и получается то, что получается. Наверное, я вела себя слишком грубо для волчицы?

Я пытаюсь пошутить, и это срабатывает — Венера улыбается.

— Мы наполовину животные, так что не знаю, как бы я поступила в такой ситуации.

— Тогда не смотри так, будто у меня за полчаса выросли волчьи ушки!

Венера все равно смотрит, долго хмурится, а потом признается:

— Я просто впервые слышу голос альфы от женщины. И от человека.

— То есть властный? — уточняю я.

— Нет. Голос альфы. Подавляющий волю. Тот, которому невозможно не подчиниться.

В памяти тут же всплывает сцена в ресторане, когда Джинджер буквально упала к ногам Доминика.

Хорошо, что я еще не покинула парковку, потому что резко жму на тормоз. Сердце колотится так, будто за мной гнались волки.

— Как такое возможно?

— Не представляю, — осторожно качает головой Венера. — Я считала, что так в принципе не бывает. Но даже мне захотелось пригнуть уши и ползти прочь из магазина, когда ты приказала этой приме убираться.

То есть моя шутка про то, что я овервольфоваюсь, может оказаться вовсе не шуткой? Только не говорите, что альфовость передается половым путем!

— Доминик точно должен знать, в чем дело, — говорит волчица. — А если не знает, то может

спросить у старейшин.

В ее голосе столько уверенности. Просто море. А вот я что-то совсем ни в чем не уверена.

Поэтому я подаюсь к Венере и сжимаю ее руку:

— Не нужно ничего ему рассказывать.

— Но...

— Я сделаю это сама.

Волчица смотрит на меня долго, но все-таки отводит взгляд:

— Хорошо.

Мне хочется ее расспросить насчет голоса и в то же время закрыть эту тему. Венера могла ошибиться. А если не ошиблась, то мне хватает проблем, чтобы разбираться и с этим.

— Давай забудем об этом и просто выберем туфли, — предлагаю я, все-таки трогаясь с места.

Венера озвучивает адрес, и мне даже не приходится искать его по навигатору. Я знаю этот большой торговый центр, где есть все магазины. Поэтому следующие два часа мы занимаемся тем, что ищем подходящую обувь к тому гардеробу, который у меня уж есть. И обсуждаем только обувь и только стиль.

Когда дело оказывается сделано, располагаемся в одном из уютных кафе на последнем этаже торгового центра. Я заказываю кофе и большой сэндвич с ростбифом, Венера берет зеленый салат, миниатюрное ореховое пирожное и травяной чай.

— Думала, что все вервольфы мясоеды, — говорю я.

— Я предпочитаю мясо в другом качестве, — смущенно объясняет она. — Волчице оно нужно, а мне нет.

Она откладывает меню в сторону и смотрит мне в глаза. Но если у большинства такой прямой взгляд получился бы угрожающим или нервирующим, у Венеры он скорее внимательный и заинтересованный.

— Ты не ради обуви захотела со мной встретиться.

— Не ради, — признаюсь я. — Хотя ты замечательный стилист, этого не отнять.

— Тогда зачем?

— Поговорить о вервольфах.

Она изумленно моргает:

— О вервольфах?

— Да. Как оказалось, я слишком мало о вас знаю. О правилах и законах. Но хочу понять, разобраться. Я могу спросить у Доминика, но он мужчина, а ты женщина. Это другое.

— И что именно тебя интересует?

— Например, дети.

Не знаю, почему у меня вырывается именно этот вопрос, потому что я на самом деле не собиралась обсуждать маленьких вервольфов. Наверное, подсознание виновато и наш разговор с Домиником.

Но взгляд Венеры миготом меняется, по красивому лицу пробегает тень, а шоколадного цвета глаза гневно сверкают. Даже при встрече с Одри они так не сверкали.

— Доминик тебе все рассказал?

Теперь наступает моя очередь хмуриться.

— Рассказал что?

— Не рассказал, — выдыхает она облегченно.

Я понимаю, что наш разговор зашел куда-то не туда.

— Он всего лишь сказал, что у тебя есть секрет, который можешь рассказать только ты. Если для тебя эта тема болезненная, то давай сразу ее закроем, — предлагаю я.

— Нет-нет, — поспешно исправляется Венера. — Прости, это было грубо с моей стороны.

— Грубо? — Я приподнимаю бровь. — Ерунда. Ладно, проехали.

— Не проехали. Почему ты спрашиваешь про детей?

— Потому что у вервольфа и человека они могут быть только приемными.

Ну вот. Я это сказала. Мы с Домиником обсуждали его детей и моих детей, но не обсудили тех, что будут не его и не мои. Он сказал, что для него нет ничего невозможного, поэтому мне нужно было знать, что никакой лазейки нет. Чтобы не начать питать иллюзий, а затем и испытывать какие-либо чувства.

— Насколько реально взять приемного ребенка у вервольфов?

Кажется, новый вопрос повергает Венеру в еще больший шок, потому что она долго молчит, будто стараясь подобрать слова. Но потом, видимо, решает быть честной:

— Наш вид не слишком многочисленный, поэтому это шанс на миллион.

— Доминик был приемным ребенком.

— Я знаю. Его взял на воспитание дед. Но если бы он этого не сделал, Доминика забрали бы другие родственники или кто-то из старейшин. Волчата — самое ценное, что у нас есть.

Последнее она произносит с такой горечью, что я чувствую ее на языке.

— Но пара вервольфов может усыновить человека.

— Человека? — Кажется, до такого могла додуматься только я, потому что глаза Венеры становятся большими. — Тоже вряд ли. Все вервольфы должны заботиться о продолжении рода, и если ты его не продолжаешь, то становишься парией. Изгоем. Волчица, которая не может иметь потомство, не нужна.

Она делает глубокий вдох и признается:

— Мой муж прогнал меня, когда узнал, что я не могу забеременеть.

— Что?! — вырвалось у меня.

У меня было много версий, за что Венеру прогнали из стаи, но в мой мир просто не вписывался вариант, где ее вышвырнули на улицу просто потому, что она оказалась бесплодной. То есть у нее никогда не будет детей, так еще и муж и семья отрекаются? Это же какими уродами нужно быть?! И какой стервой, чтобы упрекать подругу в том, что ей просто не повезло. Теперь поведение сестричек Конелл выглядело еще более мерзким.

— Этого достаточно, — говорит Венера. — Для вервольфов способность родить хотя бы одного волчонка имеет большое значение. Волчица, которая неспособна на это, не нужна. На ней никто не женится. Ее нигде не примут. Она вынуждена либо жить среди людей, либо стать любовницей того, кто предложит. Мне повезло, что родители дали мне хорошее образование и что Доминик взял меня на работу.

— Это действительно так? Может, дело в твоём муже...

— Нет, — грустно улыбается Венера, хотя у меня от этой несправедливости на глаза наворачиваются злые слезы. — Я сдавала анализы и до, и после, но все они показали одно. Мне не суждено подержать своего волчонка на руках.

Это мерзко. Мерзко и жестоко. Она не виновата, что родилась такой.

— Когда я это поняла и приняла, то тоже задумалась об усыновлении. И выяснилось, что с этим все сложно. Ни одна стая не отдаст ребенка, даже если он по какой-то причине лишился родителей. Но я не теряю надежды на то, что, может, мне позволят воспитать маленького человека.

Тут нечего добавить, поэтому мы молчим. Тем более что официант приносит наш заказ. Я жую сэндвич, но аппетит пропал. История Венеры ужасна, и у меня не получается уложить ее в своей голове.

Теперь я иначе смотрю на ситуацию с Дэнвером. Значит, его прогнали из стаи не только потому,

что он связался с человеком, а затем, что он сознательно отказался продолжать род. Доминика ждет то же самое?

Нет, не ждет!

Это все чушь, и ловить мне тут нечего. Все его признания больше похожи на то, что альфа просто заговаривает мне зубы. Чтобы я осталась тенью рядом с королем жизни.

Если я останусь.

Если я останусь с Домиником, сколько продлится наша связь? Год? Два? Пять лет? Рано или поздно старейшины решат, что пора альфе приносить пользу волчьему обществу, либо сам вервольф задумается о детях. И мы с ним придем к тому, от чего ушли.

Если я останусь с Домиником, рано или поздно я останусь одна.

Все внутри сжимается от боли и злости, а еще от разочарования. У моего разочарования горький привкус. Настолько горький, что приходится отложить сэндвич на тарелку, чтобы не вернуть туда же съеденное.

Но сейчас эти чувства очень не вовремя, поэтому я делаю глубокий вдох, накрываю руку Венеры своей и мягко сжимаю:

— У тебя все получится. Ты будешь прекрасной мамой.

По щеке Венеры бежит слеза, но она быстро стирает ее. А я добавляю:

— То, что у твоих детей не будет хвостов, даже к лучшему. Не придется ловить их по всему лесу.

Вот теперь она смеется. Тепло. Искренне.

И так же искренне благодарит:

— Спасибо. Огромное спасибо. Я столько лет носила это в себе...

— Все хорошо, — улыбаюсь я. — Всем нам иногда нужно выговориться.

Теперь Венера внимательно смотрит мне в глаза:

— Тебе тоже?

Мне тоже, но я вспоминаю об Оуэне с большими ушами и оглядываюсь в поисках своей волчьей охраны. Чтобы взглядом натолкнуться не только на вервольфа, но и на Хантера рядом с ним. Даже со стороны видно, что разговор между ними не самый добрый. Правда, заметив мой интерес, Оэун кивает историку, и тот направляется к нам, освещая наши грустные разговоры своей ослепительной улыбкой.

— Чарли, добрый вечер! Не ожидал встретить вас здесь.

— Взаимно, — улыбаюсь я в ответ и киваю на небольшой, завернутый в крафтовую бумагу, сверток в его руках. — Вы тоже за покупками?

— Можно и так сказать. Мне сказали, что в этом торговом центре лучший в Крайтоне часовщик. Хочу починить подарок родителей.

Венера внимательно прислушивается к нашему разговору, и я их друг другу представляю:

— Венера, это мой друг и постоянный покупатель, Хантер Бичэм. Он преподает историю в КИИ. Хантер, это моя хорошая подруга, она стилист и работает ассистентом.

Они пожимают друг другу руки.

— Приятно познакомиться, — говорит историк.

— Взаимно, — улыбается в ответ Венера. — У вас очень необычные для человека глаза.

— Для человека? Я изучаю историю вервольфов, но не слышал, чтобы у них часто встречалась гетерохромия.

— А кто говорит о вервольфах? С ней рождаются волки. А еще собаки и кошки.

— Я бы хотел научиться оборачиваться в кота. Столько всего можно узнать, когда ты мелкий и незаметный.

— А еще милый и пушистый. Делай что хочешь — точно никто ни в чем не заподозрит.

— Это правда. — Хантер смеется и поправляет челку. — Но, увы, я не кот, и незаметным меня сложно назвать.

— Мелким тоже.

— Я вам не мешаю? — Я тоже не кот, но чувствовать себя незаметной неприятно, особенно когда эти двое увлеклись каким-то понятным только им одним диалогом. В смысле, Хантер по-прежнему милый, но вот Венера, кажется, готова на него нарычать.

Любопытно почему.

— Я снова увлекся странными идеями? — Он хлопает себя по лбу. — Простите, Чарли. Я действительно рад был вас увидеть. И познакомиться с вами, Венера. А теперь мне пора. В конце концов, здесь я ради кофе. Еще увидимся, не буду вам мешать.

Хантер направился к свободному столику в другой части зала прежде, чем я успела сказать, что в общем-то он не мешает. Хотя с какой стороны на это посмотреть, потому что Венера провожала его пристальным взглядом.

— Все в порядке?

— Да, — кивнула она.

— Он тебе не понравился? Или наоборот?

— Что? Нет. В смысле да. В смысле он же человек, да?

Мои глаза расширились так, будто собрались выкатиться из орбит.

— Это проблема? В том, что он человек? Или ты подозреваешь, что он не человек вовсе?

— Он действительно странный.

— Из-за глаз?

— Нет, — покачала она головой. — Если судить по словам, которые он тебе говорил, ему неловко, что он прервал нас.

— Ему и было неловко.

— Тогда почему он спокоен? Слишком. Я волчица, у нас тоньше чутье, природа позаботилась.

— Пожалуйста, не включай Оуэна! — Я скидываю руки. — Ощущения, что в моем окружении не может быть нормальных людей.

Венера мигом посерьезнела:

— Быть рядом с альфой непросто. Особенно с таким, как Доминик. У него много врагов, а ты его уязвимость. Я тебя не пугаю, но разумная осторожность еще никому не помешала.

То есть так будет всегда, пока я буду с Домиником? Точнее не так — пока я остаюсь его уязвимостью.

— Прости, но это уже не разумная осторожность, а самая настоящая паранойя. Не хочу становиться параноиком!

— Понимаю.

— Неужели?

Лицо волчицы каменеет, а до меня наконец-то доходит, как это звучит в ракурсе того, о чем она мне сегодня рассказывала. Ну я и задница!

— Извини, — говорю я. — Для меня это все слишком.

— Все нормально, — вежливо отвечает Венера и даже улыбается.

И от этого еще паршивее, поэтому я прошу счет. Мы выходим из ресторанчика, и я оглядываюсь в поисках Хантера, но нигде его не вижу. Разговор больше не клеится, и я бросаю эту попытку, просто благодарю Венеру за хорошую компанию и за помощь в выборе, а когда мы спускаемся на подземную парковку, спрашиваю:

— Куда тебя подвезти?

— Не стоит беспокоиться, я возьму такси.

Ну да, Венера может разгуливать по городу совершенно спокойно и не бояться никаких настоящих и придуманных врагов своего бойфренда.

Я провожаю ее взглядом и быстро иду к своей машине. Краем глаза замечая, что Оуэн с напарником уже «догнали» нас на следующем лифте, а еще один всегда ждет меня возле машины. Пожалуй, это существенный плюс в копилку охраны: моему автомобилю не грозит угон!

Только свернув за ряд машин, я вижу не одного волка, а трех. Один на бетонных плитах. И не шевелится.

А двое других скалятся и начинают наступать на меня.

— Назад! — слышу рычание Оуэна, превращающееся в волчий вой.

Какие они большие. Просто огромные! Не такие, как волк Доминика, но все равно громадные и недружелюбные. Потому что от их улыбок у меня не то чтобы мурашки по коже, я вся деревенею. В отличие от волка справа, который с утробным рычанием приседает к земле и бросается вперед.

Прямо на меня.

Темно-серый, почти черный волк врзается в него, и они катятся по полу, а у меня в голове будто щелкает, и я срываюсь на бег. Очень быстрый бег, потому что из-за спины доносятся такие звуки, будто там кого-то разрывают на части.

Я бегу к лифтам, но из-за одной из машин резко выпрыгивает второй волк. Вскрикиваю, сворачиваю и вижу еще троих, сцепившихся возле лифтов.

И еще.

И еще.

И мне уже безумно сложно определить, кто из них меня защищает, а кто хочет перегрызть горло. Потому что они дерутся не на жизнь, а на смерть.

Что же это?!

Что вообще творится!

Хоть бы Венера успела уехать!

Рев двигателя перекрывает волчий вой и звуки битвы. Прямо передо мной резко тормозит черный джип, и дверь распахивается.

— Чарли, садитесь! — приказывает Хантер. — Быстрее!

Я оглядываюсь, силясь найти Оуэна, но его не видно. А времени на раздумья просто нет.

— Чарли!

Я запрыгиваю на пассажирское сиденье, и машина срывается с места.

Тут же один из вервольфов с силой врзается в бок авто, меня швыряет на историка, но Хантер только сильнее вдавливая педаль газа в пол. Здесь по прямой, поэтому мы вылетаем с подземной парковки и слегка подпрыгиваем на подъеме. Я вижу в боковом окне, как на дорогу выскакивают вервольфы и устремляются следом за нами. Но Хантер выжимает из машины максимум, и спустя несколько минут мы отрываемся от погони.

Очень надеюсь, что мое бегство отвлекло нападающих от Озуна и его волков. Не прощу себе, если кто-то пострадает!

— Ты как? — Вопрос Хантера заставляет перевести взгляд на него.

Сейчас я понимаю, что подразумевала Венера, когда говорила о его спокойствии. Руки и плечи расслаблены, все внимание на дорогу. Разве что я ни разу не видела улыбчивого историка настолько серьезным.

— Мне никогда не было настолько страшно, — признаюсь я.

Даже когда в мой магазин заявился Мэверик Халли и угрожал мне и моей семье.

Даже когда я шла к Доминику.

Даже когда получила записку от Кампалы вместе с этими жуткими цветами!

Хантер бросает на меня быстрый взгляд.

— Теперь ты в безопасности.

Я — да, а что насчет остальных?

Что будет с тем вервольфом, которого я видела на плитах? С Оуэном и остальными?

Меня трясет, поэтому я сжимаю пальцы на коленях, чтобы не выдать эту дрожь. Кажется, меня настигает откатом, а вместе с ним включаются мозги.

— Как ты там оказался? — подозрительно интересуюсь я. Раз уж мы перешли на «ты», пусть так и будет.

— Спустился за машиной. А потом увидел, что тебе нужна помощь.

Хотя, может, у меня все-таки паранойя.

— Нужно позвонить в полицию!

Если бы я еще не выронила сумку, в который остался телефон, то уже бы звонила.

— Можно, — кивает Хантер. — Но если это разборки между стаями, то и решать конфликт будут альфы. У них свои законы.

— Это не разборки. Думаю, они пытались меня похитить.

Похитить для Кампалы.

Какого беса я ему понадобилась?!

Они с Домиником вроде договорились о встрече и собирались все уладить, так нет же. То цветочки отправит, то устраивает нападение. Что за игру он затеял? И зачем?

Я только сейчас понимаю, что мы выехали на обводную трассу и что она ведет вовсе не в сторону моего магазина. И даже не в сторону Мэнтон-Бэй.

— Где мы? И куда едем?

— В безопасное место.

Это мне не нравится. Совсем не нравится. Паранойя это или нет, но мне наплевать.

— Дай мне свой телефон, — приказываю я. Мой голос на удивление спокоен, несмотря на то что все внутри мелко подрагивает. — Я должна предупредить, что со мной все в порядке.

А заодно рассказать Доминику, где я и с кем. Потому что, кажется, он единственный, кто на моей стороне.

— Позже, — равнодушно бросает историк.

Историк ли?

Меня не пытались похитить.

Меня похищают.

Я дергаю дверь, но она оказывается заблокирована.

— Не дури, Чарли, — рывкает он. — Мы на автобане, ты разобьешься, а мне бы этого очень не хотелось.

— А чего бы тебе хотелось? Что тебе вообще от меня нужно?

— Поговорить с тобой без пешек Экрота.

— То есть это такой хитрый способ пригласить меня на свидание? Раз я запрыгнула к тебе в машину, когда убегала от взбесившихся вервольфов, так теперь можно держать меня за идиотку?

Я не могу поверить, что со мной это происходит. Это какой-то другой Хантер. Холодный,

сдержанный, расчетливый.

Разве можно быть настолько двуличным?

Он прав — скорость огромная, но от этого мне не меньше хочется расцарапать ему лицо.

И если нельзя выйти, то можно попробовать договориться.

— Ты везешь меня к Кампале?

— Кампала здесь ни при чем.

Плюс — Хантер не таинственный кредитор Дэнвера. Минус — он не слишком многословен.

— А кто при чем? О чем ты собирался поговорить?

— О том, что собой представляет Экрот. И о том, кто ты такая.

— Я знаю, кто такой Доминик. — Вся выдержка уходит на то, чтобы говорить спокойно. — Он не самый милый вервольф на планете, но это моя проблема. Спасибо за заботу. Теперь ты меня высадишь?

Хантер улыбается, своей прежней улыбкой, заставляя на секунду позабыть о глубине задницы, в которую я попала.

— Чарли, расслабься. Тебя я не трону.

— А Доминика? — вырывается у меня.

Улыбка тут же слетает с его губ, во взгляде мелькает нечто злое и жесткое.

— Этого обещать не могу.

Оставшуюся часть пути мы преодолеваем молча. Точнее, я пытаюсь снова разговорить Хантера, но он меня игнорирует. Мы быстро сворачиваем с норфилдской трассы и удаляемся от цивилизации. По крайней мере вокруг простираются поля, дорога в какой-то момент из асфальта превращается в гравий, а по пути попадаются только одиноко стоящие дома, мигающие желтыми огоньками окон. Все это освещает убывающая луна, а еще свет фар. Признаться, даже красиво, если бы я не была вся на нервах.

Дом, возле которого мы останавливаемся, не меньше того, где мы были с Домиником, и ничем не напоминает хижину маньяка. Но от этого я нервничаю еще больше. Потому что пишу детективы, а в детективах такие похищения обычно ничем хорошим не заканчиваются.

Холод ударяет в меня, стоит выйти из машины. Еще бы! Пальто осталось на заднем сиденье моего авто. Так что я обхватываю себя руками и оглядываюсь. Поле в одну сторону, поле в другую сторону. И никого. Мне отсюда не сбежать.

— Пойдем, — говорит историк. Или кто он там, бесы его заberi! — Замерзнешь.

— Не боишься, что я запомнила дорогу?

— Это мой дом, я его не скрываю.

— Почему тогда он находится в такой глуши?

— Мне нравится уединение.

— И чтобы никто не услышал крики твоих жертв?

Хантер смеется и распахивает передо мной двери.

— Я и забыл, какая у тебя богатая писательская фантазия. Добро пожаловать в мое логово!

Логово маньяка представляется мне серым, мрачным и с подвешенными под потолком жуткими инструментами, но этот дом при всем желании невозможно назвать ни серым, ни мрачным. Большая комната разделялась диваном на кухню и гостиную. Мой взгляд зацепился за желтый, с национальным флагом, холодильник и деревянный стол с четырьмя стульями, а после перетек к стене, которую от пола до потолка занимали забитые до отказа книжные полки. Ярко-зеленый плед грубой вязки сбросили на диван вместе со стопкой исписанных листов бумаги.

Я привыкла к тому, что у Доминика все дизайнерское и выглядит так, что хоть сейчас фотографируй для журнала «Прайм», здесь все было иначе. Домашним.

Хантер стягивает куртку с плеч и сбрасывает на стул. Футболка не скрывает литые мускулы плеч и сильные руки, и я вынуждена признать факт, что мне от него не сбежать — он скрутит меня в два счета. Поэтому остается надеяться на Оуэна и на то, что Доминик найдет меня быстро.

Я останавливаюсь возле книжных шкафов. Как я и думала, большая часть томов по истории. Но есть и художественная литература, в основном классика.

— Располагайся, — доносится из-за спины. — Думаю, пара часов у нас есть.

Я оборачиваюсь.

— До чего?

— До того, как сюда заявится Экрот.

— Уверен, что заявится?

Я-то знаю, что Доминик дал клятву, а Хантер нет.

— Конечно, — кивает он. — Ради такой женщины я бы отправился куда угодно.

Я обхватываю себя руками и медленно прогуливаюсь вдоль шкафов, а Хантер прислоняется к деревянной балюсине лестницы, ведущей на второй этаж, и складывает руки на груди.

— Значит, ты не Кампала.

Он морщится, будто я по меньшей мере грязно выругалась:

— Нет.

— Тогда кто ты такой?

— Бичэм — мое настоящее имя. Я, действительно, работаю в КИИ и увлекаюсь историей вервольфов.

— А еще их ненавидишь.

— Не всех.

— Но с Кампалой ты сотрудничаешь. Или хочешь сказать, что сам организовал мое похищение?

— Тебя охраняют сильнее, чем самого Экрота, и это очень сильно нарушило мои изначальные планы. Кампала со своей одержимостью заполучить тебя подвернулся вовремя.

Оценивающий взгляд Хантера скользнул по моему телу, но на этот раз не вызвал ничего, кроме раздражения. А вот страх, как ни странно, улегся на дно. По крайней мере меня больше не трясло.

— И каким был твой план?

— Подружиться с тобой.

— Хочешь сказать, втереться в доверие?

— Нет, — становится серьезным Хантер, — все-таки дружба — дело двух сторон, и мне было приятно стать тебе другом. Давно я не встречал такой женщины. Держишь магазин редких изданий. Пишешь детективы. Красивая. Талантливая. Сексуальная. Необыкновенная. Даже жаль, что ты связана с Экротом. С другой стороны, не будь связана, мы бы никогда не встретились.

От такого признания я даже на мгновение растерялась.

— Я обыкновенная, — говорю я, наверное, больше себе, чем ему.

— Тогда почему все вервольфы вокруг сходят по тебе с ума?

— Это неправда.

— Правда. Стоит тебе появиться рядом, они хотят заполучить тебя себе. Все потому, что ты как та девушка из легенды. Я назвал их *имани*. Женщины альф. Их идеальные пары, способные дать потомство.

— У людей и вервольфов не может быть детей.

— У людей нет, а у имани и вервольфов — может.

— Ты тот еще фантаст, Хантер. — Я передергиваю плечами. — Если такая девушка и существовала, то я к ней не имею никакого отношения. Потому что четыре года была замужем за вервольфом, но чуда не случилось. И волки за мной стаями не бегали, чтобы у мужа отбить!

— А ты общалась со многими вервольфами?

— Нет.

Хантер отталкивается от перил и медленно подходит ко мне. Хотя я бы назвала это наступлением. Поэтому делаю шаг назад. И еще один, пока не натыкаюсь спиной на книжные полки.

— Способности имани пока что загадка, но у меня есть предположение, что нужно присутствие альфы. — Историк подходит совсем вплотную, поднимает руку и почти касается пальцами моих растрепанных волос. От этого меня всю, от макушки до пят, перетряхивает, а дыхание сбивается. — Или близкий контакт с ним. Тогда сила имани начинает раскрываться.

Я сглатываю и двигаюсь в сторону: близкого контакта с Хантером я точно не хочу.

— Сомнительная сила — чтобы за тобой бегали все вервольфы.

— Не скажи. Быть главной слабостью альфы та еще сила.

А ведь я действительно слабость Доминика! Его страсть ко мне напоминает не любовь, а животную одержимость. Так, может, это правда?

Я не верю Хантеру. Не хочу. В конце концов, нормальные люди не запирают тебя в машинах и не увозят непонятно куда! Но что-то заставляет меня спросить:

— Если ты это не выдумал, то откуда узнал?

— От приемной матери. — В его голосе проскальзывает горечь. — Она много всего рассказывала мне в детстве. А позже я увлекся историей и нашел много интересных фактов в легендах и древних летописях. Моя настоящая мать была имани. В четырнадцать лет я узнал, что я не обычный человек.

Он стягивает очки, и я вздрагиваю, когда его глаза одновременно вспыхивают, но не привычно желтым, а ярко-синим цветом.

ГЛАВА 12

Я не отшатываюсь только потому, что отшатываться мне попросту некуда: позади шкаф. Просто смотрю на это и не могу отвести взгляда. Это жутко, но вместе с тем необычно. Смотрю до тех пор, пока сам Хантер не моргает и синеватое свечение меркнет.

— Что?.. — Голос меня не слушается, но я все-таки выталкиваю из себя вопрос: — Что это такое?

— Моя сила.

— Почему они синие, а не желтые?

— Не знаю. Я не встречал себе подобных. Но это мне жить не мешает.

Хантер усмехается и делает шаг назад, а я осознаю, что до этого задерживала дыхание. Настолько, что сейчас кружится голова. Или она кружится от всех этих новостей.

— Как такое возможно? — интересуюсь я.

— Природа. Генетика. Аномалия. Как моя гетерохромия.

— И ты... вервольф?

— Ты хочешь спросить, могу ли я перекидываться в волка?

Я киваю.

— Да. У меня есть вторая ипостась.

Это заявление заставляет меня заново взглянуть на Хантера.

А я ведь изначально подумала, что у него телосложение вервольфа! Он высокий. И сильный. И двигается плавно. Как хищник.

Как волк.

Но Доминик об этом не знает.

— Ты обманул всех, — доходит до меня. — Ты куришь. Носишь очки. Неходишь ни в одну стаю. Не только я посчитала, что ты человек. Оуэн тоже так решил.

— Это тоже моя особенность — возможность прятать свою суть от других вервольфов. Приятный бонус.

— Получается, ты полукровка?

Я опасалась, что этот вопрос его разозлит, но он лишь вызвал у Хантера очередную улыбку. Правда, сейчас его улыбки казались мне осками. Как у зверя, что затаился перед броском.

— Не совсем. Я бы назвал это новой расой. Той, в которой можно выбирать, кем быть: вервольфом или человеком.

Удивительно. Невероятно. Как сюжет из фантастической книги. Но передо мной стояло живое доказательство, что это все не розыгрыш.

— И ты решил быть вервольфом?

Вот теперь взгляд Хантера вонзился в меня, будто острое лезвие, делая черты жесткими и даже жестокими.

— Я не выбирал, Чарли. Я рос обычным ребенком, каких сотни. И который однажды после драки со школьными хулиганами вдруг перекинулся в волка, набросился на них, а после сбежал в лес. Мне повезло, что им никто не поверил и что мы жили уединенно. Моя приемная мать перевела меня на домашнее обучение, потому что скрытая сила вервольфа рвалась наружу. Я перекидывался по несколько раз на дню: из одной ипостаси в другую и обратно. Вервольфы обучают этому своих малышей еще в детстве, для них это что-то вроде игры. Если не сопротивляться трансформации — она безболезненна и в чем-то даже приятна. Я же ничего этого не знал и ничего не умел, и для меня последующие несколько лет превратились в сплошную пытку, когда я понемногу осознавал, кто я такой, и учился себя контролировать.

Он чеканил слова жестко, но меня все равно это задело, стоило представить необычного мальчика, который страдал ни за что.

— Почему твоя мама не попросила вервольфов о помощи? — спрашиваю я.

— Видишь ли, это не так просто сделать. Если ты не в стае, тебе не станут помогать.

— А твой отец? Она обращалась к нему?

— К нему оказалось не так просто попасть. Но ей удалось поговорить с его внуком, который просто посмеялся над ней и прогнал.

Внук. Богатство. Я. Не нужно быть детективом, чтобы связать одно с другим и догадаться, о ком речь.

Дедушка Доминика — отец Хантера?

Хантер похитил меня из-за Доминика.

Точнее, чтобы отомстить Доминику.

По дому разлилась мелодичная мелодия, и я вздрогнула. Хантер неспешно преодолел расстояние до кухни и вытащил из куртки телефон:

— Алло.

Он включил громкую связь, поэтому до меня тоже донесся рычащий голос Доминика:

— Если тронешь Шарлин даже пальцем, пожалеешь, что не сдох быстро.

— Лучше поторопись, потому я собираюсь не только трогать Чарли. Как знать, может, я понравлюсь ей настолько, что она выберет меня.

Что по этому поводу думает Доминик, мы не узнали, потому что Хантер тут же отключился.

А я не двинулась с места, слишком потрясенная, чтобы действовать. И поэтому упустила момент, когда он снова направился ко мне.

Что он там собирался делать? Трогать?

Нет, на это я не подписывалась.

Мне нужно срочно его уболтать. Доминик едет сюда. Отлично! Мне нужно только потянуть время.

Когда Хантер остановился в шаге от меня, я вытянула вперед руку.

— Я все равно не понимаю, почему ты решил, что я та самая имани.

— По твоему аромату, Чарли, — улыбнулся он. — Хоть я и не встречал подобных девушек раньше, сразу понял, что к чему, стоило приблизиться к тебе.

Он перехватил мою ладонь и дернул меня на себя, прижимая к груди и втягивая носом воздух.

— Думаешь, я курил ради маскировки? Нет, твой запах настолько сладкий, что приходилось изворачиваться, чтобы не наброситься на тебя в твоем же магазине.

Я рванулась из его захвата, но куда мне до силы вервольфа — только зашипела от боли в запястье. Попытка его лягнуть тоже закончилась тем, что меня попросту распластали по книжным полкам. Хантер развел мои руки, перехватывая удобнее, и бедрами прижался к моим бедрам. Так, что я явно почувствовала его возбуждение, и забилась сильнее.

— Тише-тише, — говорит Хантер. — Я не собираюсь делать тебе больно.

— Это теперь так называется?!

Во мне всколыхнулась волна такой звериной ярости, что я клацнула зубами возле его лица. Только дай до тебя добраться, и я подпорчу твою харизму!

— Ого! — Его глаза вспыхнули. — Не знал, что сила имани так работает. Значит, ты становишься вервольфом. Вряд ли у тебя появится вторая ипостась, но волчьи инстинкты уже есть. Скажи, ты чувствуешь эти изменения? Видишь мир иначе? Как ощущаешь запахи? Звуки?

— Хватит разговаривать со мной, как с подопытной крысой! — рявкнула я.

— Не с крысой, Чарли, — мягко поправил он. — С волчицей.

На меня будто увесистый том по истории свалился, из тех, что затесались на верхнюю полку. Потому что не знаю как насчет звуков, разговоры нищие мне, как Оуэну, подслушивать не удавалось, но сегодняшняя сцена с покупательницей и слова Венеры всплыли в памяти. Голос альфы. Я заставила ее уйти. Как и ту девицу в «Коршуне», которая вешалась на Доминика.

Но какая разница, если я все равно не рассмотрела в Хантере угрозу?

— Я ничего такого не чувствую.

— Или предпочитаешь не чувствовать?

Вот теперь мне захотелось зарычать. Натурально так.

— При чем здесь вообще я?! Ты появился в моем магазине не ради меня. Ты вообще не знал, что я имани.

Хантер мрачнеет, но не выпускает меня из захвата.

— Ты права. Я искал уязвимое место Экрота и нашел тебя. То, что ты имани, вышло любопытным совпадением. Или скорее закономерностью, раз он помешался на тебе.

Это такой не очень тонкий намек на то, что Доминика привлекла исключительно моя сила?

— Очень мило мстить своему даже не отцу, а... кажется, племяннику через его женщину. Мужской поступок, ничего не скажешь.

— Я же дал слово, что ты не пострадаешь. — Историк сильнее сжимает руки на моих запястьях. — Мне просто нужно дать повод Экроту.

— Повод для чего?

— Вызвать меня на бой.

Битва вервольфов?

— Зачем? — вырывается у меня.

— Потому что статус альфы позволяет ему ответить на мой вызов отказом. А вот похищение своей женщины он вряд ли простит и захочет поквитаться.

Битва за любовницу. Но это бред! Ему не нужно за. меня сражаться, потому что...

— Я выбрала другого.

— Доминика, — выплевывает его имя Хантер.

— Да, Доминика. Я принадлежу ему. Он уже едет за мной и порвет тебя на части!

— На это и расчет, Чарли. Чем злее сюда явится Экрот, тем лучше для меня.

— Лучше? Доминик силен. Он тебе не по зубам.

— Уверена? Я не совсем обычный вервольф, помнишь? Силы во мне больше, чем в любом альфе.

Глаза Хантера вновь загораются мистическим голубым свечением, и все внутри меня начинает мелко подрагивать. На этот раз от страха не за себя, а за моего волка.

— Ты этого хотел изначально? Заманить его сюда?

— Вообще-то я рассчитывал соблазнить тебя.

И я ведь почти повелась! На его доброту, на любовь к книгам, на хорошее ко мне отношение. Мне он понравился.

— Но я быстро отказался от этой идеи. Ты слишком хороша для такого чудовища, как Экрот.

— Это, знаешь ли, решать мне!

— Здесь ты тоже права. Но может, еще передумаешь?

— Думаешь, я стану встречаться с насильником?

— А я тебя насилую?

Только сейчас до меня доходит, что Хантер ничего не делает. То есть он меня обездвижил, но на этом все. Точнее, все для людей, но не для вервольфов.

Запах! Я пропахну другим мужчиной. Именно этого Хантер добивается. Не важно, чем мы сейчас занимаемся, его запах уже будет на мне. На моей коже. На волосах. Везде.

— Катись к бесам! — рычу я.

Хантер усмехается, но без торжества. В его взгляде я ловлю сожаление.

Сдалось мне его сожаление!

Мне нужно сбежать отсюда, как можно скорее, чтобы добраться до Доминика раньше, чем он доберется сюда. Чтобы не было никакого повода. И никакой бойни!

Меня осеняет внезапная мысль, как его отвлечь. И я подаюсь вперед, впиваясь поцелуем в губы Хантера. Сухие и неожиданно мягкие. Мой трюк работает: с каким-то утробным рычанием вервольф отвечает на поцелуй, обхватывая мою голову руками, вплетая пальцы в волосы и теряя над собой и надо мной контроль.

А я размахиваюсь и бью его коленом.

К несчастью, реакция у Хантера лучше, чем у меня, поэтому я попадаю в бедро, а не туда, куда целилась.

— Зря ты это сделала, — шепчет он.

В ту же минуту с яростным хрустом распахивается и вылетает дверь, а на пороге возникает белоснежный и очень разъяренный волк.

Шерсть вздыблена, клыки угрожающе обнажены, глаза горят огнем. Но я еще никогда не была настолько рада видеть Доминика.

Я инстинктивно рванулась к нему и только тогда осознала, что Хантер меня больше не держит. Упала на колени, обнимая волка за шею, передавая ему всю дрожь, сотрясающую мое тело. А может, от напряжения трясло нас обоих. Доминик тяжело дышал, будто бежал волком от самого Мэнтон-Бэй, но я чувствовала, что в нем продолжает бурлить ярость.

Тем не менее он тоже склонил голову, словно обнимая меня в ответ, и меня окутало его теплом. На мгновение остались только мы с ним вдвоем. Одни в целом мире.

А потом историк все испортил:

— Здравствуй, Экрот. Если хочешь поговорить, тебе придется перекинуться.

Доминик зарычал так, что стало понятно: он пришел не поговорить, а потоптаться по могиле Хантера.

— Не хочешь? Тогда подожди минуту, не хочу портить любимую одежду. — Он издевательски усмехнулся и стянул с себя футболку.

Волк замер, а затем с шумом втянул носом воздух. Чтобы через секунду по сильному телу зверя прокатилась волна трансформации, и вот уже я обнимаю не зверя, а обнаженного и не менее злого Доминика. Правда, эта злость была направлена на мужчину за моей спиной.

— Ты вервольф.

— Я в курсе. И это все меняет, правда?

— Это ничего не меняет. — Голос Доминика срывается на рычание. — Ты забрал мою женщину.

— Она пошла со мной по доброй воле, тебе должны были об этом доложить.

Что?!

— Это неправда! — Я разворачиваюсь прямо в объятиях Доминика и готова сама наброситься на историка. Тем более что присутствие альфы придает мне сил. — Ты меня обманул. — Мне не позволяют и шага ступить, поэтому я запрокидываю голову, чтобы видеть глаза Доминика. — Он меня обманул.

— Помолчи, Шарлин, — отрезает он, даже не глядя на меня. — Поговорим позже.

— То есть ты считаешь, что я сама себя похитила?

— Шарлин. — Вот теперь Доминик рычит мое имя так, что по спине прокатывается волна холода. Не знаю, это и есть голос альфы или нет, но впервые мне хочется заползти в самый темный угол.

— Как бы то ни было, — продолжает он, — ты забрал ее у меня и ответишь за это.

— Готов сделать это хоть сейчас. Но я вервольф, а значит, на меня действуют волчьи законы.

— Я обещал тебе, что ты сдохнешь, — говорит он, задвигая меня за спину. — Не в моих привычках нарушать клятвы.

— Если ты просто убьешь меня, старейшины не оценят. А там и до потери статуса альфы недалеко.

— Я не стану убивать тебя просто.

Нет-нет-нет!

— Доминик, нет, — шепчу я, нарушая приказ. — Он именно этого и добивается. Чтобы ты его вызывал. Не нужно этого делать...

У него медовые глаза, но сейчас у меня создается впечатление, что меня взглядом приморозили к полу. Настолько они становятся холодными. Под этим взглядом остальные слова попросту застревают в горле.

— Встретимся на Волчьем ринге, — говорит он.

— Договорились, — скалится Хантер.

Доминик кивает, подхватывает меня на руки и выносит из дома. А я сейчас не замечаю холода. Ничего не замечаю. И стоит ему отойти на приличное расстояние, говорю:

— Он сделал это специально! Чтобы ты не мог отказаться от боя. Чтобы сам его вызвал. Он тебя спровоцировал.

— Об этом тебе стоило подумать прежде, чем садиться к нему в машину.

Я открываю рот. И закрываю. Потому что у меня просто не находится цензурных слов в ответ.

— Пусти меня!

Доминик прищурился, когда я рванулась из его объятий, но все-таки опустил меня на землю.

— То есть мне нужно было стоять и ждать, пока меня раздерут на части вервольфы Мэверика Халли, или кто там явился по мою душу?! Так?!

Его глаза вспыхивают золотой яростью.

— Кампала застал нас врасплох, но Оуэн сразу вызвал подкрепление. Тебе ничего не угрожало.

— Знаешь, когда на меня побежал огромный серый волчара, я как-то не подумала, что нужно стоять на месте и ждать, что меня вот-вот спасут!

— Я поклялся защищать тебя, Шарлин. И защищал. Моя стая разогнала шестерок Мэверика в считанные минуты. Но вместо того, чтобы довериться мне, ты села в машину к Хантеру Бичэму.

Я задыхаюсь от возмущения, на глазах выступают злые слезы. Но я буду не я, если позволю Доминику их увидеть! Поэтому до боли прикусываю щеку изнутри.

— Я сделала это, потому что испугалась.

— Нет, ты сделала это, потому что посчитала нужным. Потому что решила, что парень, которого ты видела всего пару раз, надежнее моего слова. Зачем ты вообще обратилась ко мне?

— Потому что я идиотка! — рявкаю я. — Лучше бы сразу сдалась Кампале. Он бы прикопал меня по-быстрому, и все дела. Тогда бы не было этой сделки! И не было бы тебя в моей жизни!

Вервольф дернулся, будто я с размаху ударила его по лицу, но мне уже было все равно. Что бы он там себе ни придумал, мне действительно было страшно: за себя и за него, потому что Хантер одержим мстостью. Но Доминику плевать на мой страх. На то, что я думаю и что чувствую. Его больше задело то, что я была с другим. И плевать, что с этим другим я была не по своей воле.

Я собиралась спросить про Озуна и про Венеру, объяснить, что таким образом хотела увести напавших волков. В конце концов, рассказать про самого историка! Хотела сказать, что за него волновалась и волнуюсь сейчас, но по тяжелому взгляду вервольфа поняла, что все это

бессмысленно. На меня уже повесили ярлык «виновата» и не собираются менять собственное мнение.

Мы стояли и сверлили друг друга взглядами, пока на дороге не замелькали огоньки фар. Стоило внедорожнику остановиться, я влетела на заднее сиденье, прикрыла глаза и заставила себя глубоко дышать. Меня снова мутило, подозреваю, что от обиды, которая словно разъедала изнутри, и пережитого страха. А еще трясло так, что пришлось обхватить себя руками и крепко сжать зубы, чтобы сдержать эту дрожь.

Я надеюсь, что Доминик поедет в другой машине, но он, уже одетый в свитер и джинсы, спустя несколько минут занимает место рядом со мной.

Видеть его не могу! И не хочу!

— Отвезите меня в магазин, — прошу у водителя, но он смотрит на своего альфу. Конечно же он смотрит на альфу!

— Твой рабочий день закончился, Шарлин, — отвечает за него Доминик. Только что он рычал, как зверь, но сейчас обманчиво-спокоен. — Мы едем домой.

Я приподнимаю бровь.

— Едем к тебе, хочешь сказать?

И больше не говорю ни слова до самого Мэнтон-Бэй. А смысл что-либо говорить, если тебя все равно не слышат?

Не знаю, имани я или нет, но меня не обманывает его спокойствие. Я на каком-то инстинктивном уровне чувствую, что Доминик в бешенстве. Его состояние не позволяет расслабиться, поэтому я просто отодвигаюсь как можно дальше и рассматриваю проносящийся мимо ночной пейзаж из домов, деревьев и фонарей.

Я впадаю в подобие транса, из которого вырываюсь в реальность, только когда мы въезжаем во двор особняка. Не дожидаясь, пока мне откроют дверь, толкаю ее сама и направляюсь в дом. Но вервольф догоняет меня на лестнице и встает на пути к моей временной спальне.

— В мой кабинет, — приказывает он.

Ну все! Это последняя капля!

— Ты бредишь, Экрот? На улице ночь, а я пережила нападение вервольфов, похищение и твое спасение. Что бы это ни было, подождет до утра.

Я намереваюсь его обойти, но врезаюсь в его руку. Лицо Доминика искажается, будто он собирается перекинуться, и внутри меня что-то нехорошо екает.

— В кабинет, Шарлин. Это не обсуждается.

Я смотрю ему в глаза, потом на руку и понимаю, что у меня просто не хватит сил, чтобы сдвинуть его с места. И это бесит! Бесит собственное бессилие. Но именно ярость позволяет встряхнуться и свернуть в распахнутую дверь кабинета.

Ярко вспыхивают настенные бра, свет бьет по глазам, и я их прикрываю. А когда распахиваю вновь, вижу Доминика в шаге от себя.

— О чем еще таком важном ты хочешь поговорить? — интересуюсь я, даже не пытаясь сдерживать раздражение.

— Он успел тебя тронуть?

Вопрос застаёт меня врасплох, хотя по каменной морде вервольфа я быстро понимаю, о чем он. Ну конечно! Что еще может интересовать альфу-собственника?

— Смотри, что ты подразумеваешь под «тронуть». Хантер удерживал меня, а еще я поцеловала его, исключительно для того, чтобы отвлечь внимание и попытаться сбежать. Но ты, наверное, хочешь знать, успели ли мы перепихнуться? Нет. Не успели. Ты появился раньше.

Доминик словно окаменел, вонзаясь в мое лицо злым взглядом, а меня, откровенно говоря, несло, но я уже не могла остановиться.

— Поэтому условия сделки я не нарушила, и если меня хорошенько отмыть, то запах другого мужика выветрится.

Мне больно. Как же мне больно и гадко.

— Ты со мной только из-за сделки?

— Да! — выкрикиваю я и тут же жалею об этом. Потому что последние несколько дней к нашему договору не относились, я была счастлива с ним. И даже раздумывала над тем, чтобы остаться. Серьезно раздумывала.

Мои слова падают между нами, и мне хочется вернуть их. В конце концов, этот вечер вытрепал все мои нервы. Я открываю рот, чтобы извиниться. Открываю, но Доминик меня опережает.

— Иди к столу, Шарлин.

— Что?

— Иди к столу и выполняй условие сделки.

— Здесь? Сейчас?

Доминик наступает на меня и расстегивает пряжку ремня, а я в замешательстве застываю. Потому что в голове не укладывается, что вервольф не шутит.

Но он не шутит.

И мне становится в сотню раз больнее.

— Я не согласна, — говорю я. — Я не хочу.

— А тебя кто-то спрашивает, Шарлин? — Его взгляд такой тяжестью ложится мне на плечи, что я едва давя желание поежиться. — Вперед.

Он перехватывает меня за руку, разворачивает лицом к столу и заставляет нагнуться, а потом просто задирает юбку и стягивает белье. Гордость, а еще шок не позволяют мне начать кричать и вырываться. Да и зачем, если Доминик нрав? Я обещала выполнять условия нашей сделки.

Холодок бежит по обнаженным ногам и ягодицам, прежде чем на смену ему приходит жар ладоней вервольфа. Таких горячих, что я вздрагиваю. Сначала от этого, и во второй раз, когда он скользит пальцами между складок, грубо раздвигая их и находя чувствительный бугорок клитора. Тербя его и посылая по моему телу пока еще легкие волны возбуждения.

Я не знаю, откуда во мне берется это возбуждение, но оно берется. Имани я или нет? Я почти готова в это поверить, потому что ни одна нормальная, психически здоровая женщина не способна возбуждаться от этого, тем более этим наслаждаться.

Удовольствие бурлит во мне, нарастает с каждым прикосновением. Как бы мне этого ни хотелось, я откликаюсь на это движение, тянусь следом за ним. Но Доминик снова толкает меня вперед, впечатывая грудью в столешницу, и я кусаю внутреннюю часть щеки, чтобы не шипеть. Край бумаг врезается мне в подбородок, и я даже не могу повернуть голову, чтобы посмотреть на вервольфа.

Да и не хочу. Потому что просто отказываюсь верить, что этот жестокий мужчина умеет быть нежным.

Когда его пальцы скользят свободнее, я готова рычать от досады. Потому что меня потряхивает от возбуждения и потому что Доминик убирает ладонь. Правда, тут же входит в меня на всю длину. Я охаю, стараясь расслабиться и привыкнуть к ощущениям, но он не позволяет, сразу ускоряя ритм, врываясь в меня резкими толчками и доказывая, кто здесь хозяин жизни.

Кто здесь альфа.

Он берет меня жестко. Врезаясь в меня, будто настоящий зверь. До той грани, где наслаждение сплавляется с болью. Но боль в теле ничто по сравнению с той, которая разрастается в сердце. Мы кончаем одновременно: я со вскриком, а Доминик с рычанием. Но это самое унижительное. То, что я вообще получила от этого удовольствие!

Как так можно?

Будто этого мало, слезы все-таки выходят из-под контроля, меня начинает трясти, а из моей груди вырываются рыдания. И за это я ненавижу себя сильнее, чем за полученное удовольствие. Удовольствие для тела, а не для души.

Доминик отстраняется, разворачивает меня к себе лицом и прижимает к сердцу. Точнее, там, где у нормальных людей сердце. Но он не человек, а зверь.

— Шарлин, — шепчет он, нежно стирая большими пальцами на моих щеках мокрые дорожки от слез. И эта нежность ударяет в меня сильнее, чем все случившееся.

— Не прикасайся ко мне! — рычу я. — Если это не очередное условие сделки, то не надо.

Мужчина в моих объятиях каменеет, застывает как волк перед прыжком. Его глаза загораются желтым, но он опускает руки и отступает в сторону, на этот раз освобождая мне муть.

А я одергиваю юбку и будто в тумане бросаюсь прочь из ненавистного кабинета.

Прочь-прочь-прочь.

Во мне все клокочет, и кажется, меня вот-вот вырвет. Тошнота настолько подкатила к горлу, что кажется, уже не кажется.

Я едва успеваю добежать до туалета, и меня выворачивает.

Ночь запоминается мне отрывками, когда я просыпаюсь от любого шороха и тут же соскальзываю в темноту. А утром чувствую себя разбитой. Раздавленной. Тем невыносимей открыть глаза и увидеть Доминика, застывшего возле окна.

Он стоит ко мне спиной, но, наверное, уже знает, что я проснулась. Чувствует, как я чувствую его напряжение. И едва давя в себе инстинктивное желание отползти подальше и закопаться в одеяло: еще одного раунда возвращения долга я не выдержу.

Только не сейчас.

— Я разрываю наш договор, Шарлин.

Я вздрагиваю от его голоса и готова спорить на что угодно, что ослышалась. Но Доминик поворачивается и повторяет, глядя мне в глаза:

— Больше никаких сделок.

Если он рассчитывал, что я стану прыгать до потолка, то просчитался. Не прыгается.

— Ты не можешь этого сделать, — выдыхаю. Мой голос хриплый и надтреснутый, все-таки сказалась вчерашняя беготня по улице. Но мне сейчас не до того, как я звучу или выгляжу. Я сажусь, прикрываясь одеялом. — Ты обещал защищать меня и моих близких.

— И я сдержу свое обещание. Я увеличу количество вервольфов, что присматривают за тобой и твоими родителями. Это вынужденные меры, пока я не разберусь с Кампалой и Хантером Бичэмом. И я сделаю это в максимально короткие сроки. Но тебя я освобождаю от любых обязательств передо мной.

Я сжимаю край одеяла до хруста в костяшках.

Мне должно стать легче. Я должна почувствовать себя свободной!

Но я не чувствую ничего, кроме тупой, ноющей боли в груди.

В этом мужчине, жестком и холодном, нет ни капельки от того, который бегал со мной на безлюдном пляже, с которым мы смеялись в баре и с которым вместе засыпали в домике, затерявшемся в заснеженном лесу.

— Это так благородно, что меня сейчас стошнит!

Меня действительно тошнит от той горечи, что поднимается внутри. Зато ледяная маска Доминика трескается, он яростно сверкает глазами и так сжимает челюсти, что на лице играют желваки. Но когда отвечает, его голос звучит ровно.

— Благородство — это точно не про меня. Эта сделка изначально была ошибкой, прошлая ночь тому доказательство.

От воспоминаний во мне вспыхивает гнев, и я смотрю ему прямо в глаза.

— Раньше наша сделка тебя не смущала. Дело во мне? Или в Хантере? В том, что я села к нему в машину?

Я силюсь понять, что изменилось, но не могу. Вот этого нового, далекого и холодного Доминика понять не получается.

— Нет, Шарлин, дело во мне. Рядом с тобой я становлюсь зверем гораздо больше, чем есть на самом деле. А для альфы это недопустимо.

Его слова ударяют в меня сильнее, чем мне хотелось, но я отворачиваюсь и принимаюсь рассматривать жалюзи и торшер, смотрю куда угодно, только не на Доминика. А вот он смотрит на меня: я чувствую это всей кожей. Долго, будто старается что-то прочесть на моем лице.

— Оуэн отвезет тебя на работу, — бросает он, а затем просто выходит из комнаты. Хотя ничего простого в этом точно нет.

Я дрожащими пальцами отбрасываю одеяло и сползаю с кровати. Меня слегка штормит, но я сжимаю зубы и приказываю себе собраться. В том числе буквально. Я влезаю в первые попавшиеся джинсы, натягиваю свитер и кроссовки и спускаюсь в холл с надеждой, что не встречу по пути Доминика.

Впрочем, я никого не встречаю. Кроме Оуэна, ждущего меня возле входа.

Ради него я даже вымучиваю улыбку, хотя вервольф не улыбается в ответ. Понятно, тоже считает меня предательницей. Ну и пусть!

— Как ты? — интересуюсь я.

— Нормально.

— А как тот парень?.. Который охранял мою машину.

Я хочу и не хочу об этом спрашивать, потому что помню кровь на бетоне.

— Артур в больнице, но с ним все будет в порядке.

— Я рада, — признаюсь искренне. — А Венера?

— Она уехала раньше, чем все началось.

Ну хоть что-то хорошее.

Больше мы не разговариваем, потому что, стоит Оуэну выехать на шоссе, меня снова начинает мутить. Аккурат до самого магазина, где я тут же закрываюсь в туалете. И только спустя какое-то время выползаю оттуда зелененького цвета.

— Чарли, ты уже завтракала? — кажется, издевается надо мной выпавшаяся и бодрая Рэбел.

— Нет и не собираюсь! И не упоминай при мне еду, пожалуйста. Не представляю, чем я могла вчера отравиться.

— Да, выглядишь ты неважно.

— Спасибо.

— Как есть. Может, кофе?

Рэбел делает глоток из кружки, любимый аромат долетает до моего носа, и... Я срываюсь с места, чтобы снова вернуться к белому другу.

Прихожу в себя только на осторожный стук.

— Подруга, — тихо спрашивает помощница, — я, конечно, не спец, но родила двоих. В общем, как давно у тебя были регулы?

— Что? Нет, это не то, что ты подумала...

Я осеклась, стараясь вспомнить, когда в последний раз у меня была менструация. И выходило, что у меня задержка. На неделю.

Меня даже мутить перестало от такого открытия.

Я быстро помыла руки, ополоснула лицо и вышла к Рэбел.

— Ты же знаешь, что это невозможно.

Я говорю это не для нее, а для себя, но подруга виновато улыбается.

— Ты права. Глупость сказала. Я все время забываю про то, что вервольфы — не обычные мужчины.

Так в каком ресторанчике ты вчера была? Скажи название, чтобы я никогда туда не заходила...

Рэбел говорит что-то еще, но все ее слова благополучно пролетают мимо моих ушей. Их перекрывают другие, бегущей строкой, о том, что это я сама могу быть очень необычной. Настолько необычной, что...

Имани.

Имани, которые могут дать потомство сильному альфе.

Родить ребенка, который сможет жить на два мира...

Ну нет! Хантер сумасшедший! Или фантаст, как его там называют. А я просто повелась на эти сказки. Задержка может быть от нервов. Я же живу как на войне!

Но... Что, если он прав?

За всю свою жизнь я ни разу не покупала тестов на беременность, поэтому в аптеке чувствую себя неловко и странно. Но лучше узнать сразу, что все это ошибка, чем мучиться неизвестностью. Иначе с ума сойду уже я.

Рэбел даже не останавливает меня, когда, вернувшись в магазин, я снова закрываюсь в туалете. Неудивительно, потому что из зеркала на меня смотрит очень бледное, слегка позеленевшее отражение. Я следую инструкции, она оказывается простой. Как и результат.

Две полоски.

Вторая не такая яркая, но она все-таки есть.

Конечно, на коробке написано, что тест не дает стопроцентной гарантии, что нужно обратиться к доктору. Но когда я вижу эти две полоски, то понимаю, что никакие гарантии не нужны.

Я беременна.

Беременна от Доминика.

Альфы, который сначала воспользовался мной, а теперь, когда наигрался, решил вышвырнуть из своей постели и жизни. Что он там сегодня сказал? Что разрывает сделку? Что я больше ничего ему не должна? А что скажет, когда узнает про ребенка? Или он уже знает? По запаху или еще бес знает по чему.

Не поэтому ли Доминик переменял свое решение относительно нас?

Все внутри будто скручивается в тугий узел, но на этот раз не от тошноты. Мне больно и страшно, и я понятия не имею, что с этим делать. Сама во всем этом я точно не разберусь.

У меня даже пальцы дрожат, когда я ищу в контактах номер Хантера. А вот голос звучит ровно:

— Что случилось с твоей настоящей матерью?

— И тебе привет, Чарли. Я знал, что ты позвонишь. Но не думал, что это будет так скоро.

Голос историка звучит, как всегда, весело, но сейчас меня этим не обманешь — я знаю, каким он может быть. И ни за что бы к нему не обратилась, будь у меня выбор. Но он единственный, кто может мне помочь. Тот, кто мне поверит.

— Издеваешься? Мне нужно это знать. Что с ней случилось?

— Она умерла. Во время родов.

— Мне жаль, — говорю я, а у самой волосы шевелятся на голове. Что мы вообще знаем про имани? Каково это — выносить волчонка?

— Мне тоже, — раздается глухое в трубке.

— А отец? Почему он не забрал тебя к себе?

— Экрот не поверил в то, что я его ребенок. Он обвинил ее в измене и прогнал, когда узнал о беременности. После ее смерти меня к себе на воспитание взяла ее сестра.

— Но существует же тест на ДНК. Современная медицина способна на многое.

— У вервольфов своя медицина, и, насколько ты знаешь, я родился не волком. В моем случае нужно

было лишь желание отца узнать о своем ребенке. А он не захотел. — В голос Хантера вплавился металл. — Ни тогда, ни спустя много лет.

Мне ли не знать, насколько категоричными могут быть вервольфы! Но это все равно очень странно... И жестоко. На мгновение я даже понимаю чувства Хантера. Я бы тоже хотела убить того, кто так поступил с моей мамой. Наверное.

— Почему тебя интересует этот момент, Чарли? — спрашивает историк. — Ты...

Я нажала отбой прежде, чем он продолжил. Потому что этого ему точно знать не нужно. А кому нужно, я расскажу сама.

И чем раньше, тем лучше.

Поэтому я оставляю магазин на Рэбел, видимо, мне придется повисить ей зарплату. Или нанять еще одну помощницу. Потому что через несколько месяцев я уже не смогу выполнять свои обязанности.

Я действительно об этом думаю? Да, я действительно думаю, как придется изменить свою жизнь ради малыша. Или это будет малышка?

— Оуэн, отвези меня к Доминику. Где бы он сейчас ни находился. Это очень важно и срочно.

Вервольф кивает. Кажется, после вчерашнего он предпочитает не общаться со мной без особой надобности, но сейчас мне это только на руку. Движение по пробкам меня укачивает, все силы уходят на то, чтобы дышать ровно. Что, по сути, очень и очень сложно, потому что каждый раз, когда я думаю, что и как скажу Доминику, сердце начинает неистово колотиться в груди, и холодеют ладони.

Но я уверена, он должен знать. Это ведь наш общий ребенок.

Волчонок.

Мы его родители, а значит, и разбираться с этим придется вместе. По крайней мере я должна спросить у Доминика, хочет ли он этого ребенка.

Машина останавливается возле шестизэтажного исторического здания в центре. Аренда офиса в нем наверняка стоит столько, сколько мне и не снилось. Но, как гласит серебристая табличка, занимает его целиком одна-единственная компания — «Экрот-Брайс групп».

Внутри тоже выдержан стиль прошлого века: плитка-домино, вензеля на стенах, бра под старину. Только лифт, на котором мы поднимается, выделяется, он современный и быстрый. Я отмечаю все это на бегу, сжимая сумочку в руках настолько яростно, что на ней остаются следы от ногтей.

Двери лифта расходятся, и мы оказываемся в просторной приемной. Вся мебель деревянная, обивка в темно-зеленых тонах. Здесь отчетливо ощущается вкус Доминика. Здесь ощущается сам Доминик. Его сила, его энергетика, его запах. Теперь я чувствую его запах. Правда, к нему примешивается еще один, который кажется смутно знакомым и вызывает во мне непонятное раздражение.

За широкими столами расположились два секретаря: незнакомая мне девушка и Венера. Глаза волчицы увеличиваются в размерах, когда она натывается на меня взглядом.

— Чарли? Что ты здесь делаешь?

— Пришла поговорить с Домиником. Это срочно.

— Но у него встреча.

Я смотрю на широкие двойные двери. Чем или кем бы Доминик ни был занят, мой разговор важнее.

— Скажи ему, что это жизненно важно. Или ладно, ничего не говори, я сама скажу!

— Чарли! — бросает она мне в спину, но я уже толкаю двери в стороны.

И застываю.

Не потому, что Доминик медленно, с яростным взглядом поднимается из-за стола.

А потому, что узнаю этот раздражающий запах. Не только запах, я узнаю его обладательницу. Хотя она сидит ко мне спиной, невозможно не узнать темно-шоколадные волосы, изящные пальцы, когда она заправляет прядь за ухо, и мелодичный голос:

— Значит, ты хочешь обсудить приготовления к нашей свадьбе.